

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт экономики Российской академии наук

На правах рукописи

Нифаева Ольга Владимировна

**ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ**

Специальность 08.00.01 – Экономическая теория

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора экономических наук

Научный консультант:
доктор экономических наук
Гловели Георгий Джемалович

Москва – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1 ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С ЭТИКОЙ.....	17
1.1 Проблема взаимосвязи экономической теории и этики в процессе развития теоретического знания	17
1.2 Понятие и функции этики в развитии экономической теории и методологии	33
1.3 Эволюция экономической методологии в контексте влияния этики	51
ГЛАВА 2 ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОСТА ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ.....	74
2.1 Этико-экономические воззрения донаучного периода и выделение политической экономии из этики.....	74
2.2 Взаимосвязь экономической теории и этики в условиях развитой науки	88
2.3 Влияние этики на развитие экономической теории и методологии с точки зрения соотношения нормативной и позитивной науки.....	125
ГЛАВА 3 МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ РОЛИ ЭТИКИ В ПРОЦЕССЕ ЭВОЛЮЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ	140
3.1 Философско-методологическая структура взаимосвязи экономической теории и этики	140
3.2 Эволюция дисциплинарной экономической онтологии во взаимосвязи с этикой	177
3.3 Методологические принципы индивидуализма и коллективизма как альтернативные варианты построения дисциплинарной экономической онтологии.....	192

ГЛАВА 4 ТРАНСФОРМАЦИЯ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВЛИЯНИЯ ЭТИКИ...	211
4.1 Онтологические противоречия модели человека в основном течении экономической мысли	211
4.2 Направления развития альтернативных моделей человека в экономической теории с учетом влияния этики	229
4.3 Переосмысление концепции экономической рациональности во взаимосвязи с этикой.....	258
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	275
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	286
ПРИЛОЖЕНИЕ А – Сравнение типов научной рациональности и соответствующих им системных объектов исследования	318
ПРИЛОЖЕНИЕ Б – Концептуально-методологическая схема исследования этических аспектов эволюции экономической теории и методологии	319
ПРИЛОЖЕНИЕ В – Эволюция экономической теории и методологии в процессе развития теоретического знания	320
ПРИЛОЖЕНИЕ Г – Альтернативные модели человека в экономической теории	322

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертации. Исследование этических аспектов эволюции экономической теории имеет большое историческое, практическое и методологическое значение. Комплексная разработка вопросов взаимодействия экономической теории и этики является принципиально важной с практической точки зрения в связи с тем, что экономическое поведение во многом определяется этическими факторами, распространенной в обществе системой ценностей. Следовательно, изучение эволюции экономической теории в контексте влияния этических факторов на экономическое поведение способствует расширению и углублению понимания экономических процессов, повышению эффективности принимаемых решений и качества регулирования экономики на всех уровнях управления. В свою очередь высокий уровень практической значимости проблемы влияния этики на развитие экономической науки предопределяет необходимость ее более глубокой теоретико-методологической проработки.

На фоне трансформации экономической реальности (усиления социально-экономической нестабильности, обострения глобальных экономических проблем, преобразования научно-технологического фундамента общества) исследование этических аспектов эволюции экономической теории и методологии приобретает большое историческое значение, обусловленное необходимостью разработки теоретико-методологического фундамента переосмысления целей экономического развития и критериев экономической эффективности, всегда связанных с переоценкой системы этических ценностей общества.

Текущее состояние мировой экономики и постнеклассический этап развития теоретического знания¹ также ставят вопрос об этико-гуманистических последствиях хозяйственной деятельности человека и этической ответственности ученых. Тем самым признается, что субъект познания является не

---

¹ Концептуальные основы периодизации развития теоретического знания, предполагающие выделение этапов преднауки, классической, неклассической и постнеклассической науки, были разработаны В. С. Степиным [249].

дистанцированным наблюдателем, а активным участником процесса познания и даже в определенной степени вносит вклад в формирование представлений об экономической реальности. Это актуализирует необходимость пересмотра идеалов и норм научного исследования в сторону экспликации ценностных ориентаций ученого. Таким образом, изменение самой экономической реальности стимулирует изучение этических аспектов развития экономической теории и методологии. Как следствие, возникает новое предметное поле исследования взаимодействия экономической теории и этики, связанное с пониманием этики как науки о человеке и переосмыслением дисциплинарной онтологии (картины исследуемой реальности). В настоящее время вследствие трансформации экономической реальности теоретическая экономическая наука все чаще сталкивается с новыми объектами исследования, которые не предусмотрены дисциплинарной онтологией и, соответственно, не получают должное теоретическое осмысление, что вызывает критические замечания по поводу чрезмерного отрыва теоретических экономических построений от реальности. В связи с этим изучение этических аспектов эволюции экономической теории и методологии способствует пересмотру онтологических оснований экономической теории в целях ее приближения к потребностям человека в реалистичной, социально-ориентированной науке.

Изучение роли этики в развитии экономической теории имеет большое значение для совершенствования экономической методологии, так как связано с формированием целостного, конструктивного, интегрирующего подхода, позволяющего преодолеть фрагментацию и релятивизацию современного экономического знания. Исследование этических аспектов эволюции экономической теории особенно важно для отечественной науки, в которой происходит активное переосмысление и выбор новых методологических подходов.

Историко-методологическое осмысление роли этики в развитии экономической теории (зарождения экономического знания в лоне этики, эволюции роли этики в развитии экономической теории и методологии)

становится важной составной частью исследования тенденций развития современной теоретической экономической науки. Таковы методологические, исторические и практические стороны актуальности темы диссертационной работы.

Степень научной разработанности проблемы. Высокая теоретическая и практическая значимость исследования этических аспектов эволюции экономической теории и методологии обусловила наличие большого числа работ отечественных и зарубежных ученых. В отсутствие экономической теории как самостоятельной научной дисциплины экономические вопросы рассматривались в рамках этико-философских воззрений мыслителями Древнего мира и Средних веков.

С момента возникновения самостоятельной теоретической экономической науки многоаспектная взаимосвязь экономической теории и этики в истории экономической мысли наиболее полно может быть проанализирована с точки зрения понимания этики как общественного идеала и нравственного императива, совокупности нравственных норм хозяйственного поведения и науки о человеке (императивный, прикладной и когнитивный аспекты).

Преимущественное развитие в истории экономической мысли получили императивный и прикладной аспекты эволюции экономической теории и методологии с позиций должного экономического поведения. В наибольшей степени они раскрываются в научных работах в области хозяйственной этики и теории общественного благосостояния при исследовании проблем социальной справедливости, информационной асимметрии, этического выбора, ценностных установок субъектов хозяйственной деятельности, оппортунистического поведения, распределения общественного богатства и долгосрочных последствий хозяйственной деятельности. С этой точки зрения большой научный интерес представляют работы С. Н. Булгакова, В. Парето, В. Зомбарта, М. Вебера, А. Пигу, Р. Коуза, А. Риха, Дж. Бьюкенена, К. Эрроу, Э. Остром, П. Козловски, О. Уильямсона, А. Сена, С. Боулза, Дж. Акерлофа, Дж. Стиглица, Р. Шиллера.

Исследование указанных проблем во многом обусловлено формализацией теоретических экономических построений в области изучения этических факторов поведения человека, что всегда выгодно отличало экономическую теорию от других социально-гуманитарных наук. В то же время уклон в техническую сторону нередко ограничивает поле исследований взаимосвязи экономической теории и этики только теми вопросами, которые могут быть формализованы.

Несмотря на обилие эмпирических исследований в области взаимосвязи отдельных этических категорий и экономических показателей, наименее разработанным в методологическом плане остается когнитивный аспект эволюции экономической теории (основанный на понимании этики как науки о человеке), несмотря на его значительный методологический потенциал. С позиций когнитивного аспекта большой научный интерес представляют работы таких выдающихся мыслителей, как А. Смит, К. А. Сен-Симон, К. Маркс, Г. Шмоллер, Т. Веблен, Дж. Коммонс, Л. Мизес, Й. Шумпетер, Дж. М. Кейнс, Ф. Найт, Ф. Хайек.

Потребность в формировании целостного теоретического знания о роли этических факторов экономического поведения в рамках когнитивного аспекта способствовала активизации исследований в области социэкономии (А. Этциони) и гуманомики (Д. МакКлоски).

Научное обобщение и систематизация результатов многочисленных исследований этических аспектов развития экономической теории наталкиваются на ограниченность методологической базы в этой области, что делает необходимым рассмотрение особенностей эволюции экономической методологии. До появления экономической методологии как самостоятельной научной дисциплины методологические вопросы так или иначе ставились всеми учеными-экономистами, однако, прежде всего, следует отметить работы Н. У. Сениора, Дж. С. Милля, К. Маркса, Дж. Э. Кэрнса, Г. Шмоллера, К. Менгера, Дж. Н. Кейнса, М. Вебера, Л. Роббинса, М. Фридмена.

Современная экономическая методология характеризуется тесной взаимосвязью с этикой, философией науки и историей экономической мысли, что нашло отражение в трудах М. Блауга, Л. Боланда, Ш. Доу, Дж. Дэвиса, Д. Коландера, Б. Колдуэлла, Д. МакКлоски, М. МакФерсона, У. Мяки, Д. Хаусмана, Дж. Ходжсона, У. Хэндса. Большой вклад в развитие исторических и методологических экономических исследований, в том числе с точки зрения влияния этики на развитие экономической теории, внесли отечественные ученые: В. С. Автономов, О. И. Ананьин, И. А. Болдырев, А. В. Бузгалин, Г. Д. Гловели, Л. С. Гребнев, Е. П. Дятел, Р. И. Капелюшников, Л. А. Карасева, С. Г. Кирдина-Чэндлер, А. И. Колганов, Н. А. Макашева, Д. Ю. Миропольский, Р. М. Нуреев, Ю. Я. Ольсевич, П. А. Ореховский, М. А. Пивоварова, А. Я. Рубинштейн, М. А. Румянцев, В. Т. Рязанов, Л. А. Тутов, Д. П. Фролов, А. Г. Худокормов, И. Г. Чаплыгина.

Анализ работ отечественных и зарубежных ученых, посвященных этическим аспектам эволюции экономической теории и методологии, позволяет сделать следующие выводы. Методологические вопросы взаимодействия экономической теории и этики не получили должное освещение в научной экономической литературе. Современная экономическая методология все больше сближается с философией, историей и социологией науки, стремится рассматривать экономическую теорию как сложную развивающуюся систему, социальный институт, не отделимый от действующей в обществе системы этических ценностей. Однако исследований по истории экономической мысли и экономической методологии с точки зрения влияния этики остается крайне мало. Изучение этических аспектов эволюции экономической теории и методологии отличается фрагментарностью, отсутствует комплексное представление о взаимосвязи экономической теории и этики, несмотря на чрезвычайно высокую степень актуальности этой взаимосвязи с точки зрения современного этапа развития мировой экономики. Это обусловило выбор темы диссертации, ее цель, задачи, предмет, объект и структуру.

Цель диссертации состоит в выявлении и раскрытии этических аспектов эволюции экономической теории и методологии, структуры и особенностей взаимосвязи экономической теории и этики в истории экономической мысли. Исходя из поставленной цели, в работе решаются следующие **задачи**:

- разработать методологический подход к исследованию роли этики в эволюции экономической теории и выявить характер взаимосвязи экономической теории и этики в истории экономической мысли;
- раскрыть значение и показать взаимообусловленность этических аспектов эволюции экономической теории и методологии;
- обосновать направления расширения предметного поля исследования взаимосвязи экономической теории и этики;
- определить тематические особенности взаимосвязи экономической теории и этики в истории экономической мысли;
- предложить интерпретацию проблемы соотношения нормативной и позитивной экономической науки в контексте влияния этики;
- обосновать философско-методологическую структуру взаимосвязи экономической теории и этики;
- выявить и реконструировать взгляды ученых-экономистов на проблему формирования онтологических предпосылок экономической теории во взаимосвязи с этикой;
- специфицировать подходы к исследованию взаимосвязи экономической теории и этики в отечественной и зарубежной историографии и методологии экономической науки;
- раскрыть содержание трансформации дисциплинарной онтологии экономической теории с учетом влияния этики;
- определить роль взаимосвязи экономической теории и этики на поворотных этапах эволюции экономической теории и методологии;
- показать наличие и соотношение различных (не только эгоистических) способов координации поведения человека в истории экономической мысли в контексте взаимосвязи с этикой;

– определить направления изменения базовых элементов дисциплинарной онтологии экономической теории в русле влияния этики.

Объектом исследования выступают экономические учения и концепции, отражающие роль этики в развитии экономической теории и методологии.

Предмет исследования – особенности эволюции экономической теории и методологии в контексте влияния этики.

Область исследования. Диссертация соответствует п. 4.1. «Философские, этические и методологические предпосылки экономических теорий»; п. 4.3. «Междисциплинарные взаимодействия в экономической науке»; п. 4.7. «Методология историко-экономических исследований» Паспорта научной специальности 08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки).

Теоретическую основу исследования составили фундаментальные научные труды ведущих отечественных и зарубежных ученых прошлого и современности, в которых отражено влияние этики на развитие экономической теории и методологии. В диссертации использованы теоретические и прикладные работы (монографии и статьи) в области истории экономической мысли, экономической методологии, этики и философии науки, а также энциклопедическая литература.

Методологической основой исследования является современный подход к пониманию экономической методологии, основанный на сочетании нормативного и дескриптивного анализа, а также сближении экономической теории и философии науки, что позволило выявить философско-методологическую структуру взаимосвязи экономической теории и этики в конкретно-историческом контексте и особенности эволюции экономической теории и методологии в российской и зарубежной науке с учетом влияния этики.

Научная новизна диссертации заключается в разработке концептуально-методологических основ исследования важной научной проблемы выявления и раскрытия этических аспектов эволюции экономической теории, философско-методологической структуры взаимосвязи экономической теории и этики, а также особенностей развития экономической методологии в контексте влияния этики.

В диссертации содержатся следующие **результаты, полученные лично автором, определяющие научную новизну исследования и выносимые на защиту:**

1. Разработан методологический подход к исследованию роли этики в эволюции экономической теории, основанный на выявленном автором многоаспектном (прикладном, императивном и когнитивном) характере взаимосвязи экономической теории и этики в истории экономической мысли и соответствующих функциях этики в процессе развития экономической теории и методологии.

2. Раскрыто значение когнитивного аспекта взаимосвязи экономической теории и этики как интегрирующего, обеспечивающего методологическую основу повышения эффективности экономико-теоретических исследований, и показана взаимообусловленность прикладного, когнитивного и императивного аспектов взаимосвязи экономической теории и этики в истории экономической мысли и в процессе развития экономической методологии.

3. Определено новое предметное поле исследования взаимосвязи экономической теории и этики с точки зрения когнитивной функции этики в развитии экономической теории и методологии в отличие от традиционных функций этики как морального регулятора экономического поведения (регулирующая функция) или отвлеченного идеала (императивная функция).

4. Охарактеризованы тематические особенности взаимосвязи экономической теории и этики в истории экономической мысли XVIII-XXI вв., проявляющиеся в усилении этической составляющей в развитии теоретических идей и методов в процессе эволюции дисциплинарной онтологии при переходе от классицизма к неклассицизму и постнеклассицизму экономической науки.

5. На основе реконструкции теоретических и методологических взглядов ученых-экономистов XIX-XX вв. предложена новая интерпретация проблемы соотношения нормативной и позитивной экономической науки, базирующаяся на когнитивной функции этики в развитии экономической теории с учетом выявленной в диссертации множественности трактовок термина «нормативный».

6. Выделены онтологический, гносеологический и праксеологический уровни философско-методологической структуры взаимосвязи экономической теории и этики, которая проявляется в формировании предпосылок экономической теории, определении стратегии и методов исследования, развитии предметного поля экономической теории, решении проблемы соотношения экономической и социально-этической эффективности хозяйственной деятельности.

7. Выявлены и реконструированы идущие от А. Смита линии Г. Шмоллера – Й. Шумпетера и Т. Веблена – Дж. Коммонса в понимании процесса формирования онтологических предпосылок экономической теории, роли этики и ценностных ориентаций ученого-экономиста в построении дисциплинарной картины мира, определяющей предмет, методы, пространственно-временные характеристики объектов исследования, систему экономических категорий и направления дальнейшего развития экономической теории.

8. Отображен и исследован диапазон подходов к взаимосвязи экономической теории и этики, сложившихся в историографии и методологии экономической науки, от полного декларативного отмежевания от этики до комплексного, интегрального понимания взаимосвязи экономической теории и этики; показано, что приверженность ученого-экономиста тому или иному подходу во многом определяется терминологическим восприятием значения этики.

9. Раскрыта специфика трансформации дисциплинарной онтологии экономической теории во взаимосвязи с этикой, состоящая в выявленной автором тенденции повышения роли когнитивного аспекта эволюции экономической теории и методологии; показано, что с момента возникновения теоретической экономической науки взаимосвязь экономической теории и этики усиливалась сначала в рамках поведенческой и институционально-эволюционной онтологий, а в настоящее время – в рамках гуманистической, системной и синергетической онтологий.

10. Установлено, что в условиях крупнейших методологических дискуссий («спор о методах» и методологический бум), сопровождавших развитие экономической теории, имела место актуализация многоаспектной взаимосвязи экономической теории и этики; за методологическими спорами следовали выявленные в диссертации неклассический и постнеклассический теоретико-методологические синтезы, базирующиеся на когнитивной функции этики.

11. На основе изучения работ ученых-экономистов прошлого и современности в рамках когнитивного аспекта взаимосвязи экономической теории и этики показаны наличие и роль различных способов регулирования, мотивации и координации действий человека в истории экономической мысли, которые объединены в триады, соответствующие микро-, мезо- и макроуровням экономического анализа, и которые образуют многомерное пространство-время разнообразных комбинаций типов хозяйственного поведения человека.

12. С точки зрения многоаспектного характера взаимосвязи экономической теории и этики определены направления изменения базовых элементов дисциплинарной онтологии экономической теории: модели человека и концепции экономической рациональности.

Теоретическая и практическая значимость диссертации состоит в разработке концептуально-методологических основ исследования этических аспектов эволюции экономической теории и методологии, выделении нового направления изучения взаимосвязи экономической теории и этики с точки зрения когнитивного аспекта, расширении и углублении научных знаний о взаимосвязи экономической теории и этики, особенностях эволюции экономической мысли, выявлении направлений трансформации экономической методологии. Выводы, сделанные в диссертации на основе авторского методологического подхода к исследованию этических аспектов эволюции экономической теории и методологии, способствуют интеграции достижений экономической теории, этики и философии науки, преодолению фрагментарности экономического знания и могут служить отправным пунктом для дальнейших исследований в области истории и методологии экономической теории. Практическая значимость

проведенного исследования также связана с возможностью использования полученных в диссертации результатов при формировании федеральных, региональных и корпоративных программ стратегического развития в целях повышения социально-этической эффективности управленческих решений. Научные результаты диссертации, связанные с этическими аспектами эволюции экономической теории и методологии, могут быть использованы в учебно-методической работе в целях разработки спецкурсов по актуальным проблемам развития экономической теории и методологии, а также программ повышения квалификации преподавателей высшей школы.

Степень достоверности, апробация и внедрение результатов диссертации. Достоверность результатов исследования подтверждается тем, что в качестве теоретико-методологической базы диссертации были использованы фундаментальные труды ведущих отечественных и зарубежных ученых в области истории и методологии экономической теории, этики и философии науки, а в качестве информационной базы диссертации – материалы периодических и монографических изданий в области истории экономической мысли и экономической методологии. Основные выводы и положения, сформулированные в диссертации, докладывались и получили одобрение на международных и всероссийских научно-практических конференциях (проходивших в 2010-2021 гг. в Москве, Санкт-Петербурге, Лондоне, Мюнхене, Праге, Минске, г. Брянске, г. Тамбове, г. Краснодаре, г. Орле и других городах), в том числе на VII Всероссийском симпозиуме по экономической теории (г. Екатеринбург, Институт экономики УрО РАН, 28-30 июня 2016 г.), XVII Международной научной конференции «Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития» (Минск, Республика Беларусь, Научно-исследовательский экономический институт Министерства экономики Республики Беларусь, 20-21 октября 2016 г.), III Российском экономическом конгрессе (Москва, АНО «Новая экономическая ассоциация», Институт экономики РАН, Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 19-23 декабря 2016 г.), V Международной научной конференции «Институциональная

трансформация экономики: пространство и время» (г. Кемерово, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», 24-27 мая 2017 г.), 21-й ежегодной конференции Европейского общества истории экономической мысли (ESHET) «Рациональность в экономической теории» (Антверпен, Бельгия, Европейское общество истории экономической мысли, 18-20 мая 2017 г.), Втором Всемирном конгрессе сравнительных экономических исследований «1917-2017: Революция и эволюция в экономическом развитии» (Санкт-Петербург, НИУ «Высшая школа экономики», 15-17 июня 2017 г.), VI Международной научно-практической конференции «Великие экономисты и великие реформы». «Капитал» К. Маркса: мифы, традиции, современность» (Москва, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», 28-29 сентября 2017 г.), Международной научно-практической конференции к 150-летию школы П. П. Максимовича «Социально-экономическая траектория развития России: категорический императив бытия во времени и пространстве» (г. Тверь, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», 31 октября – 1 ноября 2019 г.), VII научно-практической конференции с международным участием «Новые горизонты» (г. Брянск, ФГБОУ ВО «Брянский государственный технический университет», 20 марта 2020 г.), V Философских чтениях «Философия в контексте современных социальных практик» (г. Брянск, Брянская областная научная универсальная библиотека им. Ф. И. Тютчева, Брянское отделение Российского философского общества, ФГБОУ ВО «Брянский государственный технический университет», 21 ноября 2020 г.), IV Российском экономическом конгрессе (Москва, АНО «Новая экономическая ассоциация», Институт экономики РАН, Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, Московская школа экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, 21-25 декабря 2020 г.), IX ежегодной международной конференции Центра исследований экономической культуры Санкт-Петербургского государственного университета «Деньги и процент: экономика и этика» (Санкт-Петербург, Центр исследований экономической культуры ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», 26-28 апреля 2021 г.), III Октябрьской международной научной конференции по

проблемам теоретической экономики «Экономическая теория и методология: до и после маржиналистской революции» (Москва, Журнал Новой экономической ассоциации, Институт экономики РАН, НИУ «Высшая школа экономики», 20-21 октября 2021 г.).

Отдельные положения диссертации, касающиеся этических аспектов развития экономической теории и методологии, отражены в научных работах, отмеченных дипломом лауреата XVI Всероссийского конкурса научных работ молодежи «Экономический рост России» (организованного Вольным экономическим обществом России) за разработку темы «Экономика и духовность» в 2013 г. и дипломом (II место) XIX Всероссийского конкурса научных работ молодежи «Экономический рост России» в 2016 г. Результаты исследования также нашли отражение при подготовке научной работы, отмеченной в качестве победителя конкурса грантов Губернатора Брянской области молодым ученым региона в номинации «Гуманитарные науки» (свидетельство № 10 от 05 августа 2013 г.). Материалы диссертации нашли применение в учебно-методической работе факультета отраслевой и цифровой экономики ФГБОУ ВО «Брянский государственный технический университет» в преподавании учебных дисциплин «Экономическая теория» и «История экономических учений». Апробация и внедрение результатов диссертации подтверждены соответствующими документами.

Публикации. Основные результаты диссертации опубликованы в 75 работах общим объемом 91,38 п.л. (авторский объем 91,33 п.л.), в том числе 3 авторских монографиях объемом 59,23 п.л., 27 авторских научных статьях в изданиях, рекомендованных ВАК России, объемом 17,64 п.л., статьях и материалах конференций.

Структура и объем диссертации определены целью, задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, 12 параграфов, заключения, списка литературы, включающего 340 наименований, и четырех приложений. Текст работы изложен на 323 страницах, включает 12 рисунков и 5 таблиц.

ГЛАВА 1

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С ЭТИКОЙ

1.1 Проблема взаимосвязи экономической теории и этики в процессе развития теоретического знания

Проблема взаимосвязи экономических и этических воззрений, экономической теории и этики имеет длительную историю, берет начало в глубокой древности, поэтому весьма целесообразным представляется рассмотрение данной проблемы в контексте развития теоретического знания в целом². В отечественной философии науки получила распространение концепция развития теоретического знания В. С. Степина. Согласно этой концепции различают этапы преднауки и развитой науки, а в развитой науке – этапы классицизма, неклассицизма и постнеклассицизма. Выделение этих этапов базируется на трансформации субъектно-объектной структуры науки в зависимости от того, системы какого типа выступают в качестве объекта научной рефлексии и преимущественного типа научной рациональности [83, с. 9, 19; 250, с. 45]. При этом в структуре оснований теоретического знания выделяют дисциплинарную онтологию (картину исследуемой реальности); идеалы и нормы научности (представления об операциях и средствах познания) и философские основания науки [249, с. 10-11, 188]. Для социально-гуманитарных наук, к

---

² Вопросы эволюции экономической теории и методологии во взаимосвязи с этикой, рассматриваемые в первой главе диссертации, нашли отражение в работах автора диссертации, включая публикации по теме диссертационной работы, прежде всего: [57, 153-155, 157-172, 174, 176, 179, 181-189]; отдельные вопросы упоминаются в ряде научных работ, выполненных в соавторстве: [150, 152, 156, 173, 175, 177, 178, 180, 193, 196]. Некоторые вопросы взаимосвязи экономической теории и этики, рассматриваемые в первой главе диссертации, также обсуждались на различных конференциях и других научных мероприятиях, в том числе в совместном с Р. М. Нуреевым докладе «The history and prospects of ethical rationality: Toward XXI century economics» на 21-й ежегодной конференции Европейского общества истории экономической мысли (ESHET) «Рациональность в экономической теории» (Антверпен, Бельгия, Европейское общество истории экономической мысли, 18-20 мая 2017 г.).

которым относится экономическая теория, большое значение в процессе получения теоретического знания также имеет исторический и социокультурный контекст, коренные изменения в котором выступают и фактором, и признаком соответствующих изменений в науке [28, с. 48].

Для классического этапа развития теоретического знания характерны ориентация на исследование простых систем, свойства которых определяются свойствами образующих их элементов; понимание процесса как воздействия одной вещи на другую; абсолютные, внешние по отношению к системе пространство и время; однозначная (лапласовская) причинность. Эти представления образуют механическую (механистическую) картину мира, выступавшую в роли общенаучной картины мира вплоть до середины XIX века. Модификация общенаучной механической картины мира путем включения в нее невесомых субстанций – носителей разнообразных сил (теплород, эфир, флюиды, ароматы) – нашла отражение и в понимании экономики, управляемой «невидимой рукой» у А. Смита или наполненной ароматами и флюидами у К. А. Сен-Симона и Ш. Фурье [237, т. I, с. 220; 239, с. 443; 273, с. 59, 66, 67].

Классическую экономическую теорию отличает дистанцированность субъекта познания и стремление выявить объективные, естественные, универсальные, строго детерминированные, внеисторические, обратимые, не зависящие от действия человека законы экономической жизни подобно тем, что были открыты в классической механике. Экономическая история предстает как линейная, поступательная, равномерная, а любые отклонения от естественного состояния рассматриваются как случайные результаты внешних воздействий, которые не должны быть предметом научной рефлексии [11, с. 64; 250, с. 45, 46].

В рамках классической науки идеалом методологии научного поиска для представителей наук о человеке служили естественные науки, поэтому человек и весь мир сравнивались с машиной, часовым механизмом, общество рассматривалось как совокупность людей-атомов, общественный интерес – как сумма интересов индивидов, а экономика – как механическая, аддитивная система репрезентативных, одинаковых во всех отношениях, многочисленных и

независимых индивидов, действующих в условиях совершенной конкуренции (подобно атомам в абсолютном вакууме), которая считалась не только удобной для моделирования схемой, но и существующей в реальности. Уподобление людей неделимым корпускулам не предполагает рассмотрение сложной внутренней природы личности. Научный идеал объективности познавательного процесса требовал исключения всего субъективного, относящегося к этической рефлексии и опыту индивида. Поэтому индивидуальные различия экономических субъектов, их ценности, убеждения, нравы в некоторой степени утратили свое значение для классической науки, индивиды стали рассматриваться как обладающие всей информацией и способные к выбору оптимального варианта поведения [1, с. 6; 10, с. 21; 76, с. 135; 211, с. 96; 214, с. 130; 250, с. 46; 251, с. 66; 306, с. 41; 334, с. 54]. Дж. Коммонс объяснял подобное положение дел тем, что экономическая наука в стремлении походить на естественные науки отказывалась от рассмотрения непредсказуемых и субъективных феноменов, относящихся к сфере человеческой воли, сводя причины экономических явлений к действию физических, природных или гедонистических сил. «Упразднение» человека в классической экономической науке происходило сначала в русле физикалистских концепций естественного права и равновесия, а затем естественного отбора [104, с. 402].

Ориентация на механическую картину мира имела и другие последствия для экономической теории, которая исследовала преимущественно равновесные и статичные явления как в классической механике и термодинамике, отсюда представление о внеисторичности и неизменности существовавшего экономического механизма, предпосылки устойчивости предпочтений, полной информированности экономических субъектов, мгновенной передачи информации посредством ценового механизма, а также отрицание внутренних причин изменений, поскольку любые изменения вызываются случайными экзогенными факторами. Даже в симпатии А. Смита, его склонности к обмену и улучшению своего материального состояния как изначально присущих человеку свойств (в интерпретации его последователей) можно усмотреть аналогии с

принципом близкодействия, обменом энергией и импульсом, поиском механистических субстанций и сил для объяснения физических явлений [4, с. 5; 10, с. 21; 249, с. 620-621; 304, с. 9-15].

Классицизм в экономической теории продолжался приблизительно до конца XIX века, хотя многие его черты сохраняются и сегодня, прежде всего в ряде неоклассических исследований³, соответствующих, по мнению некоторых ученых, таким чертам классицизма науки, как стремление к построению окончательных истин, неприятие альтернатив, ориентация на непротиворечивость теоретических моделей в ущерб достоверности и полноте, исключение роли познающего субъекта и этических факторов экономического поведения из экономического анализа [50, с. 18; 83, с. 26-28; 249, с. 614].

Механическая картина мира позволяет исследовать только малые (простые) системы. В единстве исторического и логического следует обратить внимание на то, что представления о малых системах соответствовали характеру экономического развития конца XVIII – начала XIX вв. Простые машины и механизмы – это детища Первой промышленной революции, для которой даже человек являлся экстенсивным «ресурсом», носителем, прежде всего, определенной механической силы, трудовых навыков [251, с. 66]. В эпоху классицизма науки дисциплинарной онтологией экономической теории становится продуктовая онтология. Экономика рассматривается как сумма «элементарных частиц», индивидов и их физической собственности, с точки зрения материального результата, кругооборота общественного продукта, факторов производства и доходов, их распределения между слоями общества. Соответственно богатство также трактуется как «математическая сумма» материальных вещей, его увеличение связано с материальными факторами, в том

---

³ Неоклассическое и смежные с ним направления экономической мысли, которые ассоциируются с «основным течением», «мейнстримом», в соответствии с наиболее распространенной точкой зрения, включают новую классику, неоинституционализм, неокейнсианство, поведенческую и экспериментальную экономику, конституционную политическую экономию и экономический анализ права. Эти направления объединяют концепции равновесия, оптимизации, формальной рациональности, методологический индивидуализм, приверженность формальным методам экономического моделирования, опора на допущения «as if» и «ceteris paribus» [1, с. 20; 88, с. 9-10; 89, с. 7, 13; 116, с. 44-46; 143, с. 137, 139; 221, с. 92; 281, с. 43; 313; 326, с. 169].

числе разделением труда и повышением его производительности. Отражением материального, продуктового характера экономического развития и соответствующей ему экономической теории являются теория ренты Д. Рикардо, закон народонаселения Т. Мальтуса, «закон рынков» Ж.-Б. Сэя, трудовая теория стоимости [10, с. 26; 11, с. 46, 51, 114; 60, с. 107; 104, с. 396].

Ориентация зарождающихся социально-гуманитарных наук на достижения естествознания имела свои объективные ограничения, связанные с невозможностью экспериментального подтверждения выдвигаемых гипотез. В связи с этим рационалистический подход для экономической теории имел даже большее значение, чем для естествознания: экспериментальное подтверждение было заменено точностью, абстрактностью, непротиворечивостью и логичностью суждений, что, однако, не всегда способствовало решению практических проблем и стало предметом критики абстрактной классической методологии со стороны экономистов-романтиков и представителей исторической школы. Тем не менее абстрактно-дедуктивный подход был еще больше усилен в ходе маржиналистской революции. Универсальность экономических законов выводилась из универсальности природы человека как стремящегося к максимизации собственной выгоды. Эта предпосылка была получена путем интроспекции и считалась настолько всеобщей и очевидной, что принималась как аксиома. Впоследствии это привело к формированию поведенческой онтологии экономической теории [11, с. 19-21].

Неклассический этап развития теоретического знания связан с переходом к исследованию сложных саморегулирующихся систем. Формирование дисциплинарного знания обусловило возникновение различных дисциплинарных картин исследуемой реальности. В биологии и социально-гуманитарных науках утвердились эволюционные идеи, общество стало рассматриваться как исторически развивающийся социальный организм. В естествознании эволюционные идеи и исторический метод пришли несколько позже, что отчасти поставило вопрос о разграничении методологии наук о природе и наук о человеке и обществе (в классической науке, напротив, методы всех наук считались

едиными, социально-гуманитарные науки ориентировались на естественнонаучный стандарт). Становление квантово-релятивистской физики обусловило изменения в представлениях о субъекте познания. Если в классической науке он выступал в роли беспристрастного наблюдателя, то в неклассической науке он превратился в активного участника процесса познания, оказался внутри исследуемой системы. Характеристики такой системы во многом являются результатом используемых средств наблюдения и способов постановки вопросов [114, с. 12, 13; 247, с. 85; 334, с. 54, 84].

Оперирование новыми объектами окружающего мира потребовало трансформации категориального аппарата науки, в том числе переосмысления таких фундаментальных философских категорий, как причина и следствие, пространство и время, часть и целое. Принципы дополнительности и относительности, разработанные в квантово-релятивистской физике, привели к отказу от однозначного противопоставления причины и следствия, пониманию относительности пространства и времени и того, что целое не представляет собой простую сумму частей [247, с. 86].

В конце XIX – начале XX вв. хозяйственная жизнь начинает характеризоваться усилением макроэкономической нестабильности, которая имеет место с такой регулярностью, что больше не может рассматриваться как случайное явление, а также процессами интернационализации, концентрации производства и монополизации экономики. Все большая часть национального богатства развитых стран создается в рамках крупных производственно-технологических и финансовых комплексов с использованием автоматизированных систем управления. В отличие от простых систем классической науки в сложных системах появляется отдельный блок управления [250, с. 47]. В отношении экономических систем это проявляется в том, что управление крупными предприятиями и хозяйственными комплексами переходит к так называемой техноструктуре (по Дж. К. Гэлбрейту [62]), разветвленному аппарату наемных менеджеров в отличие от первых мануфактур и фабрик этапа классицизма, в которых функции собственника, предпринимателя и менеджера

высшего звена, как правило, совмещались в одном лице. Для исследования подобных хозяйственных комплексов и систем инструментарий классической науки, оперирующей простыми, закрытыми, относительно устойчивыми системами, уже не подходит. Изучение больших систем связано с учетом их специфики, которая состоит в особой структуре и свойствах таких систем, не сводимых к свойствам частей, а также отказом от однозначной причинности в пользу вероятностной причинности. Большие системы могут быть разделены на множество подсистем, между которыми существуют прямые и обратные связи, что неизбежно усложняет формирование единой картины исследуемой реальности даже в рамках одной научной дисциплины и приводит к углублению научной специализации и фрагментации теоретического экономического знания, появлению множества альтернативных описаний одних и тех же явлений [76, с. 137; 251, с. 66, 67].

Неклассический этап развития экономической теории начался в конце XIX – первой четверти XX вв. С этого времени имеет место более активное обращение к вопросам неопределенности экономической среды, неустойчивости рыночного равновесия (возникают сомнения в его существовании), асимметричности информации и трансакционных издержек, вызванных поведением экономических субъектов, динамики экономических процессов (экономических кризисов и циклов), приходит понимание историчности экономических законов-тенденций и значимости роли субъекта познания, перекликающиеся с идеями физики и биологии начала XX века.

С конца XIX века все ярче проявляется нелинейный характер развития экономической теории и методологии, состоящий в сосуществовании течений экономической мысли, которые изучают возникающие в разное время пласты экономической реальности. Так, некоторые идеи представителей немецкой исторической школы (в частности Г. Шмоллера), а также К. Маркса, А. Маршалла, Т. Веблена, Дж. Коммонса, У. Митчелла, Й. Шумпетера, Дж. М. Кейнса о связи экономической теории и этики, психологии, социологии, антропологии, их эволюционные идеи в свое время не нашли серьезного отклика. Только спустя

почти сто лет эволюционные идеи оцениваются как передний край экономической теории, междисциплинарные исследования получают все большее распространение, а за работы на пересечении экономической теории, психологии и истории присуждаются Нобелевские премии (Р. Фогель, Д. Норт, В. Смит, Д. Канеман). Хотя еще более ста лет назад Г. Шмоллер предсказывал широкое использование историко-описательного и статистического материала, а также антропологии, психологии, языкознания, философии, права и этики в будущем. Антропологию и психологию он называл основой других социально-гуманитарных наук [288, с. 34, 40, 44]. Г. Шмоллер также указывал на зависимость уровня развития производства (а не только распределения) от психологии людей. В. Вундт предсказал возрастающее влияние этики на социально-гуманитарные науки, состояние общества в целом и даже переворот в науке по этой причине [290, с. 81].

В соответствии с постнеклассическими представлениями экономическая теория выступает как сложная, многоуровневая система, развивающаяся в том же русле, что и хозяйственная практика человека. Современная мировая экономика – это также многоуровневая система, для исследования каждого уровня которой могут быть применены разные теоретические и методологические подходы. Чем сложнее становится структура экономической реальности, чем больше уровней в ней формируется, тем сложнее, многообразнее, плюралистичнее становится экономическая теория, включающая разные направления, исследующие разные, но взаимодействующие между собой пласты экономической реальности. Поэтому в сложной системе экономической теории и оказываются течения, 1) нацеленные на исследование только формирующихся пластов экономической реальности, 2) изучающие более ранние, более простые уровни самоорганизации, становящиеся впоследствии частными случаями новых теорий и испытывающие влияние новых уровней самоорганизации, и 3) соответствующие тому или иному этапу развития экономической реальности. Это подтверждает тезис о том, что классические, неклассические и постнеклассические концепции могут сосуществовать, так как сохраняются объекты их исследования как частные случаи более общих теорий [69,

с. 12; 249, с. 391]. В частности, существующие в настоящее время течения экономической мысли могут быть отнесены как к классицизму (например, новая классика), так и неклассицизму науки (например, неинституционализм, эволюционная, поведенческая и экспериментальная экономика).

Если классический этап развития экономической теории характеризовался преимущественным распространением продуктовой онтологии, то на этапе неклассицизма формируются поведенческая, институциональная и эволюционная онтологии. Ряд ученых говорят об институционально-эволюционной онтологии, так как считается, что и институциональная, и эволюционная экономика имеют общего основателя в лице Т. Веблена; институционалисты-классики и эволюционисты опираются на близкие категории привычек и рутин; биологические параллели эволюционной экономики сближают ее с антропологией и эволюционным подходом, о важности которых так часто писали и пишут институционалисты [11, с. 46; 83, с. 29; 88, с. 6; 141, с. 87, 88; 142, с. 103, 108; 264, с. 45; 281, с. 43; 334].

В рамках поведенческой онтологии происходит переход из сферы производства в сферу обмена, распределения и потребления экономическими субъектами ограниченных ресурсов [11, с. 46]. В поведенческой онтологии в центр исследования ставится индивид как свободная, самостоятельная личность, интересы которой имеют неоспоримый приоритет перед интересами коллективных образований. Однако в соответствии с этим *видением* экономической реальности общество по-прежнему предстает как аддитивная система индивидов [87, с. 72]. После того, как экономическая реальность подтвердила тезис о том, что экономическое равновесие существует только в абстрактной экономике, поведение экономических субъектов стало рассматриваться в условиях информационных и институциональных ограничений [11, с. 158].

Институционально-эволюционная онтология оформилась в начале XX века, она базируется на работах Ч. Дарвина, К. Маркса, Г. Спенсера, А. Маршалла, Т. Веблена, Й. Шумпетера, Г. Саймона. В ее рамках анализируется историческое развитие стереотипов поведения (рутин). Эволюционная экономическая теория

исследует экономические процессы преимущественно на микроуровне, используя аналогии из биологии XX века [11, с. 82; 149; 305, с. 7-8]. Биологические параллели эволюционной экономики реализуются в рассмотрении поведения популяций индивидов и фирм, адаптирующихся к изменениям внешней среды в соответствии с законами естественного отбора, что позволяет расширить предметное поле экономической теории за счет исследования рутинизированного поведения в условиях неопределенности. Тем самым эволюционная экономика, по выражению О. И. Ананьина, является «около-неоклассическим» подходом [11, с. 94], на что указывает использование предпосылок о рациональных экономических субъектах, максимизации полезности (прибыли) и конкурентном рыночном пространстве [87, с. 73; 89, с. 17-18], а также многочисленные замечания самих Р. Нельсона и С. Уинтера о приверженности учебной ортодоксии, принципе изоляции, невозможности исследовать все и сразу, преимуществах одностороннего и приближительного анализа перед более полным и реалистичным, в целях эволюционной защиты ортодоксии анализирующих поведение фирм, применяющих одинаковые технологии в условиях статического равновесия без рассмотрения стохастических процессов создания новых технологий [65, с. 53; 149, с. 64, 68, 90, 109, 195, 198, 305].

В настоящее время в русле неклассицизма действуют представители неокейнсианства и посткейнсианства, неоинституционализма, эволюционной, поведенческой и экспериментальной экономики [87, с. 69; 88, с. 10; 197, с. 120, 228; 305, с. 5-6; 318, с. 3]. Поведенческая экономика в момент своего возникновения рассматривалась как революционная альтернатива неоклассической микроэкономики, однако впоследствии была включена в состав ее ядра. То же можно сказать и об экспериментальной экономике, которая пока не смогла стать значимым источником информации для экономической теории, характеризуется исследованием частных вопросов и не может быть основой для построения больших теорий. Экспериментальная экономика как образец неклассицизма науки характеризуется взаимосвязью объекта познания и наблюдателя, когда используемые им приборы и способ организации

эксперимента влияют на результаты последнего [89, с. 10; 249, с. 396]. Именно поэтому многие результаты экспериментальной экономики, опровергающие положения неоклассики, легко подвергаются «обволакиванию» [4, с. 61] или отвергаются на основании тезиса Дюгема-Куайна и эффекта фреймов. Ключевым недостатком экспериментальной экономики является неестественность поведения участников экспериментов, которые знают, что участвуют в инсценировке искусственной ситуации, получают за это материальное вознаграждение и не всегда являются представителями той социальной или профессиональной группы, поведение которой исследуется [21, с. 7; 28, с. 58; 110, с. 127, 134, 135; 206, т. 2, с. 731-733]. Экспериментальную и поведенческую экономику также объединяет такая характерная черта неклассической науки, как математическая экстраполяция.

Неоинституциональная экономическая теория в отличие от традиционного институционализма опирается на базовые постулаты неоклассики (методологический индивидуализм, рациональность экономических субъектов, устойчивость их предпочтений, максимизация прибыли, равновесие), хотя и принимает предпосылку ограниченной рациональности, влияние познавательных и психологических факторов на поведение экономических субъектов, включает анализ транзакционных издержек. Более того, как показывает С. Г. Кирдина-Чэндлер, «нововведения» неоинституционализма (экономия транзакционных издержек, институты, транзакции) легко переводятся на ортодоксальный язык максимизации, равновесия в условиях внешних эффектов и обмена [11, с. 94; 88, с. 9-10; 89, с. 11; 305, с. 3-5].

В конце XX века в общенаучной картине мира произошли существенные изменения, связанные с переходом к постнеклассицизму. В постнеклассическом теоретическом знании господствуют представления не механистической, а системной науки, в которой все процессы носят необратимый, стохастический характер и исследуются сверхсложные саморазвивающиеся системы [217, 231, 249]. Кроме того, произошло изменение самой экономической реальности: современная глобальная экономика – это не сообщество мелких

товаропроизводителей, которых можно было изучать как механические тела, подвергающиеся воздействию неких сил.

В то же время в экономической реальности сохраняются системы, которые условно можно отнести к простым, и на этом основании применять к ним классические методологические подходы. Однако практическое освоение результатов классико-ориентированных научных исследований требует учета многовариантности, сложности и высокой скорости изменений экономической действительности (по сравнению с относительно «застывшей» материей естественных наук), в связи с чем темпы изменений в экономике, как правило, превышают темпы изучения этих изменений [216, с. 103]. Поэтому, в отличие от классической и неклассической экономической теории, в век колоссального роста объемов информации постнеклассическую науку составляют сложные теории, разрабатываемые коллективами ученых из разных стран и областей знания [28, с. 61; 249, с. 627].

Саморазвивающиеся системы являются процессуальными, постоянно изменяющимися, многомерными, иерархическими и открытыми, то есть характеризуются фазовыми переходами от одного типа устойчивости к другому через состояния неустойчивости (динамического хаоса). При этом в точке полифуркации формируется множество сценариев будущего развития системы, зависящих от ее предшествующего развития и состояния внешней среды. Существование саморазвивающихся систем обеспечивается посредством обмена (прямых и обратных связей) с окружающей средой информацией, энергией и веществом. Все социальные, исторически изменяющиеся объекты относятся к сложным саморазвивающимся системам [251, с. 68].

Эволюция саморазвивающихся систем сопровождается формированием новых уровней организации, которые наряду со старыми образуют новую структуру системы, что обуславливает ее усложнение, дифференциацию и кооперативные эффекты между элементами системы. Вновь возникающие уровни начинают оказывать влияние на уже существующие, в результате складывается кольцевая причинность. В свою очередь структура каждого уровня

характеризуется многослойностью, иерархичностью и взаимопроникновением [84, с. 82; 251, с. 69]. Воздействие на саморазвивающуюся систему можно описать как интегрирующее, то есть являющееся компонентом системы. В результате сконструированная человеком реальность выступает как один из естественных вариантов развития системы, сформировавшихся в точке полифуркации. Как следствие, в саморазвивающихся системах грань между искусственным и естественным стирается [52, т. 1, с. 196; 247, с. 82, 83].

Ключевой характеристикой сверхсложных саморазвивающихся систем как объектов постнеклассической науки является включенность в них человека, подчас в прямом смысле слова, не только как субъекта, но и как объекта познания. Это свойство сверхсложных саморазвивающихся систем получило название человекообразности. При этом оно не означает невозможность объективного исследования, напротив, ученые отмечают, что комплексное рассмотрение саморазвивающихся систем с учетом их человекообразности лишь усиливает нашу глубину понимания происходящего [246, с. 6].

Понятие человекообразности, несмотря на его укорененность как свойства сверхсложных системных объектов современной мировой экономики, может вызывать сомнения в правомерности его использования. Тем не менее очевидно, что в экономике функционирует, прежде всего, человек, и все, что происходит в экономике, необходимо анализировать с учетом целенаправленной деятельности многомерного человека. Об этом, в частности, писал Л. Мизес [134, с. 14, 134, 168, 296]. Более того, на протяжении XVIII-XXI вв. имеет место переход от технологий, перерабатывающих полезные ископаемые и энергию (классицизм), и технологий, перерабатывающих информацию (неклассицизм) [101, с. 150], к технологиям, управляющим поведением и даже биологической конституцией человека (постнеклассицизм) [63, с. 189-195]. Соответственно, экономические системы сегодня являются человекообразными в прямом смысле слова. Яркими примерами сверхсложных человекообразных систем являются современная глобальная экономика, интеграционные группировки разных стран, особые экономические зоны, крупнейшие диверсифицированные транснациональные

финансово-промышленные комплексы, информационно-компьютерные системы и комплексы (функционирующие в контуре «человек – машина») как научно-технологическая база современной экономики [121, с. 13; 250, с. 50].

Взаимодействие сверхсложных, саморазвивающихся, человекоразмерных систем и их исследование требуют переосмысления научной методологии, ее выхода за рамки сугубо технических проблем поиска более совершенных методов, точности, непротиворечивости. При этом происходит смена типа научной рациональности (что показано в приложении А) как инструмента познания и освоения окружающей действительности [109, с. 31-32]. Когда сами ученые осознают себя частью сложной системы, приходит понимание необходимости экспликации этических (в том числе аксиологических и гуманистических) аспектов познания. В постнеклассицизме имеет место [249, с. 627]:

- 1) этическая экспертиза научных результатов;
- 2) связь научных, политических и социальных целей, практическая ориентация науки (а не только «чистое» теоретизирование);
- 3) усиление взаимодействия научных, общественных, образовательных, государственных, предпринимательских организаций и учреждений.

Все это актуализирует вопрос этической ответственности ученых, пока наиболее ярко проявляющийся в естественных науках, поскольку темпы и уровень их развития в техногенной цивилизации поставили проблему выживания человечества [247, с. 88]. Это выживание будет во многом определяться целями хозяйственного развития, которые ставит человек, критериями эффективности, которые он выберет и которых будет стремиться достичь.

Весьма примечательно, что представления об исторически развивающихся, человекоразмерных системах, кольцевой причинности возникли в социально-гуманитарных науках гораздо раньше (во второй половине XIX века), чем в естествознании, в трудах таких выдающихся ученых в области наук о человеке, как К. Маркс, Э. Дюркгейм, Т. Веблен. Во второй половине XX века исторический метод, в том числе метод исторической реконструкции, окончательно утвердился и в естествознании с возникновением представлений об

эволюции неживой природы и Вселенной в целом. Это приводит к постепенному отказу от жесткой демаркации наук о природе и наук о духе [116, с. 51; 247, с. 87; 250, с. 50; 275, с. 45-47, 250].

Необходимо отметить еще один факт, который пока не привлекает должное внимание, хотя и имеет чрезвычайно большое значение для понимания истории и методологии экономической теории. Категориальный аппарат для рассмотрения сверхсложных саморазвивающихся систем был впервые разработан в диалектике Г. Гегелем и применен К. Марксом. В. С. Степин указывал на такие достижения Г. Гегеля, характерные для постнеклассического естествознания, как описание появления новых уровней организации системы, взаимодействия всех уровней системы, их преобразования и порождения нового уровня на материале предшествующего развития. Помимо этого следует обратить внимание и на другие аналогии с постнеклассической наукой, которые угадываются в диалектике Г. Гегеля. В частности, такие диалектические понятия и принципы, как всеобщая универсальная связь, эволюционность, системность, качественные переходы, узловые линии, узловые точки, перерывы постепенности, включение прошлого в будущее в снятом виде становятся неотъемлемой частью современной постнеклассической науки [52, т. 1, с. 462, 464, 465, 466, 468, 469; 251, с. 69, 70]. Методологический потенциал диалектики может быть сегодня чрезвычайно востребованным, особенно когда он получает естественнонаучное подтверждение.

Таким образом, на этапе постнеклассизма вопросы взаимосвязи этической и хозяйственной сфер жизни общества, этических аспектов развития экономической теории и методологии требуют внимания как никогда ранее. В этом плане научное, в том числе экономическое, знание отражает изменения, которые происходят в обществе в целом. Если классическая наука рассматривала объекты-вещи в их устойчивом, статичном состоянии, неклассическая наука включила в предмет своего рассмотрения процессуальные, вероятностные аспекты, то в постнеклассической науке идет речь о взаимодействии (возникновении вещи в результате взаимодействия), нелинейности, хаосе. Это ставит вопрос об

актуализации проблемы ориентиров дальнейшего развития человечества, неразрывно связанных с этикой. Более того, стохастический, переменный, нелинейный характер функционирования сверхсложных саморазвивающихся систем обуславливает невозможность точного прогнозирования, однако оставляет возможность разработки сценариев развития, формирующихся в точках полифуркации. Сценарии развития исторических, необратимых, человекоразмерных систем неизбежно включают последствия их функционирования для человека; учет этого обстоятельства становится условием получения объективного знания [251, с. 68, 74]. Как следствие, внутринаучные идеалы и нормы исследования требуют соотнесения с внеаучными гуманистическими ценностями и совместной работы представителей разных отраслей науки, то есть междисциплинарного подхода. Научная деятельность начинает рассматриваться как погруженная в социально-этический контекст, как компонент культуры, детерминированный этическими факторами [244, с. 73; 250, с. 51].

Исследования человекоразмерных систем в постнеклассической науке и, как следствие, сверхактуальность проблемы взаимосвязи хозяйственной и этической сфер жизни общества, экономической теории и этики, имеют объективно-историческое происхождение. На этапе преднауки уровень развития техники и технологий еще не был настолько высоким, чтобы исключить человека из сферы теоретического анализа. Человек черпал научные идеи из общественной и хозяйственной практики, тесно связанной с философскими, религиозными, политическими представлениями. Соответственно на этапе преднауки человек не мог не быть объектом философской рефлексии.

В ходе Первой промышленной революции в качестве материального фундамента экономики выступили простые механические системы, внешние по отношению к человеку. Общество и экономика предстали в образе различных машин и механизмов, функционирующих независимо от воли человека, а отношения людей – как движение физических объектов, товаров. Создавалось впечатление, что человек может управлять силами природы, воздействовать на

механизмы, со стороны наблюдая за происходящим, отказываясь от рассмотрения любых субъективных факторов. Человек в прямом и переносном смысле слова отделил себя от собственных орудий труда и соответственно на некоторое время исчез из поля зрения ряда течений экономической мысли. Возникло устойчивое представление о том, что в экономике все обезличено и происходит без участия человека под воздействием объективных, механических сил⁴, что человек является лишь незначительным элементом большого механизма, а потому исследование и учет его природы ушли на второй план, стали менее необходимыми [10, с. 21; 104, с. 59; 135, с. 196; 249, с. 31-33, 38-39; 309, с. 15; 334, с. 15-16, 105, 144-145].

Однако по мере развития науки и технологий они все в большей степени начинают оказывать влияние на жизнь и судьбу своего создателя, вовлекают человека не только как их проектировщика, управляющего, но и как объекта воздействия. Как уже было отмечено, сверхсложные системы как объекты постнеклассической науки являются человекоразмерными в прямом смысле слова. Изучение сложных человекоразмерных систем как никогда ранее актуализирует проблему понимания природы их главного элемента – человека, и, следовательно, необходимость инкорпорирования в экономическую теорию этики как науки о человеке.

1.2 Понятие и функции этики в развитии экономической теории и методологии

Большое значение этики в развитии теоретического экономического знания и повышении социальной эффективности хозяйственной деятельности человека

---

⁴ Дело в том, что, по выражению Т. Веблена, применение машин и механизмов, заменяющих труд человека, оказывает значительное влияние на интеллектуальные навыки, способность к критическому мышлению и выявлению причинно-следственных связей явлений [46, с. 308, 309].

постепенно становится общепризнанным или, по крайней мере, не отрицается большинством ученых [4, с. 7, 23; 121, с. 12, 13]. Можно даже сказать, что в исследовании взаимосвязи теоретико-экономических и этических проблем за долгое время существования теоретической экономической науки сложились определенные традиции. По мнению ряда российских ученых, в настоящее время имеет место переосмысление характера взаимосвязи экономики и этики, которое можно рассматривать как один из фундаментальных сдвигов в современной экономической науке, возвращающейся к своим истокам, к нравственной философии [10, с. 20; 122, с. 3]. Вместе с тем изучение работ отечественных и зарубежных ученых привело автора к выводу о том, что при обилии эмпирических, этнометрических и эконометрических исследований имеет место ограниченность теоретико-методологической базы в области изучения роли этики в развитии экономической теории и методологии.

В связи с этим необходимо, прежде всего, обратиться к этимологии слова «этика». По мнению автора, раскрытие исконного значения этики как науки принципиально важно, поскольку разные представления об этике приводят и к разному восприятию этической проблематики в экономической теории и методологии [67, с. 13], а также разному отношению к методологическому потенциалу взаимосвязи экономической теории и этики.

Известно, что слово «этика» имеет греческое происхождение и связано с такими лексическими значениями, как «нрав», «душевный склад», «характер», «обыкновение», «привычка», «обычай», «образ действий», «навык». Существуют две версии возникновения слова «этика». По одной из них его автором является Аристотель, обозначивший словом «этика» науку о человеческих добродетелях. В то же время есть мнение, что науку о воспитании добродетельных граждан древнегреческий философ обозначал словом «политика», а «этика» в заголовки трудов Аристотеля была помещена его учениками. Благодаря стоикам этика стала обозначать самостоятельную научную дисциплину наряду с физикой и логикой, которые вместе составляли древнегреческую философию. Необходимо учесть, что существуют два греческих слова, значения которых часто не различают: « $\eta\theta\omicron\varsigma$ » и

«εθος». Первое обозначает «привычку», «обычай», а второе – «характер», «нрав», «образ мыслей» (но также и «обычай»). Один из самых авторитетных российских философов-этиков Р. Г. Апресян указывает на то, что слово «этика» происходит от греческого «εθος» [14, с. 16]. В свое время Г. Шмоллер также пояснял, что для древних греков «этнос» означал выросший из «психологических основ», закрепленный «в праве и нравах» «порядок жизни», «общее духовно-нравственное сознание», влияющее на хозяйственное поведение людей [289, с. 118]. Таким образом, этимологически и исторически этика связана с личностью человека, его внутренней природой, характером. Следовательно, изначально этика – это не нравоучения и морализаторство, а наука о природе человека; объектом этики выступает человек в его отношениях на уровне собственного «Я», других людей и окружающего мира в целом [218, с. 54]. Соответственно взаимосвязь экономической теории и этики с точки зрения истории и развития методологии предполагает, прежде всего, возвращение в теоретическую экономическую науку человека как многогранной личности с его ценностями, убеждениями, мотивами деятельности, склонностями, привычками, потребностями [67, с. 12-26, 32-40; 68, с. 3-4].

Важно отметить еще одно обстоятельство, имеющее отношение к проблеме влияния этики на эволюцию экономической теории и методологии с точки зрения этимологии и роли языка науки. Как известно, классическая политическая экономия выделилась из этики, классики политической экономии относили ее к нравственным наукам, моральной философии [148, с. 133, 363; 290, с. 106; 301]. Долгое время (на этапе преднауки и классицизма науки) науки о человеке, его духовной природе, поведении как индивида и члена общества, гражданина, личности относились к наукам моральным, наукам о духе, предметом которых выступают явления духовной жизни, чувства, страсти, способы мышления и поведения человека. По замечанию Ж. А. Кондорсэ, философы-моралисты исследовали способности, переживания и сердце человека, его «моральную организацию», чтобы понять сущность человека, найти в его природе основание обязанностей, добродетелей и идей справедливости [105, с. 68, 83, 146, 245].

Среди ученых-экономистов такого мнения придерживались А. Смит, Ж. С. Сисмонди, Дж. С. Милль, Дж. Э. Кэрнс и другие ученые. Политическая экономия воспринималась ими как ответвление от этики [114, с. 25, 26; 135, с. 30; 236, с. 16, 17; 238, т. I, с. 291, 360; 239, с. 714; 240, с. 303, 328]. В свою очередь к натуральной философии относились науки о природе (то есть математика и естествознание) [240, с. 7; 294, с. 35, 179]. Таким образом, исконное значение слова «этика» сохранилось в делении наук на натуральную и нравственную философию, науки о природе и науки о культуре, естественные и социально-гуманитарные науки [67, с. 27; 68, с. 105, 240]. В определении наук о человеке как моральных наук заключено критически важное, но часто упускаемое из вида первоначальное значение греческого «ἠθικός» и его латинского аналога «mos», то есть этики как науки о сущем (а не только о должном), о природе человека, из которой впоследствии выросли и политическая экономия, и психология, и социология, и другие социально-гуманитарные науки [148, с. 181; 289, с. 27; 290, с. 26]. Учитывая этимологию слова «этика», Дж. С. Милль не случайно наметил план построения этологии как науки об индивидуальном и национальном характере человека и различных типах его поведения, которая должна была служить неким фундаментом для других наук о человеке и для искусства воспитания. Задачу этологии Дж. С. Милль определил как «научное исследование человеческой природы», раскрытие сложных законов образования человеческого характера и выявление обстоятельств его формирования [137, т. II, с. 437, 442, 446]. Говоря о науках о человеке, Дж. С. Милль наряду со словом «моральные» использовал слово «mental» (в русском переводе – «психические», «интеллектуальные»), тем самым обозначая сферу нравственной философии как изучение сложных явлений, подчиняющихся законам человеческого разума. В свою очередь, политическая экономия, по мнению Дж. С. Милля, относится к моральным наукам, так как изучает законы производства и распределения богатства, зависящие от человеческой природы [136, с. 995, 996, 998, 1004].

Позднее именно в значении науки о духовных силах, воле, чувствах, представлениях, привычках, образе мышления человека Г. Шмоллер использовал

слово «этика» для определения политической экономии как этической науки, тесно связанной с психологией человека [290, с. 72], хотя, согласно одностороннему, но более распространенному мнению, определение Г. Шмоллером политической экономии как этической науки связано с формированием идеалов и норм экономического поведения и социально-экономической политики.

По поводу происхождения этики и ее основных категорий (морали и нравственности) существует несколько теорий. Автономные теории рассматривают этические нормы сами по себе, как нечто самоценное. Гетерономные теории видят источник этики вне сферы морали и нравственности [81]. В связи с этим гетерономные теории делятся на натуралистические, социологические, антропологические и супранатуралистические, соответственно выводящие этические нормы из биологической природы человека, организации общества, неотъемлемых свойств человека или религии [298, с. 276, 581]. В диссертационной работе автор придерживается целостного подхода к решению вопроса о происхождении этики, поскольку только так можно проследить ее влияние на эволюцию экономической теории и методологии. Автор также разделяет мнение о том, что этические категории носят исторический характер и формируются в процессе развития общества под влиянием совокупности взаимосвязанных естественно-географических, хозяйственных, политических, культурных факторов.

История мировой науки показывает, что развитие экономической теории и этики всегда проходило в тесной взаимосвязи [76, с. 119, 121; 221, с. 90], в ряде случаев можно говорить о коррелятивных изменениях в обеих науках. На этот факт следует обратить особое внимание. Дело в том, что на этапе преднауки экономические вопросы исследовались с точки зрения этики как прикладной философии. Вплоть до Нового времени этика была единой наукой, в которой рассматривались вопросы как нормативного, обязывающего характера (достойного поведения), так и описательного характера в духе аристотелевской науки о добродетелях. Фактически до Нового времени проблема разделения должного и сущего в философии и этике осознанно не ставилась, а этика как

наука о природе человека, причинах и целях его действий была близка современной философской антропологии, то есть являлась наукой собственно о человеке. Существовало еще более широкое толкование этики, близкое натурфилософии. Таким образом, в этике соединились теория бытия человека, изучение его психики, путей достижения благой жизни, счастья и спасения. Этика служила олицетворением практической философии и в то же время являлась первой составной частью практической философии вместе с экономикой и политикой [266, с. 776; 298, с. 575] (подробнее: [67, с. 12-64]).

В Новое время происходит не только выделение экономической теории из этики, но и формирование двух ветвей внутри самой этики. Именно в это время Ф. Бэкон и другие мыслители стремятся превратить этику в точную науку, выделив в ней две части: учение об идеале и учение об управлении и воспитании души [298, с. 575, 576], а И. Кант закрепляет разделение в этике сфер сущего и должного, оставляя этике только сферу должного, нравственного. По мысли И. Канта, основания этики не в сущем, не в природе человека или общества, а в чистых постулатах разума [81]. Как следствие, проблематика общественной обусловленности этических категорий надолго выпала из сферы этики. Не имея эмпирического, социального основания этика Нового времени не могла ответить на вопрос, как на практике осуществить представления о должном. В результате сформировались нормативная этика и философская этика. В настоящее время этическая наука в большинстве случаев не проводит жесткие водоразделы между теоретическим и практическим, так как любое знание, в том числе идеальное, является отражением предметно-практической деятельности человека. В отечественной науке с начала XX века этика исследуется как единство нормативного, исторического, познавательного, социального и психологического содержания [68, с. 3-7; 265, с. 545; 266, с. 776].

Как было показано ранее, в постнеклассической науке складываются объективные условия роста значимости этики ученого, и в то же время актуализируется проблема ценностной нагруженности теоретического экономического знания. На представления ученого, как и любого другого

человека, влияют его воспитание, социальный статус его семьи, интеллектуальная среда, в которой он трудится. Эти факторы становятся причиной того, что разные люди могут совершенно по-разному описывать одно и то же явление [113, с. 247], поэтому для истории экономических идей большое значение имеют биографии ученых [269, с. 51].

В то же время экономическая теория может оставаться не этически, а идеологически нейтральной, направленной на повышение качества жизни большинства людей [19, с. 16]. При этом возможно возникновение вопросов о том, что значит качество жизни, кто относится к большинству населения, что такое благо вообще, какое поведение можно считать этически правильным. Эти вопросы считаются вечными, они красной нитью проходят через историю социально-гуманитарных наук. Сама постановка таких вопросов на определенном этапе исторического развития свидетельствует о том, что общество находится на пороге значительных жизненных перемен, которые всегда сопровождаются переосмыслением этического фундамента [253, с. 14].

На поворотных этапах истории общество начинает подвергать сомнению представления о добре и зле, то есть приходит в состояние морального (этического) релятивизма. Чаще всего отказ от ответа на вечные вопросы объясняется тем, что у каждого своя мораль, а общечеловеческих ценностей, по крайней мере, справедливых для той или иной эпохи, не существует. Суждения об относительности этических норм часто сопровождают измышления о свободе личности, отказе от социальных ограничений в пользу индивидуализма [14, с. 13]. Состояние общества, когда мораль становится «предметом торговли», считается болезненным: субъективность в отношении существования этических норм, общих для всех нравственно здоровых людей, превращается в знание, низведенное до уровня мнения [52, т. 1, с. 98; 105, с. 83]. Современные ученые называют подобное положение дел «моральной демагогией» и «заблуждением, оправдывающим моральный релятивизм» [32, с. 52, 61-62; 61, с. 18]. В «Философии права» Г. Гегель указывал на то, что ссылка на субъективность и относительность этических норм часто используется для оправдания

безнравственного поведения [53, с. 46]. Все это, в конечном итоге, выливается во вседозволенность, социальную аномию, деградацию системы ценностей [101, с. 210; 218, с. 51; 284, с. 206]. Кроме того, как пронизательно заметил О. Г. Дробницкий, в ситуации относительности этических норм человек оказывается полностью дезориентированным, он не в состоянии предпочесть тот или иной вариант поведения, по сути, лишается возможности выбора [67, с. 88].

Моральный релятивизм является следствием одностороннего подчеркивания относительности и изменчивости всех явлений и отрицания наличия каких-либо закономерностей общественного развития. Моральный релятивизм в теории и методологии сводит процесс познания к констатации и описанию фактов. Убежденность в относительности чего-либо, в том числе этических норм, выливается в неразрешимое противоречие, на которое обратил внимание Б. Рассел и которое А. Рих назвал «абсолютностью относительного» [218, с. 252]. На самом деле релятивизм состоит не в отсутствии объективной истины, а в том, что этические нормы, с одной стороны, исторически ограничены, а с другой – сохраняют историческую преемственность. В каждой относительной истине есть элементы абсолютного, этим и обеспечивается преемственность познания и этического фундамента общества: каждая новая этическая система является результатом исторического развития предыдущих систем [266, с. 554].

В свете проблемы культурной обусловленности этических норм Дж. Ходжсон описывает два типа морального релятивизма. Нормативный моральный релятивизм предполагает приверженность точке зрения о существовании у каждого человека собственной индивидуальной морали и принятие этого как должного. Дескриптивный релятивизм означает описание этических кодов, существующих в разных культурах. Дж. Ходжсон подмечает, что сторонники морального релятивизма говорят о невозможности признания одних этических норм более главенствующими по сравнению с другими. Однако отсутствие возможности выяснить что-либо вовсе не означает, что этого нет совсем. Кроме того, в сфере формального законодательства согласие с наличием, необходимостью и возможностью единых норм существует, многие формальные

нормы основаны на тех самых универсальных этических (неформальных) нормах [5, с. 136; 218, с. 89; 289, с. 193], существование которых все же вызывает сомнения. Этнометрические исследования показывают наличие у разных культур и наций общих потребностей и этических ценностей на схожих этапах развития, понимается, с определенными страновыми и историческими различиями. При этом необходимо не смешивать различия в обрядовой сфере с различиями в системе ценностей [106, с. 520; 322, с. 103, 104].

Российские ученые приводят такие доказательства существования общечеловеческих этических ценностей, как их интерсубъективный характер и соотнесенность с объективной реальностью: этические ценности обуславливаются теми или иными элементами объективной реальности и для конкретного индивида часто предстают в виде уже существующей системы [298, с. 18]. По мнению российских ученых, в каждую историческую эпоху для той или иной страны, культуры, цивилизации можно говорить о существовании особого социального кода, который именуется универсалиями культуры или фундаментальными, общечеловеческими ценностями (общечеловеческим в ту или иную эпоху именуется исторически особенное для этой эпохи) и составной частью которого являются такие этические категории, как человек, общество, добро, благо, долг, справедливость, совесть, имеющие самое непосредственное отношение к экономике. Универсалии культуры отражают представления человека о самом себе, своем месте в обществе, соотношении частных и общественных интересов, материальных и духовных ценностях, общественных идеалах. Эти представления детерминируют все стороны жизнедеятельности человека, в том числе хозяйственную. В универсалиях культуры закрепляется многовековой опыт человечества, поэтому они выступают инструментом обеспечения социальной стабильности и составляют представления людей о мире, то есть выполняют мировоззренческую функцию [246, с. 8; 248, с. 9; 253, с. 8-10].

Решение проблемы морального релятивизма предлагается критическим прабабилизмом. Для оценки поступка человека как этического, разумного в условиях неопределенности должны быть соблюдены следующие требования:

изначально искренне добрая цель и весомые причины для совершения поступка; дозволенные способы достижения цели; учет негативных последствий. Другими словами, этические поступки в настоящем, как правило, имеют позитивные последствия для людей и в будущем [101, с. 30, 178-180]. Нет необходимости знать несколько миллиардов функций полезности, чтобы отличить нравственный поступок от мелочной корысти и лицемерия или предугадать последствия подлости и преступления.

Проблема релятивизма имеет место не только в субъективной трактовке этических норм, но и в понимании роли этики в развитии экономической теории и методологии. Причем исследование взаимосвязи экономической теории и этики напрямую зависит от того, что тот или иной ученый явно или неявно понимает под этикой. Анализ экономической и этико-философской литературы позволяет говорить о многоаспектном характере взаимосвязи экономической теории и этики с учетом трех смысловых трактовок этики: прикладной, когнитивной и императивной⁵. Когнитивный аспект взаимосвязи экономической теории и этики основан на истории возникновения и развития этики, а также этимологии слова «этика», рассмотренной выше. В прикладном аспекте (близком к обыденному пониманию этики) этика ассоциируется с ее основными категориями – моралью и нравственностью⁶, выступает в роли морального регулятора экономического поведения, рассматривается с позиций правильного, должного поведения, нравственных норм, хозяйственной культуры. Императивный аспект взаимосвязи экономической теории и этики проявляется при формулировании идеала экономического поведения или общественно-экономического устройства, к которому, по мнению того или иного мыслителя, следует стремиться.

Многоаспектный характер взаимосвязи экономической теории и этики обуславливает то, что в научной экономической литературе происходит смешение

---

⁵ При этом автор диссертации опирался как на традиции и конвенции, сложившиеся в истории экономической мысли и экономической литературе, так и на положения философии и этики, закрепленные в том числе в энциклопедической литературе [14, 67, 68, 298].

⁶ Под моралью и нравственностью в диссертации понимается принятое в философии и этике их определение как способа регуляции человеческих действий и формы общественного сознания [68, с. 10-11, 17; 266, с. 378; 298, с. 275, 320].

различных аспектов взаимосвязи экономической теории и этики⁷, что может стать причиной недооценки значимости этики в развитии экономической теории и методологии. В частности, по мнению автора, проблема жесткого разграничения нормативной и позитивной экономической теории или экономической науки и искусства связана с фокусированием на обыденном понимании этики, близком к морализаторству, советам, рекомендациям. Как следствие, автор считает необходимым отделить понимание этики как науки о человеке от других ее значений и подчеркнуть, что в диссертации сделан акцент на выделенном автором в истории экономической мысли новом предметном поле взаимосвязи экономической теории и этики как науки о человеке, обладающем [предметное поле] значительным методологическим потенциалом для развития экономической теории. В связи с этим необходимо подчеркнуть следующее. С момента выделения экономической теории (политической экономии) как самостоятельной науки из этики этическая проблематика была отнесена в сферу нормативного знания, рассматривалась преимущественно с точки зрения нравственного регулирования хозяйственной деятельности. Тем не менее в эпоху развитой науки экономическая теория и этика продолжали быть тесно связаны. Однако важно учитывать, какой именно аспект взаимосвязи экономической теории и этики находил применение в той или иной теории или модели. При этом когнитивный аспект взаимосвязи экономической теории и этики явно не эксплицировался. В то же время именно он является срединным, интегрирующим, опосредующим процесс формирования общественных идеалов и императивов, исходя из потребностей хозяйственной практики, и обеспечивающим его теоретическую основу. Прикладной аспект взаимосвязи экономической теории и этики формирует эмпирическую базу для применения этики в когнитивном аспекте, которое в свою очередь создает теоретико-методологический фундамент для императивного понимания взаимосвязи экономической теории и этики.

---

⁷ Особенно это касается распространения обыденных, обиходных, житейских, расхожих, публицистических и кажущихся «самоочевидными» представлений о морали и нравственности на проблему взаимосвязи экономической теории и этики как *наук* о человеке и обществе [67, с. 117, 118, 171; 68, с. 10].

Императивный аспект оказывает обратное влияние на хозяйственную практику, то есть приводит к переосмыслению прикладного значения взаимосвязи экономической теории и этики.

Таким образом, имеет место тесное переплетение различных аспектов взаимосвязи экономической теории и этики. В частности, учет этической природы человека позволяет исследовать роль этических предпосылок хозяйственной деятельности и, следовательно, принимать на практике более обоснованные управленческие решения (такова взаимосвязь когнитивного и прикладного аспектов). Этические идеалы служат базой для формулирования целей экономического развития на различных уровнях управления экономикой. Цели, в свою очередь, определяют направления движения, выбор тех или иных методов их достижения в хозяйственной практике. Идеалы также выступают в роли индикаторов степени достижения целей, образуя своеобразный замкнутый контур процесса управления экономикой. В этом проявляется взаимообусловленность императивного и прикладного аспектов. Стремление к достижению определенных целей экономического развития человека неизбежно приводит к необходимости расширения наших знаний о природе самого человека и экономического мира. Ведь для того чтобы сделать нечто более совершенным (в данном случае продвинуться в достижении неких общественных идеалов или решении стратегических задач развития общества), необходимо сначала понять внутреннее устройство этого нечто (такова взаимосвязь когнитивного и императивного аспектов). Даже несмотря на то, что этические идеалы не достижимы, стремление к ним создает стимулы экономического поведения, в немалой степени определяет его содержание и характер. Следовательно, исключение идеалов и целей из анализа экономического поведения не может не сказаться на качестве наших экономических знаний.

Из триединого, многоаспектного понимания взаимосвязи экономической теории и этики, которое лежит в основе авторского методологического подхода,

реализованного в диссертации, вытекают три важнейшие функции этики для развития экономической теории и методологии:

1) прикладная, или регулирующая, функция связана с исследованием процесса формирования и практики применения совокупности нравственных правил ведения деятельности человека, в том числе в научной сфере;

2) когнитивная функция символизирует методологический потенциал этики как науки для развития других наук о человеке и обществе; эта функция связана с совершенствованием методологии экономической теории с точки зрения учета разнообразия этических предпосылок экономического поведения;

3) императивная функция означает роль этики в формировании общественных идеалов (в том числе идеалов и норм научного исследования) и критериев социально-экономического развития, прежде всего, на поворотных моментах истории человечества.

На рисунке 1 показано, что каждый аспект взаимосвязи экономической теории и этики в той или иной степени получил развитие в экономической теории.

Прикладной аспект взаимосвязи экономической теории и этики и регулирующая функция этики находят отражение, прежде всего, в концепциях хозяйственной этики и хозяйственной культуры, разработанных такими учеными, как В. Зомбарт, М. Вебер, А. Рих, П. Козловски [45, 73, 101, 218]. Эти ученые исходили из того, что экономическая деятельность осуществляется в определенной культурной, ценностной среде и не может быть от нее отделена. Исследования в области хозяйственной этики ставят вопросы о нравственных регуляторах экономического поведения, роли ценностных установок в хозяйственной практике, связи экономических показателей с распространенными в обществе ценностями, убеждениями, формальными и неформальными нормами. Особенно тесно вопросы хозяйственной культуры и этики связаны с концепцией социальной ответственности бизнеса, поэтому проблематика хозяйственной этики в ряде стран исследуется в рамках предпринимательской или бизнес-этики [298, с. 385].

Рисунок 1 – Многоаспектный характер взаимосвязи экономической теории и этики и соответствующая проблематика теоретических экономических исследований

Источник: разработано автором на основе исследования взаимосвязи экономической теории и этики.

Прикладной аспект взаимосвязи экономической теории и этики и регулирующая функция этики также находят применение при исследовании таких вопросов современной экономической теории, как асимметричность информации, «моральный риск» (связанный с манипулированием асимметричной информацией в ущерб контрагенту), оппортунистическое поведение, трансакционные издержки,

свобода договора (в том числе в работах таких именитых ученых-экономистов, как Р. Коуз, О. Уильямсон, Дж. Акерлоф, Дж. Стиглиц, Р. Шиллер) [7, 108, 254, 263].

Стоит обратить внимание на то, что во второй половине XX века в исследовании взаимосвязи экономических и этических категорий наметился уклон в техническую сторону, в сторону эконометрической проверки гипотез о влиянии отдельных этических факторов на экономические показатели (в частности, темпы экономического роста или величину среднедушевого ВВП). При этом сугубо технический анализ, как правило, осуществляется без существенной проработки теоретических и методологических вопросов, что позволяет делать односторонние выводы о корреляции показателей (в том числе по причине неразличения корреляции и причинности), а также получать диаметрально противоположные, противоречивые результаты при использовании одних и тех же статистических данных или данных из разных источников либо проверке достоверности регрессионной модели с помощью разных критериев. Как следствие, становится возможным делать выводы, очевидные и без математического (эконометрического) оформления [24, с. 368; 28, с. 57; 116, с. 41; 206, т. 1, с. 60-61, 67-68, т. 2, с. 685; 313, с. 127, 132, 133; 328, с. 1284]. В этом плане предметное поле взаимосвязи экономической теории и этики стало благодатной почвой для «формалистской революции» при явном недостатке исследований в области методологического потенциала взаимосвязи экономической теории и этики. В результате этическая проблематика в экономике часто сводилась и сводится к искусственным теоретико-игровым имитациям и проблемам выбора (причем не такого, какой мы делаем в реальной жизни, а удобного для формализации) [32, с. 52; 42, с. 120; 236, с. 115; 331, с. 4, 15, 23]. Ярким примером искусственного сужения области исследования взаимосвязи экономической теории и этики, обусловленного требованиями наглядности и формализации, являются некоторые работы в области теории общественного выбора, в основе которых лежит обыденное понимание этики как рассуждений о том, что человек должен или не должен делать, совершая индивидуальный выбор в условиях общества, состоящего всего из нескольких человек [78, с. 91-93; 206, т. 1, с. 268; 297, с. 17, 51, 72, 78].

В то же время благодаря исследованиям в области теории игр были показаны возможность и эффективность этического, кооперативного, альтруистического поведения в долгосрочном периоде даже в условиях, когда экономические субъекты имеют противоположные интересы [2, с. 136-138; 32, с. 62; 190, с. 29; 235, с. 526], хотя нередко с помощью инструментария теории игр этическое, кооперативное поведение исследуется как отклоняющееся, как некий дефект по отношению к якобы нормальному и более распространенному эгоистичному поведению. По мнению А. Сена, в этом есть элемент извращенности [236, с. 118, 120].

Таким образом, слабость теоретико-методологической проработки вопросов взаимосвязи экономической теории и этики и сложность практического применения эконометрических и теоретико-игровых выкладок в реальной хозяйственной практике являются причинами недостаточной востребованности исследований в этой области со стороны органов государственной власти и хозяйствующих субъектов. В то же время накопление фактологического материала о связи экономики и этики и дальнейшее совершенствование математического аппарата в будущем могут иметь большое значение для эмпирического подтверждения и методологической апробации теоретических разработок в области взаимосвязи экономической теории и этики.

Императивный аспект взаимосвязи экономической теории и этики реализуется в таких направлениях экономической теории, как теория общественного благосостояния и теория общественного выбора, связанных с учением о благах, вопросами достижения благосостояния, которое само трактуется исходя из общепринятой системы ценностей и понимания источников блага (материальных или духовных), поскольку наши представления о благе и способы его достижения тесно связаны. В рамках теории общественного благосостояния ставятся фундаментальные вопросы социальной справедливости, которая, по мнению разных ученых, может быть обеспечена как за счет роста объемов производства, так и за счет изменения принципов распределения благ. Составной частью проблемы общественного благосостояния является

обоснование необходимости перераспределения (в частности, с помощью прогрессивной системы налогообложения), а также проблема соотношения частных и общественных интересов, общественной нравственности и частной выгоды, «внешних эффектов», координации индивидуальных действий. Указанные грани императивного аспекта взаимосвязи экономической теории и этики нашли отражение в работах И. Бентама, В. Парето, А. Пигу, Дж. Бьюкенена, К. Эрроу, Э. Остром, А. Сена [23, 138, 200, 207, 208, 212, 236, 297]. Чрезвычайно большое значение в рамках императивной функции этики в развитии экономической теории имеет переосмысление критериев общественного прогресса с этической точки зрения. Этот вопрос является особенно актуальным, поэтому в настоящее время осуществляется поиск нематериальных критериев общественного благосостояния, отвечающих условиям долгосрочного развития, а не количественного экономического роста, вместе с этим постепенно начинает переосмысливаться понятие прогресса [13; 63, с. 214; 218, с. 89, 336, 398; 340].

Этические аспекты критериев социально-экономического развития коррелируют с проблемой выбора оптимального варианта общественно-экономического устройства, в том числе в свете обоснования необходимости и степени вмешательства государства в экономику, что связано с этическими категориями свободы и равенства [5, 206, 226, 255, 256].

Что касается когнитивного аспекта взаимосвязи экономической теории и этики, то в истории экономической мысли можно отметить несколько ярких примеров его воплощения. К их числу относятся этико-психологическая теория Дж. М. Кейнса, основанная на метаэтике Дж. Мура, достижения в области философии хозяйства, основы которой в конце XIX – начале XX вв. сформировались в русской софиологии и политической экономии и связаны, прежде всего, с именем С. Н. Булгакова [41, 93, 145].

Огромный научный потенциал взаимосвязи экономической теории и этики также связан с развитием этической экономии П. Козловски [101], теориями социально-экономической динамики и развития цивилизации В. Зомбарта, Н. Д. Кондратьева, Й. Шумпетера, Ф. Хайека [73, 106, 275, 295]. Большие

эвристические возможности несут в себе исследования Ю. Я. Ольсевича, показавшего глубинную взаимосвязь психологии и этики в экономическом поведении [197]. Среди современных ученых, ориентированных на когнитивный аспект взаимосвязи экономической теории и этики, следует выделить С. Боулза, Д. МакКлоски, Т. Седлачека, Дж. Ходжсона, А. Этциони [31, 234, 278, 320, 331].

Особенно велик методологический потенциал когнитивного аспекта взаимосвязи экономической теории и этики в разработке больших теорий, требующих комплексных, метатеоретических (к которым относится и этический) подходов к анализу человеческого поведения и многомерной экономики, в то время как узкоспециализированный подход по определению не в состоянии учесть взаимосвязь множества факторов экономической действительности [11, с. 144].

В настоящее время на постнеклассическом этапе развития науки можно говорить о возрастании значимости всех аспектов взаимосвязи экономической теории и этики. Особенно актуальными становятся вопросы норм хозяйственной этики и будущего общественно-экономического устройства. В то же время практически без внимания остается срединный, интегрирующий аспект взаимосвязи экономической теории и этики – когнитивный, без развития которого призывы к следованию этическим нормам в хозяйственной практике могут остаться лишь пожеланиями, а прогнозирование будущего без теоретического фундамента может превратиться в научную фантастику. Этика как наука о человеке обеспечивает согласованное взаимодействие этики как регулятора хозяйственной практики и общественного идеала, а также методологический фундамент для повышения эффективности экономико-теоретических исследований.

Таким образом, подтверждается тезис о том, что любая экономическая теория содержит этический компонент [5, с. 70; 10, с. 22, 23; 78, с. 115], будь то когнитивный, прикладной или императивный аспект взаимосвязи экономической теории и этики. В то же время когнитивный аспект, несмотря на его значительный теоретико-методологический потенциал, явно не эксплицируется, не является

общепризнанным в экономической теории. Недостаточная степень его разработанности и использования составляет широкое поле для деятельности ученых-экономистов и одновременно требует переосмысления традиционных представлений о роли этики в развитии экономической теории, анализа и совершенствования существующей методологической базы. В связи с этим необходимо возвращение в экономической теории к целостному пониманию этики не только как свода норм и правил хозяйственного поведения или отвлеченного идеала, но и как науки о человеке. Сведение этики к моральному кодексу цементирует в сознании ученых-экономистов ряд стереотипов⁸, нивелирование которых могло бы внести значительный вклад в приближение экономической теории к потребностям практики и современному постнеклассическому уровню развития теоретического знания. Развитие когнитивного понимания этики в экономической теории и методологии в будущем может создать совсем иное лицо экономической теории как науки о поведении человека в хозяйственной сфере, объясняющей его не только сугубо экономическими, но и разнообразными неэкономическими факторами, что является как условием повышения реалистичности и практической направленности экономических теорий, так и отражением междисциплинарного характера постнеклассической методологии.

1.3 Эволюция экономической методологии в контексте влияния этики

Методологические вопросы в экономической теории были поставлены еще в XIX веке в работах Н. У. Сениора, Дж. С. Милля, К. Маркса, Дж. Э. Кэрнса, К. Менгера, Дж. Н. Кейнса [24, 114, 127, 131, 136, 137, 327]. Однако оформление

---

⁸ К таким стереотипам относятся, в частности, отождествление науки этики с ее предметом (моралью), сведение проблемы взаимосвязи экономической теории и этики в методологическом плане к противопоставлению эгоистичного и этико-ориентированного поведения, к нормативной экономической теории или дискуссиям о роли ценностных суждений ученого в получении научного знания [122, с. 14; 236, с. 33; 327, с. 60].

экономической методологии как самостоятельной научной дисциплины (субдисциплины) произошло только в конце XX века [10, с. 5].

Слово «метод» с греческого языка можно перевести как «путь к чему-либо». В современной энциклопедической литературе метод определяется как совокупность способов, приемов и операций построения, обоснования и практического применения научного знания. Соответственно методология трактуется как система способов организации теоретической деятельности и как область знания об этой системе, предпосылках и принципах организации познавательной деятельности [72, с. 50; 265, с. 258; 266, с. 358, 359].

Современная методология как общефилософская дисциплина занимается проблемами смысла научной деятельности, ее связями с другими формами общественного сознания и предметно-практической деятельности; в рамках методологии исследуются вопросы совершенствования инструментов познания, языка науки, осуществляется реконструкция этапов научного исследования. В философии науки различают содержательную и формальную методологию. В рамках содержательной методологии исследуется структура научного знания, закономерности создания и развития научных теорий, структура методов и критерии научности. Формальная методология анализирует научный язык и формализованные методы исследования [265, с. 259; 266, с. 360].

Что касается экономической методологии, то экономисты-методологи и историки экономической мысли характеризуют методологию следующим образом. По Л. Боланду, методология представляет собой взгляд на отношения между теориями и методами, посредством которых ученые приходят к заключениям о природе реального мира [313, с. 1]. Схожее определение методологии как обеспечивающей связь между теориями и выводами о реальном мире, предлагал М. Блауг. Он включал в методологию принципы, которые используются для формулирования и обоснования экономических теорий [24, с. 18; 25, с. 53]. Методологию также определяют как изучение концепций, принципов и способов исследования или изучение экономической теории как вида деятельности [11, с. 17].

Развитие экономической методологии имеет свои исторические особенности в рамках классицизма, неклассицизма и постнеклассицизма науки. Долгое время методологические вопросы в экономической теории рассматривались с точки зрения узкого подхода к методологии как учению о методах научного исследования. В разное время экономическая методология испытывала (и испытывает) существенное влияние различных наук-лидеров (физики, биологии, математики). На этапе классицизма в роли методологов выступали крупнейшие ученые-экономисты того времени. Ключевой проблемой методологии классической экономической теории являлось определение предмета и метода исследования. В этом прослеживается общая для классицизма науки тенденция к упорядоченности, однозначности и систематизации знания. В эпоху классицизма существовало представление об универсальности методов познания для разных наук, следовательно, метод понимался как приспособленный к той или иной сфере познания. В этом плане можно сказать, что классическая экономическая методология была преимущественно нормативной, предписывающей выбор правильных, желательных методов исследования и критериев оценки истинности теорий [11, с. 18; 28, с. 51].

На этапе классицизма развития теоретического знания эталоном научной методологии служила физика. Основная трудность при адаптации того или иного метода исследования к нуждам конкретной науки состояла в выборе между рационализмом и эмпиризмом, то есть между строгостью, непротиворечивостью и соответствием теории фактам. Классическими методологическими нормами являлись внутренняя последовательность, простота, завершенность, способность объяснять как можно более широкий круг явлений [24, с. 71].

Повторим, что, поскольку решающий эксперимент в экономической теории невозможен [1, с. 5; 136, с. 1008-1009], стремление к логической строгости и непротиворечивости привело к тому, что в экономической теории аксиоматико-дедуктивный метод получил большее применение, чем в естествознании [285, с. 30]. Отсутствие возможности экспериментального подтверждения гипотез приходилось компенсировать отточенностью аргументации, однако точность и

непротиворечивость аргументов чаще всего достигались за счет значительного упрощения картины исследуемой реальности [11, с. 19-20].

Методологические идеалы классической науки предполагали объяснение и описание в терминах объекта исследования без учета поведения и ценностей субъекта познания, который выступал в роли стороннего наблюдателя. Только в этом случае результаты познавательной деятельности могли считаться объективными. Объективность знания также вытекала из очевидности и наглядности предпосылок теории, полученных, однако, путем интроспекции или с привлечением здравого смысла [245, с. 20]. Вопрос о том, что интроспекция по определению не является объективным методом и может вносить серьезные ошибки в рассуждения, даже не обсуждался. Считалось, что экономическая теория основана на столь очевидных для каждого человека предпосылках, что их не нужно специально доказывать [24, с. 108, 138].

Не менее субъективным можно считать и метод дедукции, ведь выбор того, что считать общим для многих явлений окружающего мира, зависит от позиции конкретного ученого. Как указывал Дж. Э. Кэрнс, ограниченность человеческих способностей обуславливает невозможность принять во внимание все предпосылки. Как следствие, умозаключения, сделанные на основе дедукции, могут не согласовываться с реальностью, и потому науки, базирующиеся на дедуктивном методе, являются гипотетическими [114, с. 40]. Еще строже в отношении «беспримерной нескритичности» применения дедуктивного метода высказался М. Вебер: метод дедукции не может обеспечить объективность исследования, так как выбор того, что считать существенным, наиболее распространенным, весьма субъективен и поэтому ценностно окрашен [45, с. 366].

Неудивительно, что очевидные для одного или даже многих ученых вещи могли не соответствовать экономической реальности. Одной из таких неочевидных и внеисторичных предпосылок являлась предпосылка о своекорыстном, максимизирующем поведении человека, которая, хотя и могла соответствовать реалиям эпохи первоначального накопления капитала и Первой промышленной революции, оказывалась не столь универсальной при изучении

других исторических эпох и по мере развития самой экономики (подробнее: гл. 4 диссертации).

Традиционным форматом методологических рассуждений классицизма в XIX веке было противопоставление и демонстрация преимуществ и недостатков индукции и дедукции, анализа и синтеза. В настоящее время достижения этого этапа развития экономической методологии сохраняются, скорее, в учебных целях [11, с. 22-23].

Таким образом, классическая методология состояла в том, чтобы путем погружения в себя или повседневный опыт предложить некие априорные предпосылки, после чего из как можно меньшего их числа вывести дедуктивные выводы, верные при отсутствии «искажающих факторов». Последних нередко оказывалось так много, что экономистам приходилось проявлять изобретательность, достойную лучшего применения, чтобы объяснить расхождения своих теорий с фактами [24, с. 107; 137, т. I, с. 260-261]. Иногда расхождения объяснялись дилетантством критиков, которым предлагалось не вмешиваться в дела «чистой» науки [332, с. 12, 14].

Однако по мере развития экономической теории и экономической реальности несогласованность теории и эмпирических фактов становилась все более очевидной [24, с. 140], требовала разрешения накопившихся противоречий и специального разъяснения методологических вопросов. Многообразие экономической жизни, ее страновые, культурные, исторические особенности не укладывались в механическую картину мира. Возникновение других социально-гуманитарных наук, таких как социология, психология, антропология, поставило вопрос о целесообразности дальнейшего уподобления экономической теории естествознанию. Критические замечания вызывали абстрактность, космополитичность, внеисторичность классической политической экономии и ее последующей маргиналистско-гедонистической интерпретации. Необходимость разрешения этих проблем, их открытого обсуждения обусловила «спор о методах» между представителями исторической школы Германии и Великобритании и представителями маржинализма.

Значение «спора о методах» заключается в том, что его предметом была абстрактно-дедуктивная методология, которая позволяла политической экономии, подобно естественным наукам, служившим для нее эталоном, претендовать на статус самостоятельной научной дисциплины. Таким образом, в «споре о методах» речь шла об обсуждении самих основ теоретической экономической науки [135, с. 208].

Весьма часто «спор о методах» сводится к противостоянию индуктивиста Г. Шмоллера и дедуктивиста К. Менгера. Действительно, К. Менгер выступал за свободный от политических, этических суждений, позитивный и дедуктивный характер экономического знания [11, с. 21; 131], в то время как Г. Шмоллер считается последователем нормативной экономической науки и индуктивного метода. Между тем, Г. Шмоллер являлся сторонником историко-этической экономической науки и, по его собственному признанию, всегда настаивал на равноправии и необходимости и индукции, и дедукции, бессмысленности их противопоставления. Разногласия по поводу приоритета индукции или дедукции Г. Шмоллер считал чрезмерно преувеличенными. Возникновение «спора о методах» немецкий ученый связывал с историей развития самой экономической науки: в момент своего возникновения политическая экономия, как всякая молодая наука, вынужденно исходила из весьма ограниченных предпосылок, полученных путем дедукции. Но по мере развития науки, накопления все новых фактов о хозяйственной жизни происходит осознание ограниченности более ранних представлений, что требует расширения описательных и систематизирующих исследований накопленных фактов, которые необходимы для применения как индуктивного, так и дедуктивного метода. Таким образом, для Г. Шмоллера значение «спора о методах» состояло в определении того, насколько дедуктивный метод достаточен для экономической науки, какой степени развития она достигла, какие из ее причинных утверждений можно считать истинными, какие положения экономическая наука может заимствовать из других наук [289, с. 95; 290, с. 87-89].

Традиционно считается, что явных победителей в «споре о методах» не было, что отразилось в тенденции плюрализации теоретического экономического знания. В своем развитии оно пошло по двум направлениям, которые отстаивали лидеры участников спора, то есть в сторону как усиления фрагментации и формализации, так и в сторону описательности и меньшей строгости экономического знания. Кроме того, нерешенность методологических вопросов на рубеже XIX-XX вв. обусловила специфику неклассического этапа развития экономической методологии, выражающуюся в нарастании неопределенности и плюрализма по фундаментальным методологическим вопросам. Неудивительно, что при переходе к постнеклассической науке нерешенные методологические вопросы обострились с новой силой [11, с. 21, 84, 85, 213].

«Спор о методах» стал первым в истории экономической теории крупным и важным подтверждением тесной взаимосвязи теоретических, методологических, философских и этических вопросов. В ходе «спора о методах» обсуждались не только узкие методологические проблемы, но и более широкий круг проблем, связанных с политикой и идеологией. В конце XIX – начале XX вв. обострились дискуссии о свободе социально-гуманитарных наук от ценностных суждений ученого, роли идеологии и политики в экономической теории [45, 264]. В частности, Й. Шумпетер обратил внимание на то, что в науке большое значение имеют тщеславие и предрассудки, которые нередко препятствуют объективному исследованию и решению конкретных социальных проблем [294, с. 1074-1075]. «Спор о методах» обнажил не только теоретические затруднения классической политической экономии, но и показал, что меняющаяся экономическая реальность больше не укладывается в классические каноны. Следовательно, «спор о методах» указывал на изменения не только в экономической теории, но и в хозяйственной практике. Как известно, возрастание интереса к методологическим вопросам теоретического знания («методологическая ипохондрия») происходит в уже зрелой науке в ходе существенных перемен в ней и в экономической реальности. Обострение методологических споров имеет место, когда наука сталкивается с новыми, ранее не известными объектами, которые не вписываются в имеющуюся

дисциплинарную онтологию и, следовательно, требуют новых методов исследования [4, с. 54; 11, с. 213; 249, с. 256, 453; 294, с. 699-700]. Очень точно причины возникновения методологических споров и в целом актуализации методологических исследований подметил К. Менгер. К ним он отнес следующее: 1) утрата «правильного понимания целей» науки; 2) придание «второстепенным задачам науки» решающего значения; 3) закрепление за ошибочной методологией господствующего положения, если ее придерживается наиболее влиятельная школа; 4) преобладание одностороннего взгляда на вещи, на составляющие предмета науки. В этих случаях дальнейший прогресс науки требует разрешения методологических проблем [131, с. 293]. Таким образом, «спор о методах» ознаменовал переход экономической теории к неклассицизму на фоне трансформации экономической реальности. При этом следует учитывать, что любой поворотный момент (точка полифуркации) в истории науки и практики требует переоценки целей развития и критериев истины, то есть ставит во главу угла этические вопросы [121, с. 13, 14].

Неклассическая экономическая методология отказалась от идеи однозначности картины исследуемой реальности, от представления о том, что из немногих и «очевидных» предпосылок можно вывести все многообразие сложных явлений реального мира, пришла к пониманию относительности знания. Стали допустимыми альтернативные толкования, отражающие отдельные грани объективной реальности. На этом фоне была осознана зависимость между дисциплинарной онтологией и методами познания, в связи с чем потребовалась спецификация операций и методов познавательной деятельности как условие получения объективно-истинного знания. Следовательно, субъект познания превратился из дистанцированного наблюдателя в субъекта, непосредственно находящегося внутри объекта познания. Результаты познавательной деятельности оказались в зависимости от способа постановки и решения исследовательских задач [245, с. 21]. Множественность картин, альтернативность исследуемой реальности и осознание роли субъекта познания поставили вопрос о демаркации

научного знания от ненаучного. Научным могло считаться только логически строгое и эмпирически подтверждаемое знание [11, с. 24].

Общей чертой неклассического этапа развития экономической теории и методологии, с одной стороны, и естествознания, с другой стороны, является математическая экстраполяция. Для неклассической физики математическая экстраполяция заключается в следующем: сначала строятся уравнения физических величин, а затем опытным путем проверяется их соответствие физическим явлениям, экспериментальное подтверждение математических выкладок объявляется законом [249, с. 388-389, 391]. В экономической теории возможность опытной проверки результатов математического моделирования практически отсутствует. Как следствие, идеалом научности в неклассической экономической теории считается математическая строгость (точность и непротиворечивость), то есть качество математической модели, а не реалистичность ее предпосылок. Поэтому, как указывает О. И. Ананьин, в неклассической науке сформировалась в буквальном смысле мода на создание экономически стилизованных математических конструкций, имеющих недостаточно связей с реальностью. Яркими примерами такой моды стали теория общего экономического равновесия, теория потребительского поведения (как аналог квантовой физики) и теория игр. Другим примером математической экстраполяции является эконометрика, нацеленная на получение тех или иных эмпирических результатов. Во всех названных случаях необходимость построения экономических теорий и их приближения к реальности отпадала. Как следствие, возникли сомнения в научности самой экономической теории, которая могла теперь рассматриваться как отрасль прикладной математики или «своеобразная деградировавшая разновидность социальной математики» [11, с. 24, 157; 24, с. 266, 360; 138, с. 325, 329].

Еще одним примером математической экстраполяции как специфической черты неклассицизма науки в экономической теории может служить состояние современной поведенческой экономики, отличающейся множеством частных, риторических теорий, от одних только названий которых складывается весьма

двойственное впечатление: теория сожалений, теория неприятия разочарований, теория перспективных точек отсчета, теория несклонности к чувству вины. Как отмечают отечественные и зарубежные ученые, суть этих теорий состоит в том, чтобы в процессе «охоты» за «аномалиями» дополнить неоклассические теории неким психологическим довеском и провести эконометрическую оценку параметров модели, то есть математически доказать заранее желаемый результат, что является тавтологией [22, с. 167-169; 215, с. 504].

На этом фоне М. Блауг характеризовал состояние современной экономической теории как болезненное, излишне формализованное и имеющее небольшое практическое значение [24, с. 32; 312, с. 3]. По мнению В. М. Полтеровича, современные экономисты все больше походят на «прикладных математиков», а сама экономическая теория придерживается ложных претензий на точность [216, с. 103, 105]. Как полагают некоторые ученые, в том числе представители неоавстрийской школы, некритичное использование математики, особенно со второй половины XX века, привело к примитивизации экономической реальности в экономических моделях, отказу от исследования факторов, которые не могут быть математически формализованы и поэтому считаются не достойными внимания экономиста, отдаются на откуп другим наукам, то есть выбираются лишь те элементы экономической реальности, которые легче формализовать, или сама проблема исследования изначально формулируется так, чтобы можно было работать со «стилизованными фактами» [33, с. 90; 66, с. 54, 68; 128, т. III, с. 322; 138, с. 215; 336]. Еще А. Смит обратил внимание на то, что природа редко бывает математически точной, в ней нет двух абсолютно одинаковых объектов или событий. Напротив, в природе все находится в движении, существует множество факторов, которые могут вызвать изменения, а причины и следствия не постоянны [333, с. 81, 118, 200-201]. Возрастающие вычислительные и обрабатывающие возможности лишь способствуют тому, чтобы произвольно конструировать реальность под имеющиеся математические средства [268, с. 85, 93]. Тем не менее трудность включения неэкономических факторов, относящихся

к природе человека, в формализованные экономические модели отнюдь не означает, что ученые вправе игнорировать эти факторы [2, с. 109].

В сфере человеческой деятельности отсутствуют постоянные зависимости, следовательно, любое измерение является лишь констатацией факта, экономической историей и не всегда может использоваться для прогнозирования. Качественный, а не количественный характер социально-гуманитарных наук не является их недостатком или признаком отсталости. Это всего лишь следствие специфического объекта и предмета их познания – человека и его деятельности. По мнению Л. Мизеса, математические методы, несмотря на их колоссальную роль в развитии экономической теории, нередко образуют порочный круг ложных предпосылок, ошибочных выводов и искажения взаимосвязей между явлениями. В результате оказывается, что за многими математическими выкладками часто нет никаких реальных экономических категорий, а нагромождение формул может быть легко заменено обычным языком [128, т. III, с. 225; 134, с. 55, 69, 329].

В свете формализации экономической теории нельзя не вспомнить о том, что с помощью диалектической логики уже была раскрыта ограниченность некритичного применения математических методов, когда качественные определенности пытаются выразить количественно, что является неразрешимым противоречием. Г. Гегель показал, что математика оперирует числами как внешними по отношению к понятию, к реальности; сами по себе числа инертны, лишены содержания. Завидуя «красоте» математических построений, ученые пытаются перенести их в другие науки, упрощая картину мира и упуская внутренние связи, несмотря на заверения, что именно эти связи математика и изучает. Г. Гегель заметил, что чем богаче и сложнее предмет исследования, тем более запутанной, произвольной и бессмысленной оказывается его математическая интерпретация. Немецкий философ убедительно доказал, что дифференциальное и интегральное исчисление делает математику не точной, а приближительной наукой, так как предполагает избавление от всего якобы несущественного, что не может быть вычислено. В экономической теории это находит отражение в признании несущественными факторов, которые не могут

быть формализованы, и, наоборот, представления как универсального, всеобщего и достойного внимания ученого того, что можно уместить в формальных рамках. Причем отбрасывается качественное, человеческое, то есть самое важное. Удивительно прозорливо Г. Гегель предвосхитил утверждение о том, что если результаты оказываются правильными, то нереалистичностью предпосылок можно пренебречь в целях упрощения вычислений. Корень проблемы использования математики в науках о человеке Г. Гегель видел в том, что в ней заключена дурная бесконечность (наличие в предпосылках того, что нужно доказать): математическое доказательство строится под заранее известный, желаемый результат, тем самым создается видимость доказательности и точности предсказаний. Г. Гегель также указал на тот факт, что ученые-математики, стоявшие у истоков дифференциального и интегрального исчисления, хорошо понимали его недостатки для исследования объективной действительности [52, т. 1, с. 106-108, 147, 280-282, 290-292, 315, 316, 321-323, 329-331, 347-350, 358, 372].

В связи с тем, что экономисты столкнулись с неизбежной проблемой соотношения математических выкладок и экономической реальности, «истины и строгости», в сфере экономической методологии был поставлен вопрос об истинности предпосылок теории и качестве предсказаний [2, с. 51; 24, с. 130].

С точки зрения многоаспектной взаимосвязи экономической теории и этики, результаты развития математизированной экономической теории в XX-XXI вв. могут быть связаны с 1) достижениями логического позитивизма, оказавшего значительное влияние на стандарты мышления ученых-экономистов, в свете которого этические утверждения рассматривались как не имеющие смысла [236, с. 53]; 2) сознательным ограничением предмета исследования только теми вопросами, которые легче поддаются формализации [128, т. III, с. 322], а также 3) неопозитивистскими философскими основаниями науки, согласно которым ученый должен твердо придерживаться фактов, избегая противоречий, метафизики и сложности реального мира, что ведет к мельчанию тематики и уходу от фундаментальных проблем и больших теорий, при построении которых

строгие зависимости и простые модели не подходят, а учет этических факторов неизбежен [11, с. 40].

Однако эти результаты развития экономической теории и методологии можно в достаточной степени обозреть только с высоты постнеклассицизма науки. Для неклассицизма науки они были обоснованы, закономерны и плодотворны. Кроме того, на этапе неклассицизма происходит колоссальное усложнение экономической реальности по сравнению с классическим этапом, увеличение объемов научной информации, когда один ученый уже не в состоянии охватить предмет научной дисциплины в его целостности, поэтому концентрируется на его отдельных гранях. По мере усложнения экономической реальности тенденции фрагментации и специализации в теоретической экономической науке только усиливаются [116, с. 49; 249, с. 420].

Переход к постнеклассицизму науки сопровождался обострением методологических и этических дискуссий в конце XX века. Наследие «спора о методах» в виде неразрешенных методологических проблем и накопление новых обусловили возникновение не просто «спора о методах», а методологического бума. Энергию «бума» усиливало и то, что ряд направлений экономической мысли (например, новая классика) по своим теоретическим и методологическим стандартам находились еще на стадии классицизма; далеко не все течения экономической мысли преодолели планку неклассицизма. Соответственно, разрыв с некоторыми устаревшими представлениями и попытки исследовать постнеклассические объекты с помощью классической методологии могли сопровождаться именно и только «бумом». При этом, как и на рубеже XIX-XX столетий, методологический бум поставил не только собственно методологические вопросы, но и вопросы ценностной нагруженности экономического знания и этической ответственности ученых-экономистов. Возникла идея, и даже были сделаны попытки внедрить кодекс этики ученого-экономиста [11, с. 213; 319, с. 20, 21].

Как известно, теория считается несостоятельной, если наиболее насущные проблемы действительности оказываются вне поля ее зрения [11, с. 135]. Поэтому

еще одним катализатором развития экономической методологии стали глобальные экономические проблемы человечества, коренные экономические реформы в ряде стран, участившиеся экономические кризисы, которые не могли получить какое-либо объяснение в рамках механической (равновесной и закрытой) картины мира [1, с. 5; 11, с. 18, 42, 108; 24, с. 13; 87, с. 66; 206, т. 1, с. 16; 264, с. 8].

Итак, конец XX века в развитии экономической теории был ознаменован так называемым методологическим бумом и возникновением экономической методологии как самостоятельной научной дисциплины [11, с. 52]. С конца 1970-х гг. в мировой экономической теории резко увеличилось число публикаций по вопросам методологии экономической теории, возник целый ряд специализированных периодических изданий по философии и методологии экономической теории [11, с. 10-11]⁹. Среди наиболее известных экономистов-методологов «бума» и современных методологов можно назвать М. Блауга, Л. Боланда, Ш. Доу, Дж. Дэвиса, Б. Колдуэлла, Т. Лоусона, Д. МакКлоски, М. МакФерсона, У. Мяки, Д. Хаусмана, Дж. Ходжсона, У. Хэндса [24, 66, 78, 264, 278, 282, 313, 315, 318, 319].

Методологический бум актуализировал нерешенные вопросы предыдущего «спора о методах», в том числе связанные с этической ответственностью ученых-экономистов, переосмыслением предмета и даже названия экономической теории как науки. Особое значение методологические вопросы имели для некоторых стран, перенимавших не только хозяйственный, но и теоретический опыт Запада, разнообразие которого значительно усложняло процесс выбора теорий и методов после долгих лет теоретического и методологического монизма. Методологический бум в экономической теории происходил параллельно с изменениями в западной философии науки: переходом от неопозитивизма к постпозитивизму, отказом от жестких методологических стандартов и демаркационной линии [11, с. 25; 28, с. 53].

---

⁹ Примечательно, что одно из первых изданий имело название «Экономическая теория и философия» («Economics and Philosophy») [11, с. 11].

Современная постнеклассическая экономическая методология меняется вместе с изменением предметного поля экономической теории, в ней стирается грань между нормативной и дескриптивной сторонами. Фокус методологических исследований смещается с дискуссий о наилучших методах исследования на изучение процессов, происходящих в научном сообществе с учетом этики ученого, эволюции и перспектив развития экономической теории [11, с. 18, 19, 29, 36, 37, 53, 54; 28, с. 48, 53; 301] (именно такого широкого толкования современной экономической методологии придерживается автор диссертационной работы). Современные исследователи признают, что научная деятельность – это многофакторное явление, составная часть культуры. Экономические теории создаются учеными под влиянием разнообразных фильтров: языкового, онтологического, риторического, социального. Особое значение в современной экономической методологии придается социальному фильтру, так как научная деятельность отражает общее состояние культуры общества [11, с. 31, 32; 211, с. 76]. Экономическая среда и ее составляющие выступают в роли объекта и различных граней предмета экономической теории, то есть их нельзя не учитывать. Научная деятельность все чаще рассматривается как погруженная в определенный социальный контекст, как социальный институт. В условиях конкуренции различных теоретических и методологических подходов социально-культурный контекст может обеспечивать доминирование одного подхода и блокировать другие, способствовать смене лидирующих подходов [11, с. 26; 28, с. 48, 62; 243, с. 41, 42].

Как указывает Дж. Ходжсон, наука функционирует в определенной социально-политической среде, которая не может не оказывать влияние. Любой ученый (как человек и представитель той или иной научной школы) придерживается вполне определенной этической позиции, поэтому существует мнение о том, что довольно сложно быть ценностно нейтральным и объективным в науке (добиваясь при этом лучшего понимания реальности, а не вымышленных миров) и проявлять свою этическую позицию в других сферах жизни. Наука так или иначе формирует представления людей об окружающем мире и даже

«творит мир», в котором мы живем, а экономические прогнозы на будущее влияют на поведение людей в настоящем [28, с. 49, 63; 148, с. 138; 271, с. 92; 278, с. 86; 304, с. 24].

Множественность направлений экономической мысли и альтернативных взглядов на одни и те же процессы и явления, практически в равной степени имеющих право на существование, требует от методологов не четких инструкций для экономистов-теоретиков, а исследования экономической теории как сложной, многоуровневой, развивающейся системы. В этих условиях право на существование получает принцип методологического плюрализма, означающий, что ученый может сам выбирать методы исследования при условии их четкой экспликации [11, с. 19, 29; 211, с. 162].

Разнообразие методов исследования ставит проблему их выбора и оценки с точки зрения эффективности их применения, которая всегда имеет аксиологический подтекст [266, с. 360]. В условиях методологического плюрализма весьма актуальной становится проблема методологических ловушек, связанных с абсолютизацией тех или иных методов или уровней познавательной деятельности, гипертрофированным применением отдельных методов, стремлением к простоте и логичности выводов в ущерб полноте анализа [211, с. 151]. Методологический плюрализм превращает научное знание в множество возможных интерпретаций реальности, нередко препятствует коммуникации ученых, использующих разные методы, «способствует» релятивизации науки и усилению роли вненаучных (статусных, репутационных, материальных) критериев истины. Признание недостатков методологических принципов плюрализма и релятивизма обуславливает необходимость их ограничения и перенесения предписывающей функции методологии в рамки отдельных школ и направлений экономической мысли [11, с. 41, 42; 28, с. 50].

Следует учитывать, что методологический плюрализм и релятивизм возникают не случайно, а на фоне плюрализации самой экономической действительности. В результате экономическая методология и становится более описательной, а не нормативной: размывание одних стандартов при

несформированности новых делает предписания практически бессмысленными, в точке полифуркации все возможные состояния (и методы) имеют равное право на существование, ученому-методологу нередко остается лишь описывать их, а не настаивать на существовании единственного наилучшего метода [11, с. 19; 28, с. 53].

Благодаря исследованиям постпозитивистов (К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоша) современная методология все больше сближается с философией, историей и социологией науки, развиваются исследования, носящие характер историко-теоретической и историко-методологической реконструкции. Как писал М. Блауг, экономическая методология превращается из решения технических проблем в «философию науки в ее приложении к экономике» [24, с. 35; 28, с. 48, 53, 65]. Это позволяет проследить и/или воспроизвести логику научного исследования, обосновать перспективы развития теоретического знания. Методологические исследования в экономической теории все чаще применяются для объяснения истории развития самой экономической теории. В связи с этим, по выражению многих ученых, экономическая методология и история экономической мысли идут рука об руку, методологические исследования не отделимы от историографических [11, с. 29; 24, с. 81, 82; 206, т. 1, с. 12; 211, с. 72; 264, с. 10; 313, с. 158].

На постнеклассическом этапе развития теоретического знания ставится вопрос об актуализации диалектического метода познания при безусловном признании важной роли формального логического аппарата. Диалектика как наука о наиболее общих законах развития общества, человеческого мышления и природы возникла в глубокой древности как метод постижения истины в столкновении противоположных мнений при принятии решений на народном собрании. Древнегреческие философы уже владели диалектической логикой, но ее основоположниками считаются И. Кант, И. Фихте, Г. Гегель, Ф. Шеллинг [52, т. 3, с. 296-297; 127, т. 20, с. 19-20; 195, с. 97; 249, с. 66]. Основными принципами познания диалектической логики являются взаимосвязь, становление и развитие [266, с. 163], поэтому экономика в диалектике исследуется как непрерывный

процесс изменения на основе взаимного перехода количественных изменений в качественные, взаимопроникновения, единства и борьбы противоположностей, отрицания отрицания, а также восхождения от абстрактного к конкретному и единства исторического и логического [127, т. 20, с. 343, 384-385; 195, с. 97]. Закон единства и борьбы противоположностей вскрывает источник развития, закон перехода количественных изменений в качественные – механизм развития, закон отрицания отрицания выражает развитие в его направлении, форме и результате [266, с. 455]. Диалектика формирует научную картину мира как «сплетение связей и взаимодействий». Важнейшей чертой диалектической логики является идея всемирной связи всего со всем в понятиях человека и его предметно-практической деятельности [52; 77, с. 9, 165, 168, 171, 179; 127, т. 20, с. 20, 21, 391, 392, 483; т. 21, с. 276].

Диалектическая логика в значительной степени соответствует специфике социально-гуманитарных наук, в которых все взаимосвязано, так что причины и следствия постоянно переплетаются и могут быть разделены только при рассмотрении отдельного случая [52, т. 1, с. 217; т. 2, с. 210; 127, т. 20, с. 22; 295, с. 129]. Диалектическая логика отвечает современным представлениям о постнеклассическом этапе развития теоретического знания, позволяя расширить возможности экономической теории. Новые открытия в естественных науках часто оказываются известными истинами для диалектики [127, т. 20, с. 352, 353, 367, 385]. Тот факт, что в диалектической логике содержатся многие идеи постнеклассического естествознания, открыто подтвердил один из его ведущих представителей И. Р. Пригожин. Анализируя исторические корни нелинейной термодинамики в диалектических воззрениях древних философов, он вместе с И. Стенгерс сделал вывод о том, что диалектическая логика пришла к пониманию сути процессов, происходящих в живой и неживой природе, гораздо раньше, чем смогла подтвердить это экспериментальная физика и химия. Только в XX веке квантовая механика и неравновесная термодинамика стали оперировать понятиями, которые известны в диалектике: неравновесность, нелинейность, необратимость, непротивопоставление причины и следствия, обратная связь,

зависимость текущего состояния системы от ее прошлого [217, с. 9, 209, 288, 320]. Повторим, что в диалектике разработан первый категориальный аппарат для исследования саморазвивающихся систем [249, с. 266, 267].

Важной особенностью постнеклассической общенаучной методологии является не только обращение к диалектической логике, но и возрастание роли качественных методов исследования, междисциплинарного подхода и языка науки. Качественные методы проникают в экономическую теорию благодаря взаимодействию с другими социально-гуманитарными науками: социологией, психологией, антропологией, политологией. Это явление получило название обратного империализма [318, с. 7, 9]. К качественным методам, применяемым сегодня в экономической теории, относятся вербальное моделирование, исторический нарратив, сравнительный анализ, глубинные интервью, панели, включенное наблюдение, кейс-стади, риторический и герменевтический анализ научных текстов [216, с. 109]. Качественные методы используются даже в исследованиях по истории экономической мысли и самой экономической методологии, например, в форме анализа содержания научных публикаций, опросов и глубинных интервью с крупнейшими учеными-экономистами [11, с. 43; 28, с. 49].

Междисциплинарный подход отражает отмечаемую современными философами науки тенденцию к интеграции наук о природе и наук о человеке и обществе, в том числе для решения глобальных проблем человечества [266, с. 360]. При этом оказывается, что многие достижения социально-гуманитарных наук только в конце XX века получили признание в естествознании, хотя именно естественнонаучные дисциплины, например физика, долгое время служили образцом для экономической теории. В этом плане необходимо обратить внимание на то, что экономической теории и в целом социально-гуманитарным наукам необходим взаимовыгодный обмен не только с естествознанием, но и друг с другом (экономическая теория, этика, социология, антропология, психология) [28, с. 59-60]. Достаточно вспомнить о том, что современному этапу развития теоретического знания естественные науки отчасти обязаны наукам о человеке.

На эволюционные идеи Ч. Дарвина оказали влияние взгляды Г. Спенсера и Т. Мальтуса; кибернетика, теория информации и общая теория систем первоначально создавались для исследования социальных и биологических объектов и только спустя время были адаптированы для изучения неорганической природы [128, т. I, с. 320; 135, с. 221; 249, с. 401; 275, с. 45-47, 250; 304, с. 18]. Теория хаоса (сложности) также уходит своими корнями в диалектическую логику, что не отрицают и сами физики и химики [217, с. 9, 320].

Постмодернистский дискурс в философии поставил вопрос о роли языка в современной методологии. Ученые обратили внимание на то, что языковой фильтр является своего рода посредником между субъектом, объектом и пользователем теоретического знания. Язык науки выступает в роли не только инструмента описания реальности, но и коммуникации, убеждения. Риторика теоретических идей определяет их восприятие другими людьми [11, с. 30, 32, 33; 122, с. 20]. Наибольший вклад в исследование роли языка науки в постнеклассической экономической методологии связан с именем Д. МакКлоски, которая убедительно показывает, что в экономической теории научные аргументы нередко оказываются лишь умелыми риторическими приемами, а правильная литературная подача теории способствует ее принятию научным сообществом и повышает возможности публикации в престижных изданиях. Все это вновь актуализирует проблему роли этики в экономической теории и этической ответственности ученых [11, с. 36; 78].

В настоящее время экономическая методология выполняет рационализаторскую, мировоззренческую и практическую функции (определяет способы описания специальной научной картины мира, поведенческие, этические и институциональные предпосылки экономических теорий, пути совершенствования приемов и методов познания, взаимосвязи науки с другими областями знания, перспективы развития науки и практического применения ее результатов, различные аспекты профессионального общения ученых в условиях плюрализма методов) [11, с. 43-45; 28, с. 48-50; 206, т. 1, с. 7, 8]. При этом можно заметить, что указанные функции экономической методологии перекликаются с

выделенными автором функциями этики в развитии экономической теории (когнитивной, императивной, регулирующей функциями). Все это свидетельствует о тесной взаимосвязи экономической теории и этики именно на уровне методологии.

Выводы по главе 1

Проведенное в первой главе диссертации исследование позволяет сделать ряд выводов относительно эволюции экономической теории и методологии во взаимосвязи с этикой. С момента выделения экономической теории (политической экономии) как самостоятельной научной дисциплины из этики в настоящее время в эпоху постнеклассицизма науки взаимосвязь экономической теории и этики проявляется как никогда ранее. Это связано с переходом к исследованию сверхсложных человекообразных систем, в которых человек нередко превращается в объект воздействия. На поворотных моментах истории человечества чрезвычайно актуальными становятся вопросы будущего общественно-экономического устройства и долгосрочных последствий хозяйственной деятельности человека. Это также приводит к возрастанию роли этики. Однако в диссертации выявлено, что в понимании взаимосвязи экономической теории и этики среди ученых-экономистов отсутствует единство мнений. Как показывает автор, это объясняется многозначностью самого слова «этика». Проведенное в ходе написания диссертационной работы исследование позволило выделить три аспекта взаимосвязи экономической теории и этики (прикладной, когнитивный, императивный), положенные в основу авторского методологического подхода к исследованию роли этики в эволюции экономической теории и методологии. Наименее разработанным из этих трех аспектов, но не менее значимым и перспективным в теоретическом и методологическом плане является когнитивный аспект, основанный на понимании этики как науки собственно о человеке, его ценностях, целях,

потребностях, мотивах, убеждениях. Именно так этика понималась учеными и философами до Нового времени. Исконное значение этики также прослеживается в современном делении наук на естественные и социально-гуманитарные (натуральная философия и нравственная философия).

Соответственно трем аспектам взаимосвязи экономической теории и этики автором выявлены функции этики в развитии экономической теории и методологии, а также определены направления теоретических экономических исследований, в которых реализуется каждая из выделенных функций этики. Регулирующая функция этики в развитии экономической теории и методологии связана с формированием и практическим применением совокупности правил ведения деятельности человека, в том числе в научной сфере. Когнитивная функция означает совершенствование методологии экономической теории с точки зрения учета разнообразия этических предпосылок хозяйственной деятельности человека. Императивная функция символизирует роль этики в формировании общественных идеалов и критериев социально-экономического развития. В рамках прикладного аспекта взаимосвязи экономической теории и этики исследуются проблемы социальной ответственности бизнеса, «морального риска», оппортунистического поведения. Императивный аспект взаимосвязи экономической теории и этики проявляется в теории общественного благосостояния, при разработке критериев социально-экономического развития, решении вопросов социальной справедливости и долгосрочных последствий хозяйственной деятельности. Когнитивный аспект взаимосвязи экономической теории и этики формирует новое поле теоретико-методологических исследований, выявленное в диссертации и получившее развитие в рамках философии хозяйства, социэкономике, а также при разработке фундаментальных теорий долгосрочной социально-экономической динамики.

В первой главе диссертации также рассмотрены особенности методологии классической, неклассической и постнеклассической теоретической экономической науки. В качестве ключевых особенностей современной постнеклассической экономической методологии необходимо отметить

возвращение к диалектической логике (во многом благодаря тому, что категориальный аппарат диалектики сегодня получает все больше естественнонаучных подтверждений), активизацию междисциплинарных исследований, использование качественных методов исследования и обращение к роли языка науки. Как показано в первой главе диссертации, переходу от классической к неклассической и далее к постнеклассической науке всегда предшествовали активные методологические дискуссии, отличавшиеся повышенным вниманием к этическим проблемам: роли науки в жизни общества, ее связи с политикой и идеологией, этической ответственности ученых, трансформации представлений об экономической реальности и критериях экономического развития. Накопленные за многие десятилетия существования экономической теории, но не решенные методологические вопросы потребовали возникновения специальной научной дисциплины – экономической методологии. Ее появление датируется концом 1970-х гг. и характеризуется в том числе переоценкой идеалов, норм и философских оснований теоретического экономического знания, когда в поисках ориентиров для будущего происходит обращение к прошлому, чтобы в нем найти ответы на вызовы современности. Это в свою очередь приводит к сближению экономической методологии с философией и историей науки. Как следствие, особенно актуальными становятся исследования роли этики в приращении теоретического экономического знания.

ГЛАВА 2

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОСТА ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

2.1 Этико-экономические воззрения донаучного периода и выделение политической экономии из этики

С древнейших времен история хозяйственной деятельности человека характеризовалась неразрывным единством экономических и этических воззрений, в том числе с позиций этических регуляторов хозяйственной деятельности (в форме одобрения или неодобрения тех или иных видов деятельности), идеалов общественного устройства, поведения правителя и представителей того или иного сословия, а также сложной природы человека, в которой древние мыслители выделяли разнообразные страсти, потребности, добродетели или, напротив, пороки¹⁰.

В государствах Древнего Востока этико-экономическая мысль носила символический характер, была тесно связана с религиозно-мифологическими представлениями и подчинена решению практических (политических и социальных) задач, не имела самостоятельного теоретического значения. Древневосточные литературные произведения, затрагивающие экономические проблемы, имели форму поучений, наставлений, правил грамотного ведения хозяйства, обеспечения порядка и согласия в обществе с точки зрения сохранения

---

¹⁰ Проблемы взаимосвязи экономической теории и этики в истории экономической мысли, о которых идет речь во второй главе диссертации, раскрываются в работах автора диссертации, включая публикации по теме диссертационной работы, прежде всего: [57, 153-155, 157-172, 174, 176, 179, 181-189]; отдельные вопросы упоминаются в ряде научных работ, выполненных в соавторстве: [150, 152, 156, 173, 175, 177, 178, 180, 193, 196]. Некоторые проблемы взаимосвязи экономической теории и этики, рассматриваемые во второй главе диссертации, обсуждались на различных конференциях и других научных мероприятиях, в том числе в совместном с Р. М. Нуреевым докладе «The history and prospects of ethical rationality: Toward XXI century economics» на 21-й ежегодной конференции Европейского общества истории экономической мысли (ESHET) «Рациональность в экономической теории» (Антверпен, Бельгия, Европейское общество истории экономической мысли, 18-20 мая 2017 г.).

и укрепления верховной власти, содержали изложение способов воспитания этически должного хозяйственного поведения [4, с. 9; 49, с. 30, 31, 41, 57; 76, с. 119, 121; 221, с. 90].

В отличие от древневосточной античная культура характеризовалась большей демократичностью и меньшей религиозностью мышления, однако и она может быть рассмотрена с позиций значительного влияния этических воззрений на хозяйственную практику. Так, древнегреческие и древнеримские мыслители связывали хозяйственную деятельность человека с его этической природой, в которой есть место и добродетелям (настойчивости, бережливости, умеренности, мудрости, рассудительности, справедливости), и порокам (жадности, лживости, корысти, стремлению к личному обогащению, алчности и неумеренности).

Временем высочайшего уровня развития древнегреческой экономической мысли считается эпоха кризиса полисной системы. Она связана с именами Ксенофонта, Платона, Аристотеля. Это период дальнейшего развития товарного хозяйства, стимулировавшего более углубленное исследование экономических вопросов древнегреческими мыслителями.

Среди древнегреческих философов наиболее ярко многоаспектный характер взаимосвязи экономических и этических воззрений нашел отражение в творчестве Платона. Корень многих политических и социальных проблем полисной системы Платон видел в моральной деградации общества, личном и сословном эгоизме. Следствием этого явились имущественное неравенство, превалирование материальных интересов, алчность, паразитический образ жизни богатых сословий, которые жили за счет бедных. На этом фоне Платон создал образ идеального государства, которое включало сословия, различающиеся не только по функциональным и имущественным признакам, но и по своим добродетелям. Разделение труда между сословиями необходимо, так как человек не в состоянии удовлетворить сам все свои потребности, при этом Платон даже выстроил некоторую иерархию потребностей человека. Сословная структура государства Платона соответствовала его учению о человеческой душе, в которой он выделил три стихии: разумную (она соответствует мудрости), аффективную (означает

способность иметь страсти, возбуждение, что соответствует добродетели мужества) и чувственную (эта низшая стихия души символизирует вожделение, ей соответствует добродетель умеренности в удовлетворении чувственных желаний). В творчестве Платона, таким образом, мы находим пример того, как несоответствие общественного устройства этическому идеалу стимулирует философские размышления над человеческой природой и поведением человека (то есть взаимообусловленность всех трех аспектов взаимосвязи экономического и этического знания) [213].

Экономическая мысль Древнего Рима также характеризовалась единством прикладного, когнитивного и императивного аспектов взаимосвязи экономических и этических воззрений. Наиболее глубоким анализом общественной жизни с точки зрения этики отличаются труды Марка Туллия Цицерона, в основе которых лежали представления об этической природе человека, включающей четыре элемента: 1) разумение – естественное стремление к познанию; 2) справедливость – естественная тяга к другим людям (поэтому причинение вреда другому, эгоизм, обман считались противоестественными); 3) мужество, независимость духа, но в рамках справедливости, то есть без ущемления интересов других людей; 4) умеренность [283].

Этические взгляды Платона, Цицерона, древнеримских стоиков и других античных мыслителей имеют большое историческое значение, так как, демонстрируя моральное разложение общества как причину упадка государства, они подготовили почву для идей раннего христианства [49, с. 151-152].

Возникновение христианства оказало огромное влияние на дальнейшее социально-экономическое развитие человечества, ознаменовало переворот в сознании людей. Многие экономические воззрения поздней античности, Средних веков и даже в наше время, хотя и в разной степени, определялись и определяются христианскими ценностями. Христианство возникло из потребности в такой религии, которая позволяла бы найти выход из проблемы социального неравенства, увеличения пропасти между богатством и бедностью. Будучи первоначально религией самых угнетенных слоев общества, оно

провозгласило ценность человеческой личности, идеалы равенства, справедливости, умеренности, солидарности, терпимости для всех сословий. Равенство означало свободу от этнических и сословных различий, так как все люди одинаково грешны перед Богом. Отсюда следовала и равная обязанность всех людей трудиться, обеспечивать свою жизнь трудом и распределять материальные блага в соответствии с трудовым вкладом каждого. Первые христиане активно занимались благотворительностью, которая включала вполне современные меры социальной политики: поддержка материально незащищенных групп населения, обеспечение права на труд, совместная ликвидация последствий массовых бедствий. Труд рассматривался как путь к спасению души [40, с. 111; 49, с. 155-157, 161].

Христианство подвергло богатство, воровство и ростовщичество моральному осуждению, запретило получение процента. На первое место были поставлены не материальные, а духовные блага. В христианстве были сформированы идеи коллективизма и общественной собственности. Однако по мере распространения новая религия нуждалась во все большей идейной защите, что выразилось в подмене идеи равенства всех перед Богом идеей смирения, повиновения, оправдания рабства под предлогом будущей награды в загробной жизни. Богатство, которое ранее состоятельные люди раздавали нищим, чтобы ни с чем прийти в христианскую общину, теперь оправдывалось как необходимость давать милостыню и делать пожертвования в пользу церкви. Таковы некоторые социально-этические факторы, определившие специфику средневековой экономической мысли.

Так как средневековая хозяйственная жизнь была неразрывно связана с этическими и религиозными представлениями, которые оказывали значительное влияние на все стороны жизни человека и общества [4, с. 9; 76, с. 123-127; 218, с. 447], средневековую экономическую мысль, как и экономическую мысль Древнего мира, отличали попытки связать этические добродетели человека (трудолюбие, умеренность, бережливость) и его хозяйственное поведение, предложить модели идеального устройства общества (прежде всего, с позиций

социальной справедливости), разработать свод правил нравственного хозяйственного поведения, то есть многоаспектный характер взаимосвязи экономических и этических воззрений.

В средневековой экономической мысли Европы экономические проблемы рассматривались с точки зрения буквы священных текстов, морали, свободы воли и общего блага, а регулирование хозяйственных процессов – с позиций канонического права. Ключевыми вопросами этики в эсхатологическом ракурсе были проблемы воздаяния за земные грехи и спасения. Дальнейшее развитие хозяйственных процессов требовало четких дефиниций таких понятий, как добродетель, порок, поэтому канонисты предложили своего рода свод этических правил экономического поведения. Их учение во многом имело практическую направленность, так как было связано с интерпретацией моральных правил поведения для исповедников. К заслугам канонистов можно отнести сохранение и развитие этико-экономического наследия античных времен и попытку создания первой системы экономических категорий [194, с. 113, 118; 294, с. 128-129; 298, с. 463-466].

Углубление разделения труда, развитие торговли и городов, повышение уровня грамотности населения, распространение техники приводили к изменению представлений об экономике. Большое значение для духовного перерождения имели крестовые походы, Великие географические открытия, интенсификация внешней торговли, что дало «зеленый свет» для проявления честолюбия, чувства соревновательности, расширения кругозора людей, зарождения новой системы ценностей. Отрицание средневековых ценностей было связано с эпохой Возрождения и принципами гуманизма. Человек постепенно освобождался от гнета религиозных ценностей, получив санкцию на преобразование окружающего мира, хозяйственная жизнь приобретала все более светский характер. Церковные воззрения, отстаивающие средневековые ценности, уже не соответствовали уровню развития экономики [49, с. 354]. Требовалось этико-религиозное оправдание новых явлений экономической жизни, тем более что сама церковь активно участвовала в товарно-денежных отношениях. В этой обстановке и

произошла попытка пересмотра христианских ценностей равенства, справедливости, честного труда, но с учетом новых экономических реалий, в лице М. Лютера, Ж. Кальвина, У. Цвингли, Т. Мюнцера [127, т. 7, с. 361; 194, с. 37-38]. Деятели Реформации идеализировали предприимчивость, профессионализм, бережливость, расчетливость, накопительство, трудолюбие и аскетизм, благодаря которым человек вознаграждался за праведность уже в земной жизни [79, 118].

Реформация обеспечила этико-религиозное сопровождение интенсивного развития экономических отношений в Новое время. Получение этической санкции на зарабатывание прибыли и процента, занятие торговлей высвободило ту самую страсть к чрезмерному накопительству, которой так опасалось большинство мыслителей предшествующих эпох. Увеличение материального благосостояния превратилось в дело государственной важности. Оказалось, что основная цель хозяйственной деятельности заключается в том, чтобы окружить себя как можно большим количеством материальных благ, в этом и состоит «богатство народов».

С того времени, как экономика начала превращаться во все более важную составляющую жизни общества, потребовалась и специальная отрасль знания для исследования исключительно экономических проблем [289, с. 10]. Раз политическая экономия становится самостоятельной наукой, она должна ограничить предмет своего исследования, а значит формально (но не фактически) сбросить с себя балласт вопросов, непосредственно не относящихся к хозяйственной жизни. Практико-рекомендательные произведения меркантилистов можно считать первой специальной литературой об экономике. Меркантилизм фактически поставил точку в этическом обосновании правомерности торговой прибыли, даже если она связана с обманом и спекуляциями. В меркантилизме закрепились изменения в представлениях о достоинствах отдельных сфер деятельности и профессий. Даже нищета и богатство оказались полезны с социально-этической точки зрения, ведь тяга богачей к роскоши обеспечивает средства существования для бедняков [49, с. 387, 388, 392].

Великие географические открытия, совершенствование средств транспорта означали не только новые возможности для ввоза иностранных товаров в Европу, но и стимулировали развитие собственной европейской промышленности, мануфактурного производства [239, с. 436]. Постепенно в экономической литературе интерес стал смещаться от сферы обращения к сфере производства, что связано, прежде всего, с именами У. Петти в Англии и П. Буагильбера во Франции.

В своих произведениях У. Петти рассматривал взаимосвязь этических и экономических категорий, отмечал положительное влияние трудолюбия, образованности, честности, бережливости, справедливости на уровень социально-экономического развития. Причины социальных катаклизмов он видел в нравственном состоянии общества, в том, что богатство страны сосредоточено в руках немногих людей, купающихся в роскоши, в то время как основная масса населения вынуждена жить на подаяния, а также в безграмотности и безразличии чиновников к интересам общества [93, с. 12, 31, 32, 38, 43, 50, 76].

В своем главном труде «Обвинение Франции» П. Буагильбер с присущим ему чувством справедливости описал ужасающее положение простого народа во Франции, выступил с критикой социального неравенства и насилия и за улучшение жизни крестьян, их экономическую свободу. В качестве основного источника богатства он, как и У. Петти, провозгласил труд и высказал мысль о том, что человек должен зарабатывать на жизнь своим трудом. Алчность, страсть к обогащению испортили людей, привели к насилию. П. Буагильбер почувствовал формирование новой системы ценностей общества, в котором погоня за богатством превратилась в новую религию. Он с сожалением писал о том, что ради золота и серебра люди готовы принести в жертву другого человека [12, с. 90, 92; 49, с. 436].

Первой школой (в полном смысле этого слова) экономической теории стала физиократия. В наиболее развитом виде многоаспектный характер взаимосвязи экономических и этических воззрений среди первых «экономистов» отражен в трудах А. Тюрго. Большое научное значение имеют взгляды А. Тюрго на

экономическую историю, которую он представлял как зигзагообразный процесс, связанный с ростом свободы, непрерывной борьбой истины и заблуждений, особенностями менталитета, этическими факторами (нравами, нормами морали, прихотями, страстями человека, например, такими как ненависть, честолюбие, жадность, жестокость, стремление к роскоши, тщеславие, подражание другим, вялость, инертность, педантизм) [262, с. 53, 64, 125, 140]. Этическая природа человека обуславливает превалирование тех или иных видов хозяйственной деятельности и сама преобразуется под влиянием экономических условий. Благодаря интеллекту и свободе человек отличается от животного, вступает в «многочисленные и разнообразные отношения», то есть бытие человека неразрывно связано с пребыванием в обществе. Задачу науки А. Тюрго видел в подробном изучении причин успехов и неудач человеческого рода. Весьма актуально звучат его слова о том, что математически и физически безошибочные расчеты могут противоречить опыту [262, с. 77-78, 121].

Интенсивное развитие экономики европейских стран позволило некоторым мыслителям говорить о естественности и исключительных достоинствах возникающего экономического порядка. Как показал Б. Мандевиль, не высокая мораль, а пороки приносят обществу больше пользы, именно они стимулируют развитие искусства, науки, ремесел, в то время как добродетели основаны на умеренности и потому не могут инициировать хозяйственную активность [126].

Идею о частных пороках как источнике общественного благоденствия подверг критике Й. Шумпетер, он назвал ее «логической ошибкой», проникнувшей в умы многих людей [294, с. 763]. Свидетелями какого благоденствия они были, остается неизвестным, если учесть специфику трущобной жизни, описанную многими знаменитыми писателями, каторжные условия труда большинства населения, проблему бедности как наиболее актуальную для наиболее промышленно развитой страны XIX века (Великобритании) [136, с. 768; 214, с. 51; 261, с. 52]. По мнению некоторых представителей классической политической экономии, бедствия народа происходили по причине его собственного невежества, неспособности понять, что

болезни, истощение, однообразный труд и есть долгожданная гармония, естественный порядок вещей. Щедрость ученых-экономистов на похвалу *laissez faire* наблюдалась именно тогда, когда он проявил себя в самых жестоких формах [128, т. I, с. 67; 294, с. 357-358]. Так или иначе идеи Б. Мандевиля оказали значительное влияние на развитие классической политической экономии, на долгое время стали ее философией, несмотря на то, что некоторые представители классической политической экономии критиковали Б. Мандевиля за его цинизм. А. Смит осуждал «легкомысленную систему» Б. Мандевиля за оправдание пороков как ошибочную и опасную [240, с. 297, 298, 302].

Однако «классиком» идеи всеобщей гармонии через конкуренцию частных интересов стал именно А. Смит, который предупреждал об алчности предпринимателей, их склонности к мошенничеству, обогащению, ущемлению интересов других людей, настаивал на важности трудолюбия, честности, справедливости для социально-экономического развития. В своих трудах А. Смит анализировал взаимосвязь этических добродетелей человека и эффективности хозяйственной деятельности [239, с. 91, 142, 456, 630, 733; 240, с. 41, 45]. Тем удивительнее, что весьма часто авторитет А. Смита используется для подтверждения идей, сторонником которых он совсем не был, несмотря на то, что его работы переполнены этическими категориями (трудолюбия, бережливости, справедливости, честности). А. Смит указывал на невыгодность безнравственного поведения, «безобразия», «неприличия», «безрассудство», мотовство, легкомыслие, расточительность, неосмотрительность, хищничество, жадность и «слабоволие» эгоизма и неумеренности. Гораздо более эффективными, с экономической точки зрения, чертами характера человека А. Смит считал трудолюбие, благоразумие, честность, бережливость. По его мнению, безудержное стремление к обогащению вредит делу предпринимателя и платежеспособности любого человека. В то же время он не преувеличивал нравственные способности человека, хорошо понимая, что большинство людей далеки от этических идеалов [239, с. 142, 213, 241, 330, 343-350, 353, 393, 410, 538, 582, 608, 630, 701, 834, 856, 860, 872; 240, с. 46, 141, 190, 234, 289]. Эгоизм может

быть экономически выгоден обществу, но только умеренный, не перерастающий в погоню за наживой. Более того, степень эгоизма в каждом человеке может варьировать [240, с. 31].

Что касается метафоры «невидимой руки», то она служила для А. Смита выражением его веры в гармонию естественного порядка вещей, установленного свыше и потому имеющего моральное право на существование [122, с. 26]. «Невидимая рука» в действительности заключена в морали и культуре общества, именно тогда срабатывает механизм рыночного саморегулирования: государство процветает благодаря пониманию общественного, а не группового блага, взаимной симпатии и справедливости [5, с. 9, 27, 31; 236, с. 42-43; 239, с. 443, 457; 240, с. 168, 176, 177, 185].

Приписываемая А. Смитом мысль о том, что эгоизм отдельных членов общества, в частности предпринимателей, совершенная конкуренция и невмешательство государства ведут к всеобщей гармонии, выглядит особенно странно, если учесть его слова о притесняющих публику торговцах, заговорах предпринимателей о повышении цен, противоречии частных интересов предпринимателей и интересов общества, подробном описании функций государства, в том числе в сфере образования, необходимости и возможности поступиться частными интересами, если дело касается общественного блага и тем более национальной безопасности, а также назначения самой политической экономии как науки, полезной, прежде всего, для государя, общества [239, с. 120, 121, 282, 419, 440, 442, 451, 457, 460, 476, 515, 623, 651, 665, 675, 704, 727, 736]. А. Смит полагал, что обществом управляют «уважение к общим правилам нравственности» и чувство долга. Он осуждал систему общественного устройства, при которой люди вынуждены проявлять себя не самым лучшим образом. Пороки людей связаны не столько с характером отдельных личностей, сколько с существующей системой управления [239, с. 607; 240, с. 163]. Оправдание прихотей богатых в пользу бедных теряется в его высказываниях о трудолюбии, социальной справедливости, доверии, человечности, перекладывании предпринимателями бремени убытков на общество, пагубности

высокого ссудного процента, вытесняющего с рынка благоразумных предпринимателей и оставляющего одних авантюристов. Согласование частных и общественных интересов происходит не автоматически, свободная конкуренция требует поддержки государства [239, с. 91, 121, 130, 142, 152, 225, 343; 240, с. 41, 101, 104, 176, 288-289].

Вклад А. Смита в экономическую теорию заключается не только в теоретическом обобщении накопленных экономических знаний, но и в развитии методологии экономической теории: в «Теории нравственных чувств» А. Смит исходил из множественности факторов поведения человека [240, с. 164, 165, 187, 211], он выявил различные типы экономического поведения и глубинные мотивы человеческой деятельности. Не случайно Й. Шумпетер писал о том, что А. Смита необходимо воспринимать, анализируя все его произведения в целом, а не выхватывая из контекста лишь некоторые «нужные» фразы. Более того, философия богатства и хозяйственной деятельности содержится именно в «Теории нравственных чувств», а не в «Богатстве народов» [294, с. 232].

А. Смит считал, что общество не может процветать, если те, кто всех «кормит и одевает», не могут позволить себе даже самое необходимое, поэтому он критиковал тезис о том, что высокая заработная плата притупляет стимулы к труду, и самих предпринимателей, которые всегда опасаются роста чужих, а не своих доходов [239, с. 130, 132, 133, 147, 570]. Таким образом, богатство народа для А. Смита определялось не только количеством полезных и приятных вещей, но и их распределением между разными слоями общества. Говоря о нематериальном богатстве, А. Смит причислял к основному капиталу приобретенные с опытом профессиональные навыки и полезные способности граждан [239, с. 65, 294].

И в «Теории нравственных чувств», и в «Богатстве народов» шотландский философ показал, что в основе стремления к увеличению материального благосостояния лежит социально-этическая природа человека, его тщеславие, постоянное сравнение своего положения с положением других людей, желание получить их одобрение и гарантировать свой социальный статус. Дело в том, что

А. Смит исходил из наличия у человека двух групп потребностей. Естественные потребности физиологически ограничены, поэтому для их удовлетворения требуется меньше усилий и меньший доход. Однако человек как общественное существо испытывает и другие социально обусловленные, вторичные (в современной терминологии) потребности. При этом люди охотнее симпатизируют нашему богатству и радости, а не горю и бедности, поэтому мы склонны показывать людям то, что вызовет бóльшую симпатию с их стороны, а именно наше благополучие. В этом кроется причина скупости, честолюбия и погони за богатством. Доход, оставшийся от удовлетворения естественных (первичных) потребностей, может быть потрачен на реализацию вторичных потребностей, которые никогда не могут быть полностью удовлетворены и потому могут считаться не имеющими предела. «Тщеславная расточительность» состоятельных людей обуславливает демонстративное потребление, желание выставлять богатство на показ, обладать вещами, которых нет у других людей, психологические сложности утратить бывшее благополучие, быть обвиненным в неблагоразумии. Тщеславие ведет к расточительности и непредусмотрительности, которые в свою очередь могут привести к обнищанию, разорению. Тщеславие играет важную роль в экономическом поведении землевладельцев, купцов, политических деятелей, влияя на величину различных экономических показателей (в том числе земельной ренты и государственных расходов) и, следовательно, благосостояние общества в целом. При этом важно помнить, что увеличение индивидуального и общественного благосостояния по А. Смиту достигается за счет бережливости, благоразумия, умеренности, трудолюбия, а не расточительности, удовлетворения «сиюминутных наслаждений». «Частная бережливость», а не максимизация удовольствий, удовлетворение прихотей больше содействует общественному благу [239, с. 206, 213, 241, 346-356, 410-412, 434, 435, 681, 775, 777, 814, 834, 840; 240, с. 69-70, 126, 153, 174, 181, 265, 286, 287]. Не случайно процесс накопления капитала А. Смит связал с понятиями производительного и непроизводительного труда и потребления [239, кн. II, гл. III].

Противопоставление эгоизма и человеколюбия, представление об эгоизме, личном интересе как основном экономическом мотиве, якобы вытекающие из трудов А. Смита, сыграли немалую роль в отдалении экономической теории от этики как науки о человеке. В XIX веке в эпоху формирования дисциплинарного знания и маргиналистской революции произошло еще большее обособление экономической теории от этики как науки [218, с. 447-448]. Одну из первых попыток формального отделения экономической теории от этики предпринял Дж. С. Милль в своем эссе о предмете и методе политической экономии [136].

Руководствуясь принципом единства исторического и логического, можно проследить ряд причин выделения экономической теории (политической экономии) как самостоятельной науки из этики. Как известно, появление самостоятельной научной дисциплины предполагает наличие предмета исследования, который не входит в сферу исследования уже существующих наук. В позднем Средневековье экономика постепенно становилась главенствующей составляющей жизни общества, она подчинила себе преваляровавшие ранее отношения в сфере религии, морали, политики. Пока экономический базис не был определяющим в жизни общества, необходимость в отдельной изучающей его науке отсутствовала [289, с. 10].

В позднем Средневековье также происходит интенсивное развитие всех отраслей знания и появление новых отраслей. Накопление все большего объема знаний приводило к усилению тенденции специализации, результатом чего стала вторая общенаучная революция конца XVIII – первой половины XIX вв., ознаменованная формированием дисциплинарного теоретического знания [249, с. 621]. Причем политическая экономия стала одной из первых дисциплинарно-организованных наук о человеке и обществе [206, т. 2, с. 908]. Во времена классицизма науки считалось, что утверждения политической экономии в равной степени зависят как от законов разума, так и от законов природы, то есть имеют физическое и духовное содержание. Дж. Э. Кэрнс относил предмет политической экономии и к материальной, и к духовной сфере [114, с. 26, 27, 30]. Современная экономическая теория изучает не только экономические отношения, но и

материальные, технологические условия жизни общества, что нередко сближает ее с техническими науками. В свою очередь человек является объектом изучения наук о живой природе. По степени формализованности экономическая теория по праву занимает ведущее место среди социально-гуманитарных наук. Поэтому, с методологической точки зрения, экономическая теория рассматривалась (и рассматривается) как наиболее близкая к естествознанию социально-гуманитарная дисциплина [83, с. 18; 235, с. 472; 261, с. 8].

Еще одна причина выделения экономической теории из этики связана с тем, когда происходит это выделение: как раз тогда, когда сама этика разделяется на науку о сущем и науку о должном, когда сущее и должное действительно разделяются в реальности. Ярким примером расхождения сущего и должного можно считать изменение отношения к получению процента и прибыли. Великие географические открытия и колониальные войны требовали огромных финансовых ресурсов и, следовательно, этического оправдания торговли, процента и прибыли, а впоследствии и доказательства того, что преследование собственного материального интереса выгодно обществу [5, с. 18, 21, 25; 218, с. 264]. Эти представления вполне оправдывали себя в эпоху первоначального накопления капитала, когда речь шла о создании материального фундамента Первой промышленной революции. Поэтому преследование человеком материального интереса считалось очевидной предпосылкой (и даже аксиомой) экономического анализа эпохи классицизма¹¹.

Экономическая теория (в лице политической экономии) не случайно возникает (и выделяется из этики) на этапе классицизма науки, на фоне коренных изменений в социальной структуре европейского общества и формирования новой системы ценностей. Относительная устойчивость социально-экономической среды формирует и соответствующий тип научной рациональности, в котором становится возможным искать абсолютные, универсальные законы. Классический

---

¹¹ По замечанию О. Г. Дробницкого, это связано с тем, что моральные нормы отражают практические потребности общества в ту или иную эпоху. Одна и та же черта человека в одних условиях может считаться целесообразной, экономически выгодной и потому морально оправданной, а в других условиях, напротив, подвергаться моральному осуждению [67, с. 113, 150]. Схожие замечания ранее сделали Дж. С. Милль и Т. Веблен [46, с. 63; 137, т. II, с. 225].

тип научной рациональности также характеризуется наименьшим уровнем человекообразности и сложности исследуемых системных объектов. Соответственно, на этапе классицизма при прямом и косвенном вытеснении человека машинами, общество может рассматриваться как механизм, в котором нет места этическому, субъективному, личностному, относящемуся к человеку. Ценность человеческой жизни ограничивается трудовыми навыками и материальным интересом, который сам двигает экономику, поэтому этические представления о том, каковы люди в действительности, какова их этическая природа, оказываются недостаточно востребованными [10, с. 21; 104, с. 12-13; 334, с. 15-16]. В то же время экономическая теория и этика никогда не теряли связь друг с другом, напротив, их многоаспектное взаимодействие обеспечивало приращение экономического знания на всем пути движения от классицизма к постнеклассицизму науки.

2.2 Взаимосвязь экономической теории и этики в условиях развитой науки

На постнеклассическом этапе развития теоретического знания в историографии науки приходит понимание того, что наука уже не может изучаться отдельно от социально-исторического контекста, в котором она существует, в то же время сохраняя особенности внутренней логики развития как формы общественного сознания. Наука является продуктом предшествующей социально-экономической эволюции, и в то же время в каждой конкретной эпохе ее развитие имеет свои особенности. В связи с этим в данном параграфе диссертации исследуются теоретико-методологические взгляды ученых с позиций многоаспектного характера взаимосвязи экономической теории и этики и диалектической логики (единство исторического и логического, переход количественных изменений (постепенное накопление новых знаний) в качественные (переход в развитой науке от классицизма к неклассицизму и далее

к постнеклассицизму)). Исследование истории экономической теории и методологии с точки зрения взаимосвязи с этикой, предпринятое в диссертации, позволяет по-новому переосмыслить перспективы развития нашей науки.

Возникнув в лоне этики, экономическая теория никогда не теряла с ней связь, поэтому в рамках диссертационной работы невозможно подробно рассмотреть все или хотя бы большинство теоретико-методологических экономических взглядов в широком историческом контексте, несмотря на то, что непосредственный ход исследования, проведенного автором, сопровождался таким рассмотрением. В связи с этим в самой диссертационной работе уделено внимание в первую очередь изложению тех научных идей, которые представляют собой яркие примеры многоаспектного характера взаимосвязи экономической теории и методологии с этикой, символизируют крупные, качественные изменения в экономической теории, опираются на единство когнитивного, прикладного и императивного аспектов взаимосвязи экономической теории и этики и, прежде всего, фундаментальное значение этики как науки о человеке. С таких позиций исторический и методологический анализ взаимосвязи экономической теории и этики позволяет углубить понимание и раскрыть некоторые ключевые особенности развития теоретической экономической науки.

С точки зрения взаимосвязи экономической теории и этики большое значение имеют взгляды Ш. Фурье и К. А. Сен-Симона. Эти ученые обосновали идею о преходящем характере любого экономического порядка, рассматривая историю человечества как последовательную смену прогрессивных стадий. Этим мыслителей отличала удивительная прозорливость, с которой они высказывали новые для своего времени, но довольно привычные для нашего времени теоретические, методологические и реформаторские идеи. Достижения Ш. Фурье и К. А. Сен-Симона (на которого оказали влияние идеи Ж. А. Кондорсэ [105; 237, т. I, с. 152, 457]) крайне редко упоминаются в исследованиях по экономической методологии. Между тем их заслуги перед экономической методологией остаются недооцененными. Так, когнитивный аспект взаимосвязи экономической теории и этики отразился в учении Ш. Фурье, основанном на его теории страстей, которые

можно разделить на три группы, связанные с работой органов чувств, привязанностью к другим людям и новаторством (чувственные, аффективные и распределяющие страсти). Ш. Фурье придерживался позиции множественности типов человеческого поведения, разнообразие характеров людей он объяснял множественностью оттенков человеческих страстей [273, с. 102, 103, 108]. Это позволило Ш. Фурье развернуть периодизацию истории человечества (в частности им были предложены понятия восходящих и нисходящих колебаний и фаз развития цивилизации [273, с. 220]), а также выделить четыре типа движения (животное, органическое, материальное и социальное) как проявления человеческих страстей. В социальном движении как основном воспроизводятся все другие типы движения, поэтому наука должна быть основана на изучении социального, а не материального движения [273, с. 33, 61].

Ш. Фурье активно использовал исторические иллюстрации, анализировал культурные особенности жителей разных стран. Человеку от природы присущи все самые лучшие наклонности и страсти, их не нужно подавлять, напротив, чем они разнообразнее, тем лучше [273, с. 41, 87, 98, 228]. Однако в тех или иных условиях они могут превращаться в свою противоположность, например, трудолюбие – в лень, а честолюбие – в корыстолюбие. Следовательно, нельзя винить человека за проявление пороков, необходимо преобразовать общественный порядок таким образом, чтобы у человека были желание и возможность проявить свои лучшие черты. Порочен не отдельный человек, а цивилизация, не принимающая во внимание характер человека, вынуждающая его поступать аморально. Понимание сложности и изменчивости человеческой природы (когнитивный аспект), а также наблюдаемые Ш. Фурье беды цивилизации, ее плутовство, варварство, дикость и беспорядок навели его на мысль о противоестественном, преходящем характере существовавшего хозяйственного механизма (это всего лишь одно из десятков возможных обществ) [273, с. 36, 97, 245].

К. А. Сен-Симон считал, что политическая экономия должна стать практической наукой, так как ее цель – улучшение жизни большинства беднейшего населения – вытекает из основного морального принципа

человеколюбия и взаимопомощи. Этот этический императив послужил толчком для исследования К. А. Сен-Симоном действительной этической природы человека, ее преобразования в течение жизни человека, выделения различных типов экономических субъектов, разработки идей о перспективах совершенствования методологии наук о человеке. Можно сказать, что в этом как нельзя ярко проявилась многоаспектная взаимосвязь экономической теории и этики, прежде всего, взаимообусловленность императивного и когнитивного аспектов. В таком ключе, то есть с точки зрения многоаспектного характера взаимосвязи экономической теории и этики, труды К. А. Сен-Симона впервые анализируются в отечественной историографии и методологии экономической науки. По мнению автора, произведения К. А. Сен-Симона являются первым в условиях развитой науки (с момента отделения экономической теории как самостоятельной научной дисциплины от этики) опытом концептуализации многоаспектной взаимосвязи экономической теории и этики, подтверждающим значительный эвристический и методологический потенциал взаимодействия двух наук, благодаря чему, как будет показано далее, в работах К. А. Сен-Симона имеет место предвосхищение современных представлений о множественности типов экономического поведения, роли междисциплинарных взаимодействий в понимании природы человека и соответственно этико-психологических основ экономического поведения, системно-синергетических представлений о принципиальной сложности объектов исследования социально-гуманитарных наук, а также роли качественных методов исследования.

К. А. Сен-Симон полагал, что политическая экономия как наука о человеке также должна быть не умозрительной, абстрактной, а позитивной наукой, основанной на фактах и наблюдениях. Необходимо сделать науку о человеке (политическую экономию) «главным предметом преподавания», прежде всего на основе достижений физиологии, науки, которая сможет показать, как устроен человек, его разум, что и начала доказывать мировая наука в XX веке. Важнейшей для общества наукой, несмотря на успехи естествознания, достигнутые к тому времени, К. А. Сен-Симон считал мораль [237, т. I, с. 167, 201, 281; т. II, с. 20, 21,

62, 147, 181, 256, 257, 419, 431]. Удивительным образом предвосхищая достижения современной теории сложности и синергетики, К. А. Сен-Симон писал о структуре тел организованных (то есть живой, в том числе социальной, материи) и тел неорганизованных (неживой природы), о том, что результат воздействия разных тел зависит от степени совершенства их структуры, а последующие возможности совершенствования живых организмов определяются степенью совершенства их первоначальной структуры. Организованные тела можно разделить на группы по степени их организованности; человек является наиболее сложно организованным и наиболее разумным существом. Различая два научных метода, *a priori* и *a posteriori*, К. А. Сен-Симон показал, что они не применимы абсолютно ко всем явлениям. Одни явления могут быть исследованы только методом *a posteriori* (он означает анализ, расходящее действие жизни, применим в отношении физики неорганизованных тел), а другие – *a priori* (что означает синтез, сходящееся действие жизни, физику организованных тел). Как указал К. А. Сен-Симон, фактически наука с самого начала была поделена на две отрасли, и научные революции (чередующиеся как причина и следствие с переломными изменениями в общественной жизни) всегда проходили одновременно в обеих отраслях [237, т. I, с. 180, 201, 203, 217, 219, 262, 267; т. II, с. 247].

Уже в начале XIX века К. А. Сен-Симон высказал опасения по поводу применения математических методов в науках о человеке. Логический метод, по сравнению с алгебраическим, является единственно возможным для социальных наук. Математика может быть применима лишь в физике тел неорганизованных, важность исследования которых по сравнению с физикой тел организованных значительно меньше. Однако полный отказ от математики нецелесообразен, так как именно она способствует развитию навыков использования логического метода [237, т. I, с. 266].

Применение точных методов в физике организованных тел, то есть для изучения и прогнозирования социальных изменений, затруднительно по причине наших ограниченных интеллектуальных возможностей, поэтому в «истории

будущего» приходится довольствоваться только «суммарными положениями» [237, т. I, с. 274]. Прогнозирование будущего возможно на основе знания исторических обстоятельств предшествующего развития. Знание прошлого позволяет понять настоящие события и посмотреть в будущее, так как в настоящем всегда содержатся отголоски прошлого и элементы будущего. Поэтому анализ настоящего без учета прошлых событий может не позволить разделить уходящее и приходящее, старое и новое и, как следствие, привести к поверхностным и даже ложным выводам. Анализ предшествующего развития превращает экономическую историю из груды фактов в настоящую науку, способную выявлять закономерности исторических событий на основе изучения прошлого [237, т. I, с. 19, 25, 146, 199, 235, 241; т. II, с. 31].

В этом смысле очень созвучны слова К. А. Сен-Симона, К. Маркса, Т. Веблена, Й. Шумпетера о том, что «первые уравнения» настоящего являются последними уравнениями прошлого, последующее состояние можно вывести из предыдущего, настоящее есть результат «предшествующего процесса» [127, т. 46, ч. I, с. 42, 449; 237, т. I, с. 146, 199; 295, с. 123, 421; 303, с. 26]. Г. Шмоллер также писал, что в общественной жизни причина и следствие часто неразличимы между собой, а новое духовно-нравственное состояние общества есть результат прошлого, «более ранних комбинаций». Знание предшествующих этапов экономического развития служит основой для понимания текущего состояния [289, с. 74; 291, с. 25]. Для Т. Веблена экономическая история представляла как кумулятивно разворачивающийся процесс [46, 303, 334]. Й. Шумпетер указывал на примере феодальной и капиталистической эпохи на то, что в предшествующем историческом развитии содержатся и постепенно формируются ростки нового общества [294, с. 101]. В настоящее время описанные выше идеи К. А. Сен-Симона и других ученых получили продолжение в виде эффекта зависимости от предшествующего развития, а также в экономической компаративистике, экономической синергетике и теории сложности.

Идеи К. А. Сен-Симона о физике организованных и неорганизованных тел, а также применимости к ним количественных методов исследования вновь

возникли в XX веке. Так, Ф. Хайек, ссылаясь на работы У. Уивера, пытался привлечь внимание к различению явлений «неорганизованной сложности» и «организованной сложности». Последние изучаются общественными науками. Организованная сложность предполагает, что характер некой структуры зависит не только от свойств входящих в нее элементов, но и от способа их связи. Как следствие, в общественных науках мы сталкиваемся с невозможностью получить полную статистическую информацию о вероятных исходах событий и сделать точные, конкретные предсказания. В науках о человеке и обществе (в отличие от наук, изучающих более простые структуры) делаются «стереотипные», «типовые» предсказания об «общих признаках самоорганизующихся структур» [138, с. 217, 223]. Можно только поражаться тому, насколько эти идеи близки идеям К. А. Сен-Симона, описанным выше.

К. А. Сен-Симон был сторонником качественных методов исследования, отличающихся повышенной значимостью исторических фактов, опыта, наблюдений, личных бесед. Это позволило К. А. Сен-Симону проследить взаимосвязь характера, рода деятельности человека и сложившихся социально-экономических условий, а также провести анализ роли привычек, страстей человека, особенностей национального характера в экономическом развитии. В частности, эгоизм он считал болезнью, приносящей нравственные страдания, в отличие от стремления к общей пользе, которое дает истинное наслаждение [237, т. II, с. 7, 31, 32, 65, 72, 75, 88, 90, 178, 197, 416, 429]. К. А. Сен-Симон принимал во внимание ограниченные нравственные возможности людей, он понимал, что эгоизм неизбежен, каждый преследует свой интерес, пытаться согласовать интересы всех людей бесполезно. Помимо эгоизма К. А. Сен-Симон проанализировал роль и других составляющих этической природы человека в социально-экономическом развитии (прикладной аспект), проследил процесс их формирования в разных странах, что отражается на развитии науки (К. А. Сен-Симон различал немецкую и англо-французскую традиции в философии, разделение которых берет начало со времен Платона и Аристотеля). К. А. Сен-Симон указал на то, что люди являются «продуктом обстоятельств» [237, т. I, с.

133, 187, 226, 278]. Поведение человека обусловлено его темпераментом, природным характером, заложенными в детстве привычками, а также воспитанием и окружающей обстановкой (когнитивный аспект), которые, однако, не могут полностью изменить то, что было дано природой [237, т. I, с. 350, 391]. В связи с этим К. А. Сен-Симон предложил две классификации человеческих типов: во-первых, в зависимости от способности трудиться на благо общества и обладания интеллектом, чувством патриотизма, приверженностью семейным ценностям, исполнительностью и чувством долга; во-вторых, по наличию желания либо изменить мир к лучшему, либо извлечь выгоду из происходящего. К. А. Сен-Симон также придерживался мнения о том, что разные виды деятельности способствуют развитию в человеке разных черт характера. На первое место в своей иерархии видов деятельности он поставил промышленность [237, т. I, с. 281, 346, 374; т. II, с. 91, 122].

К. А. Сен-Симон разделил общество на две группы по двум критериям: по отношению собственности и по роду деятельности, взглядам и способностям, прежде всего, таким как способность генерировать новое знание и отношение к нему. К «паразитам» он отнес чиновников, военных и аристократов, включая коронованных особ, то есть всех собственников, которые по природе являются консерваторами, держатся за старые порядки, чтобы сохранить свою власть. С промышленниками, трудящимися, полезными людьми (предпринимателями, учеными, художниками и рабочими) К. А. Сен-Симон связывал прогресс человеческого духа. Общество двигают вперед не те, кто получил свои привилегии благодаря лести, интригам или случайности рождения, а люди, не признанные в свое время [237, т. I, с. 431-433; т. II, с. 329]. Искренне обеспокоенный судьбой человечества К. А. Сен-Симон выдвинул концепцию развития общества, в основу которой положил идею прогресса человеческого разума и возрождения христианской морали; моральные и религиозные факторы он считал важнейшими причинами исторических изменений [237, т. I, с. 118, 192; т. II, с. 71, 277, 322, 366, 372, 380, 411, 423]. Именно они позволили человеку достичь сегодняшнего уровня власти над природой.

Еще одним примером многоаспектного характера взаимосвязи экономической теории и этики являются работы К. Маркса и Ф. Энгельса, основанные на историческом методе. К. Маркс и Ф. Энгельс прямо называли все социально-гуманитарные науки историческими [127, т. 3, с. 16; т. 13, с. 491; т. 20, с. 151, 366]. Еще в своих ранних работах К. Маркс показал ошибочность этических принципов, на которых основывалась классическая политическая экономия. Политическая экономия, действительно, является моральной наукой, однако мораль эта в качестве высших добродетелей провозглашает наживу, бережливость, расчетливость, следствием чего является обесценение человеческой жизни, отчуждение человека от самого себя и результатов своего труда [127, т. 42, с. 87-88, 133]. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс показали историческую изменчивость моральных норм в результате человеческой деятельности, трансформации хозяйственного механизма [127, т. 3, с. 409-414].

Поставив во главе мировой истории действительного человека как ее «предпосылку» и «результат» [127, т. 26, ч. III, с. 516], К. Маркс и Ф. Энгельс полагали, что история может быть описана как непрерывное изменение человека [127, т. 4, с. 162]. Материальный мир, созданный человеком, необходимо рассматривать как воплощение «человеческой психологии», «сущности человека», которая заключается в его изначально общественной природе: человек проявляет себя в обществе, в отношениях с другими людьми [127, т. 42, с. 123; т. 46, ч. II, с. 222]. По существу, опираясь на когнитивный аспект взаимосвязи экономической теории и этики, К. Маркс раскрыл природу человеческих отношений там, где предшествующие (и последующие) экономисты нередко видели отношения вещей [127, т. 13, с. 498]. Знаменитыми стали слова К. Маркса о человеке как совокупности общественных отношений. Однако природа человека не является изначально заданной и раз и навсегда определенной, она зависит как от задатков самого человека, так и от природных условий, социального положения и в целом социальной среды, сложившейся до него, при жизни предыдущих поколений. Изучение истории человечества есть в то же время исследование того, как

человеческая природа преобразуется в каждую историческую эпоху [127, т. 1, с. 242; т. 3, с. 18-19; т. 27, с. 402; т. 46, ч. I, с. 462-463].

Особое место в истории экономической мысли с точки зрения многоаспектного характера взаимосвязи экономической теории и этики занимают работы представителей немецкой исторической школы. Они сознательно отказались от умозрительных конструкций классиков политической экономии и обратились к многообразию неэкономических, культурно-исторических факторов. Большая роль в трудах экономистов-историков была отведена культуре, традициям, нравам, ценностям, обычаям, правовым нормам, религии и этике. Они показали, что народное хозяйство как одна из сторон общественной жизни требует в своем изучении учета и других сторон жизни общества; большую роль при этом играют традиции, этические нормы и особенности менталитета, национальные интересы страны и ее геополитическое положение [235, с. 27-30].

В социально-экономическом развитии большое значение имеют чувство принадлежности к нации, предприимчивость, честность, доверие, которые не сможет заменить никакая техника, а также такой вид капитала, как невещественный, нравственный капитал, представляющийся более важным, чем капитал вещественный, материальный. Этот вид капитала состоит в народной мудрости и передается из поколения в поколение с помощью языка и нравственных норм [54, с. 25, 29, 59, 60].

Представители немецкой исторической школы еще в большей степени активизировали применение исторического метода, анализировали практические социальные проблемы на основе статистических и исторических данных, проводили глубокие исторические исследования хозяйственной жизни, создав огромную и неопределимую информационную базу для последующих экономических исследований. Работы представителей немецкой исторической школы способствовали расширению предмета исследования экономической теории, что означало изучение глубинной взаимосвязи различных экономических и неэкономических сторон жизни общества. Их работы послужили фундаментом для развития ряда смежных научных дисциплин на пересечении географии,

истории, антропологии, социологии и других наук. Излишне абстрактная теоретическая экономическая наука, основанная на догадках, полученных путем интроспекции, должна быть заменена наукой, основанной на наблюдениях и фактах. В конце XIX века традиции «старой» немецкой исторической школы были продолжены «новой» исторической школой, сформировавшейся вокруг Г. Шмоллера. В историко-этическую школу (как называл ее Г. Шмоллер) также вошли Л. Brentano и К. Бюхер. Их критика классической политической экономии заключалась в том, что последняя претендовала на универсализм, имела ограниченные антропологические (эгоизм) и методологические (дедукция) основы. Классики формулировали вечные, неизменные для всех стран и эпох экономические законы и рецепты экономической политики. Экономисты-историки, напротив, считали невозможным применение однообразных мер экономической политики во всех странах. Собственно искусство государственного управления и заключается в том, чтобы адаптировать практику управления к меняющимся условиям [235].

Г. Шмоллер указывал на то, что человеческая жизнь имеет этико-психологическую природу, поэтому она не может быть полем для аналогий из естественных и точных наук, в то же время это не означает отрицания существования психологических законов общественной жизни. Г. Шмоллер считал, что можно вести речь не об исторических, а лишь об экономических и статистических законах. Для выявления этих законов необходимо вести систематическое накопление фактов, что позволит находить справедливые объяснения, а не делать спорные обобщения [289, с. 102-112].

Внимательное прочтение работ «новых» экономистов-историков позволяет опровергнуть миф о том, что у них отсутствовала какая-либо теория, а все их работы носили сугубо дескриптивный характер [235, с. 31; 303, с. 12, 24; 323, с. 4]. В частности Г. Веблен выделял, по меньшей мере, две ветви в развитии немецкой исторической школы. По его мнению, указанный выше недостаток мог быть отнесен лишь на счет «старой» школы, в то время как ветвь немецкой исторической школы, идущая от Г. Шмоллера, была лишена этого недостатка и

могла быть охарактеризована наличием теоретических исследований. Основатель классического институционализма считал Г. Шмоллера первопроходцем в исследовании происхождения и роста различных институтов [334, с. 254-255, 265]. Именно Г. Шмоллеру принадлежит знаменитое определение институтов как формальных и неформальных правил и механизмов принуждения к их соблюдению. Более того, немецкие экономисты-историки внесли неоценимый вклад в разработку и совершенствование экономической методологии. Анализ накопленного к тому времени статистического материала позволял экономистам-историкам выявлять зависимости между различными неэкономическими и экономическими показателями. Так, Л. Brentano сравнил психологические особенности поведения рабочих в разные исторические периоды, Ф. Найман проанализировал роль «распределяющей и вознаграждающей справедливости» в процессе ценообразования, а также проявления своекорыстия в крупной торговле, Г. Шмоллер сделал попытку оценить воздействие демографических факторов на уровень национального дохода и человеческого капитала страны (как принято говорить сегодня), а также проследить влияние чувства справедливости на народнохозяйственные институты [9, с. 97; 10, с. 42; 289, с. 157, 203; 290, с. 73; 291, с. 8].

Следует также упомянуть о том, что при рассмотрении методологии социально-гуманитарных наук Г. Шмоллер использовал понятия «ядра» и «периферии» [290, с. 12], ставшие позднее столь популярными в философии науки. По Г. Шмоллеру, ядро составляет предмет исследования данной науки, а периферия определяет общие, но непостоянные и крайне нечеткие границы, точки соприкосновения разных наук о человеке. В связи с этим лидер «новой» немецкой исторической школы выступал за активное взаимодействие представителей разных социально-гуманитарных наук без опасений нарушить сложившиеся границы дисциплинарной специализации [288, с. 35]. В частности, он полагал, как и многие другие представители немецкой исторической школы, что экономическая наука может опираться на историю и статистику как вспомогательные науки [290, с. 45].

Позднее к проблеме соотношения экономической теории, истории и статистики обратился Й. Шумпетер, по собственному признанию, «следуя практике немецких экономистов». Как и Г. Шмоллер, Й. Шумпетер выделил ряд областей, которые имеют «пограничные зоны» с экономической наукой и вместе составляют то, что он назвал экономическим анализом. Важнейшей из смежных с экономикой областей является история, так как предмет экономической науки есть «уникальный исторический процесс». Другая важная область, выросшая из политической арифметики, – это статистика. В качестве отдельной и весьма важной области Й. Шумпетер выделил экономическую социологию, которая изучает общественные институты [294, с. 14-16, 24].

Схожее соотношение между экономической и смежными науками описал Ф. Найт, он также выделил 1) собственно экономическую теорию как абстрактно-дедуктивное исследование общих причин и следствий экономического поведения; 2) прикладное статистическое исследование по добыванию экономических фактов для теоретического исследования, близкое к искусству, и 3) историческую или институциональную экономику, изучающую долгосрочные тенденции развития общества [147, с. 261-262]. Ранее К. Менгер также обратил внимание на необходимость четкого разграничения исторического, теоретического и практического направлений экономической науки [131, с. 358, 466].

Г. Шмоллер большое внимание уделял этическим и правовым аспектам экономического развития, выявлению связи между ними и состоянием экономики страны. Он полагал, что экономические феномены нельзя рассматривать в отрыве от этических и правовых норм, поскольку многие явления нашей жизни фактически являются результатом подчинения этим нормам. Г. Шмоллер рассматривал этику как онтологическое основание экономической теории. Немецкий ученый также развивал ставшие особенно популярными в американском классическом институционализме XX века идеи об особенностях развития «денежного хозяйства» и двойственной (позитивной и негативной), с точки зрения долгосрочных перспектив развития человечества, сущности научно-технического прогресса. Г. Шмоллер указывал на то, что благодаря достижениям

науки и техники высшие слои общества буквально «изнуряют себя» усилиями по увеличению окружающей их роскоши, что провоцирует равнодушие к религиозным, нравственным и любым другим проблемам, не связанным с материальным потреблением, и в конечном итоге приводит к росту числа нервных расстройств [291, с. 21; 292, с. 14, 15].

Лидер «новой» немецкой исторической школы также обратил внимание на проблему разграничения этических норм в больших и малых группах, которую обозначил еще А. Смит. Шотландский мыслитель в «Теории нравственных чувств» указал на то, что симпатия по отношению к близким нам людям отличается большей определенностью, так как нам легче поставить себя на их место и понять их чувства, а соответственно, и отношение к этим людям совсем иное [240, с. 217]. В свою очередь, анализируя историю благотворительности, Г. Шмоллер отмечал, что по мере роста численности населения, государств, увеличения масштабов взаимодействия человека с другими людьми, меняются и моральные нормы. В большой группе по объективным и субъективным причинам гораздо сложнее поддерживать то «чувство солидарности», которое объединяет членов малой группы [292, с. 4-5]. Впоследствии эта идея получила развитие в работах Ф. Хайека, Дж. Бьюкенена, Д. Норта, А. Сена и ряда других ученых. Так, Дж. Бьюкенен на множестве примеров показал, как размер группы влияет на решения индивида и как меняются этические нормы при увеличении размера группы. Чем больше размер группы, тем легче нарушить этические нормы, и тем меньше вероятность подвергнуться санкциям [78, с. 90, 91, 104]

По мнению Ф. Хайека и Д. Норта, склонность к сотрудничеству можно считать врожденной для членов малой группы [191, с. 74]. Ф. Хайек различал «врожденную» и эволюционно возникшую мораль. «Естественная мораль» основана на инстинктах и распространена в малых группах, она предполагает такие этические ценности, как солидарность, групповое принятие решений и альтруизм, которые обеспечивают сплоченность и сотрудничество в группе и препятствуют ее расширению. Эволюционно возникшая мораль находится «между инстинктом и разумом», носит всеобщий характер, формирует

«расширенный порядок» в большой группе в условиях все возрастающей численности населения, а также институты собственности, свободы и справедливости. Этические ценности расширенного порядка являются благоприобретенными и включают бережливость, честность, уважение к собственности [275, с. 25, 26, 93, 123].

Размер группы имеет принципиальное значение и при решении проблемы соотношения эгоизма и альтруизма как двух пограничных мотивов экономического поведения. Их противопоставление оказывается нецелесообразным, как только мы начинаем говорить о разнообразных группах людей, которые занимают промежуточное положение между индивидом и человечеством. В этих группах начинают работать мотивы, связанные с выполнением обязательств [236, с. 38-39].

Современные ученые в исследованиях проблемы разграничения морали в больших и малых группах используют понятия ограниченной и обобщенной морали. Последняя означает распространение альтруистического и кооперативного поведения на всех членов общества, а не только членов близкого круга лиц и семьи. Высокий уровень обобщенной морали имеет большое значение, так как способствует повышению общего уровня доверия и благосостояния общества [29, с. 82].

Возвращаясь к разговору о вкладе немецкой исторической школы в развитие экономической теории и методологии с точки зрения проблемы взаимосвязи экономической теории и этики, невозможно не обратить внимание на путь, который Г. Шмоллер обозначил для развития методологии экономической теории. В первое время после выделения из этики наука о народном хозяйстве могла считаться настоящей наукой, имеющей свою дисциплинарную картину мира, практическую значимость и идеалы (то есть в ней нераздельно присутствовали все три аспекта взаимосвязи экономической теории и этики). Однако впоследствии экономическая наука оказалась в плену односторонности и абстракций, распространяя представления о частностях на целое, на любые исторические периоды. В будущем благодаря взаимодействию с историей, философией, статистикой и психологией экономическая наука получит

возможность совершенствования методологии, опоры на факты и знание природы и причин человеческого поведения. Это потребует проведения «психолого-экономических исследований», чтобы впоследствии «на основании психологии и этики» перестроить наши представления о мотивах хозяйственной деятельности, создав иной «психологический фундамент» экономической науки [290, с. 73, 106]. Развитие экономической науки в XX веке и в настоящее время во многом подтвердило предсказания Г. Шмоллера, в том числе в работах основателей институционализма и таких выдающихся ученых-экономистов, как Дж. М. Кейнс, Й. Шумпетер, Ф. Найт, а в самое последнее время – в рамках экономической психологии, поведенческой и экспериментальной экономики.

Традиционный институционализм характеризуется выраженным акцентом на роли этических и других неэкономических факторов экономических явлений, прежде всего, в когнитивном смысле взаимосвязи экономической теории и этики (психологии общества, ценностей, чувств, привычек, инстинктов, правовых норм) [2, с. 112-114, 168; 206, т. 1, с. 129, 133]. Особенно ярко это видно, если учитывать этимологические значения слова «этика» как «привычки», «обычая», «нрава», «характера», «образа мыслей» и то, как классики институционализма, в частности Т. Веблен, определяли термин «институт» (institution), используя для этого словосочетания «образ мысли», «точка зрения», «духовная позиция», «духовный склад», «склад характера», «представление об образе жизни», «тип характера», «тип личности», «устойчивые черты характера», «человеческая природа», «привычки» [46, с. 200-202, 224, 264].

Методологические взгляды основателя классического институционализма, Т. Веблена, характеризовались развитием междисциплинарного подхода к исследованию экономических явлений на основе взаимодействия экономической теории, философии, социологии, антропологии и психологии. Его докторская диссертация была непосредственно связана с вопросами этики. Т. Веблен выступил с критикой здравого смысла как критерия истины, обратил внимание на нелепость сверхъестественных объяснений (провидение, судьба, дух) существующего «естественного» порядка и их использование, чтобы избежать

анализа сущностей и поиска действительных причин, когда для необъяснимых явлений в абстрактной экономике используется очень удобная ссылка на случайность. Т. Веблен предложил пересмотреть онтологические основы экономической теории и отказаться от статичной экономической науки, в основе которой лежит внеисторичная модель гедониста и эгоиста, жертвы обстоятельств, не способного на изменения, что обуславливает отставание экономической теории от других наук. Абстрактная теоретическая экономическая наука не может служить делу познания истины, исследования процессов роста и развития, так как ее исходные положения уже представляют собой вымысел. Она подменяет историю людей историей материальной цивилизации, отказывается от изучения отношений людей [235, с. 59; 334].

Обращение к многомерной этической природе человека позволило Т. Веблену рассмотреть процесс эволюции инстинктов, образов мышления, социальных привычек, мотивов, закрепившихся в форме институтов, и выдвинуть идею кумулятивной причинности, проявляющейся в последовательности изменения типов экономического поведения («духовного настроя», «свойств человеческой природы», типа темперамента, «человеческого характера») и способов материальной жизни человека. Институты следует рассматривать как результаты прошлого исторического процесса, которые в силу социальной и психологической инерции не могут полностью соответствовать требованиям настоящего. Институты также являются результатом взаимодействия людей, они порождены каждым индивидом в отдельности и в то же время всем предшествующим развитием. Человеческое поведение необходимо исследовать как общественное с позиций склонностей, привычек, опыта, наследственности, материальных условий жизни. Это означает, что экономическое развитие представляет собой сложный, нелинейный процесс формирования, отбора и приспособления различных черт характера человека, накопленного взаимодействия множества факторов, среди которых важное место занимают обычаи, традиции, каноны поведения, «унаследованные склонности» и привычки

людей, а также достижения научно-технического прогресса [46, с. 67, 71, 72, 139, 202, 204, 219; 264, с. 158-173; 303, с. 12, 15, 23-29].

В «Теории праздного класса» Т. Веблен показал, как в условиях денежной экономики трансформируется «человеческая природа», формируются денежные стереотипы мышления, расточительство богатых приобретает огромные масштабы, происходит девальвация трудовых ценностей, а материальное благополучие становится смыслом жизни состоятельных слоев общества. В денежную воронку попадают даже те сферы человеческих отношений, которые изначально не относятся к экономике. В обществе процветает дискриминация по денежным критериям. В поисках приложения незанятых физических сил богатые сословия отдают предпочтение спорту, развлечениям, моде. В показное потребление вовлекаются не только высшие, но и низшие слои населения, желающие походить на элиту общества. Чем больше времени человек ничего не делает, тем выше общество расценивает его социальный статус. Даже вор может быть оправдан, если он «праздно», то есть подобающим для высшего сословия образом, тратит украденное [46].

Критику денежной экономики и денежного образа жизни продолжил У. Митчелл. С целью реализовать свое тщеславие, обойти других по уровню потребления люди тратят огромные средства на ненужные вещи. В денежной экономике функция денег как инструмента обмена является далеко не самой важной, а потому к ней не применим предельный анализ. Деньги во многом выступают симулякром социального статуса, подчиняют себе действия людей [142, с. 103, 105]. Современный человек явно не укладывается в жесткие рамки рационального модельного поведения, поэтому У. Митчелл выразил удивление по поводу того, как предпосылка рациональности могла получить признание среди людей, которые сами не являются абсолютно рациональными.

Отдавая должное представителям немецкой исторической школы и в целях приближения экономической теории к реальности, У. Митчелл предлагал опираться на достижения психологии и связывал успехи экономической теории с полнотой знаний психологии человека. При этом он обратил внимание на то, что

неоклассическая экономическая теория также использует психологические предпосылки, но только специфическим образом: она объявляет удобные для экономико-математического моделирования свойства заложенными в психике человека. Как следствие, из ошибочной психологии делаются ошибочные выводы. Между тем реальный человек является потомком предшествующих поколений, носителем национальных особенностей и привычек. Инстинкты и привычки обуславливают то, что деятельность человека не может считаться изначально рациональной. В развитии экономической теории У. Митчелл выделил эволюционный и механический подходы. Первый подход направлен на изучение возникновения и развития институтов, второй – на достижение логической непротиворечивости, а не на понимание сущности явлений. Новизну предельного анализа У. Митчелл связывал с изменением терминологии и переложением утилитаризма И. Бентама на математический язык, тем самым отвергая революционное значение маржинализма. Перспективы развития экономической теории У. Митчелл видел в эволюционном подходе [141, с. 80, 81, 83, 85, 87; 142, с. 104, 108].

Дж. Коммонс также выступил с критикой экономического поведения, отношений собственности и распределения национального дохода в маржиналистской (индивидуалистской и космополитичной) интерпретации, которая объявляет внешними вопросы этики, страновых особенностей и общественного благосостояния. Если бы люди действительно следовали постулатам теории предельной полезности, действуя, как эгоисты, и пытаясь все максимизировать, то в лучшем случае их могла бы ждать тюрьма [103, с. 59, 64]. Более того, практическая деятельность людей является сферой не математики, а сферой, основанной на привычках, чувствах, унаследованных чертах, опыте и ценностях, которые составляют «ядро индивидуальности» [104, с. 350, 392], соответственно экономика – это сфера, в которой раскрывается личность человека, его «нравственный характер», в которой он реализует себя как обладатель ценностей; в свою очередь экономическая теория – это теория персонификации, оценки добродетелей и пороков людей с точки зрения

достижения цели благосостояния общества. Следовательно, определение экономических пропорций распределения «возможностей и власти» происходит в соответствии с разделяемыми индивидами ценностями, их «этическими идеалами» [104, с. 48, 49, 103, 387].

Дж. Коммонс полагал, что экономическая теория долгое время пыталась уйти от этических категорий, используя абстрактные понятия, что свойственно физическим наукам, служившим для нее эталоном. Однако в науках о человеке и человеческих отношениях «моральные составляющие» неустранимы, а этика и экономика неразделимы, поскольку имеют дело с «человеческими факторами». Поэтому Дж. Коммонс настаивал на необходимости отказа от механических аналогий, сводящих предмет экономической теории к отношениям человека к природе, поскольку это лишь вторичный элемент по сравнению с первичным элементом, которым являются «отношения между людьми» [104, с. 387, 413-414].

Как следствие, по мнению Дж. Коммонса, основным объектом исследования экономической науки являются сделки, большинство из которых он определял как этические, то есть связанные с реализацией личности человека и его ценностей. В каждой сделке участвует не абстрактный, изолированный индивид сам по себе, а несколько сторон: реальные и возможные покупатели и продавцы, а также лицо, обеспечивающее совершение сделки в мирном ключе, своеобразный третейский судья (вождь, судья, директор, правитель), поэтому сделка выступает как социальное отношение. При таком ракурсе рассмотрения отношений людей возможен более гибкий подход к разрешению дихотомии индивидуализма и коллективизма, которую Дж. Коммонс явно критиковал как две не имеющие отношения к реальности крайности, так как в случае индивидуализма мир подчиняется воле и капризу индивида, а в случае коллективизма мир рассматривается как нечто отдельное от индивидов, не зависящее от них. И в том, и в другом случае наши познавательные возможности снижаются [104, с. 78-82, 144, 377].

Дж. Коммонс показал, что игнорирование «моральных составляющих» экономического поведения, изменчивости отношений собственности и прав

человека приводит к тому, что бóльшая доля национального богатства достается не тем, кто непосредственно участвовал в его производстве. При этом основным богатством современной цивилизации Дж. Коммонс считал навыки, усердие и репутацию человека. Богатство является совместным результатом действия различных факторов, прежде всего, этики, в том числе доверия и добросовестности, без которых производство богатства было бы невозможно [104, с. 192, 193, 227]. Поэтому Дж. Коммонс считал необходимым существование профсоюзов, способных бороться с негативными социальными последствиями монополизации экономики. Дж. Коммонс был сторонником компромисса между владельцами крупных корпораций и объединениями работников. В своих научных работах он призывал стороны к взаимным уступкам и налаживанию человеческих отношений. Его богатый практический опыт поиска взаимопонимания между людьми привел к возникновению идеи коллективной психологии, коллективных действий людей, оформленных в виде институтов как движущих сил истории [104]. При этом рассмотрение поведения фирмы как индивида и отношений вещей вместо отношений людей он считал ошибочным. Вслед за Аристотелем и К. Марксом Дж. Коммонс определил человека как изменяющуюся систему отношений и показал, что факторами экономической эволюции являются культура (традиции, гражданственность), технология и этика [103, с. 60, 63, 66]. Все это позволяет объяснить столь частое употребление Дж. Коммонсом понятий «этические отношения», «этический принцип», «этическое понятие капитала» [104, с. 228, 232, 233].

С точки зрения многоаспектного характера взаимосвязи экономической теории и этики и роста экономического знания большое значение имеют взгляды Дж. М. Кейнса, который считается сторонником тесной связи экономической теории и этики, он называл экономическую теорию частью этики. Творчество Дж. М. Кейнса можно считать ярким примером взаимообусловленности императивного, когнитивного и прикладного аспектов взаимосвязи экономической теории и этики, когда императивный аспект (необходимость совершенствования социально-экономического механизма, решения острых

социальных проблем и даже надежды на эволюционное преобразование системы ценностей общества) стимулирует расширение представлений о природе человека (когнитивный аспект) путем вовлечения в экономический анализ различных так называемых неэкономических факторов экономического поведения, тем самым возникает возможность обосновать те или иные инструменты экономической политики (прикладной аспект). Дж. М. Кейнс писал, что достижение социальной эффективности инвестиционной политики гораздо важнее, чем получение наибольшей прибыли. Погоня за прибылью превращает экономику в «игорный дом». Для Дж. М. Кейнса была важна практическая направленность экономической теории, а не создание «чистой» теории самой по себе [76, с. 136; 120, с. 15, 18, 20, 22]. Настоящим прорывом в теории Дж. М. Кейнса стало активное применение этических и психологических предпосылок (соответствующих когнитивной функции этики в развитии экономической теории), а не простая констатация необходимости обращения к психологической науке и этике. В основе экономического поведения, по мнению Дж. М. Кейнса, лежат самые разнообразные факторы: экономическая структура общества, уровень жизни, характер распределения национального богатства, привычки и обычаи, опыт и надежды на будущее, религиозные, страновые отличия, уровень образования, представления о морали, технический уровень производства и даже настроение, психическое и физиологическое состояние человека, а также общественные и индивидуальные вкусы, ожидания, реакции, склонности, потребности, побуждения. Следствием влияния всех этих факторов является неопределенность экономической среды и принципиальная невозможность точного предсказания будущего [93, с. 552, 568, 605, 607, 609, 610].

Дж. М. Кейнс придерживался классификации потребностей человека, исходящей из его социальной природы, связи с другими людьми, исторической изменчивости потребностей и моральных принципов. Абсолютные потребности не зависят от состояния других людей, в то время как относительные потребности определяются желанием человека превосходить других или хотя бы не снижать привычный уровень жизни при ухудшении экономической конъюнктуры (здесь

нельзя не вспомнить об исследовании роли тщеславия А. Смитом и показного потребления Т. Вебленом) [93, с. 557, 656]. Соответственно абсолютные потребности можно назвать насыщаемыми, а относительные – ненасыщаемыми. Чем больше общий уровень благосостояния, тем интенсивнее относительные потребности [86, с. 63-64]. Именно потребности человека и вытекающие из них экономические задачи общества определяют господствующие в тот или иной период времени нормы морали. И наоборот, изменение задач общественного развития приводит к пересмотру системы ценностей [86, с. 65, 67].

Многообразие и изменчивость силы движущих мотивов деятельности человека привели Дж. М. Кейнса к пониманию наличия множества типов экономических субъектов, прежде всего предпринимателей. Одни любят рисковать, другие действуют на удачу, третьи, и их меньшинство, хладнокровно все рассчитывают. Дж. М. Кейнс перечислил субъективные стимулы и цели, которые определяют поведение людей в вопросах сбережения и потребления и доказывают, что человек – вовсе не рациональный максимизатор, обдумывающий каждое свое действие. В принятии экономических решений ему помогают не расчетливость, а «самопроизвольный оптимизм», «жизнерадостность», «животное чутье», «спонтанно возникающая решимость действовать». Эти особенности человеческой психики имеют большое значение для объяснения циклических колебаний экономики: чрезмерный оптимизм, паника, страх, неуверенность в будущем, сомнения, подражание большинству создают цепную реакцию и могут как ввергнуть экономику в состояние депрессии, так и вывести из него. Важнейшее значение для выхода из кризисной ситуации имеет восстановление доверия. Это обстоятельство, по мнению Дж. М. Кейнса, упускается из вида экономистами, предпочитающими исключительно монетарные методы вывода экономики из кризисного состояния, поэтому государство не должно ограничиваться только денежными инструментами экономической политики: обычаи общества и даже призывы к морали могут быть эффективны [93, с. 566-568, 732, 760].

Размышляя о будущем, Дж. М. Кейнс выразил надежду на то, что в поведении человека роль этики будет усиливаться, страсти к обогащению и удовольствиям уйдут в прошлое, предметом гордости человека станут его честность и профессионализм, труд будет в радость, а показателем благосостояния – количество свободного времени, связанного с саморазвитием. Многие вещи будут названы своими именами. Так, склонность к стяжательству, которой в той или иной степени наделен каждый человек, перестанет быть добродетелью и будет восприниматься как одна из наиболее «отвратительных» наклонностей человека [86, с. 64-67].

Попытки придать экономической теории междисциплинарный характер, в том числе на основе многоаспектной взаимосвязи экономической теории и этики, отличают творчество Й. Шумпетера. Его «Теория экономического развития» построена на этико-психологическом фундаменте, учете разнообразия факторов поведения человека (мотивации, интеллекте, воли, интуиции предпринимателей) и того, что предпринимательские способности присущи людям в разной степени. На этой основе Й. Шумпетер выделил три базовых типа экономического поведения и сделал предположения относительно их процентного соотношения в деловом мире [295, с. 15, 149-151].

Много внимания Й. Шумпетер уделял таким чертам предпринимателей, как взгляд на вещи, воля, способность идти вперед в одиночку, воздействовать на других людей, целеустремленность, энергичность, пассивность, слабохарактерность, психологическая недооценка будущих событий, а также настроение и общий кругозор. Он указал на то, что именно эти свойства человека определяют тип его поведения, а индивидуальные различия в деловых качествах имеют серьезное значение в реальной практике бизнеса [295, с. 149, 150, 158, 159, 226, 255, 289].

Все мотивы экономического поведения Й. Шумпетер классифицировал на три группы: мечта и воля основать свою империю, воля к победе, радость творчества. По сути, ученый говорил о смене преобладающего типа экономического поведения как предпосылке изменения образа жизни в деловом мире. Экономикой двигают вперед предприниматели-новаторы (полные

противоположности homo oeconomicus), их отличает не гедонизм, а готовность временно отказаться от удовольствий, иногда даже неприязнь к праздности, стремление к риску, то есть фактически поиск неприятностей, а не их избегание. Рациональный максимизатор, напротив, консервативен, не склонен к переменам. Познавательные способности человека крайне ограничены, люди, как правило, ориентируются на привычные схемы поведения, а не анализируют всю информацию [295, с. 90, 93, 162-167]. Если бы они делали это в обыденной жизни, это требовало бы колоссальной проницательности, усилий воли и духа. Зато деятельность по привычке, стереотипами значительно облегчает жизнь, следовательно, действовать оптимально означает действовать привычным образом, а не напрягать каждый раз все свои интеллектуальные силы. За это многие критики посчитали теорию Й. Шумпетера слишком психологической, а потому сомнительной, ненаучной. В результате он вынужден был оправдываться и даже поступиться некоторыми положениями своей теории. Тем не менее он считал возможным обращаться к истории, статистике, психологии и оставаться при этом экономистом [295, с. 126, 152, 153, 160].

Ф. Найт посвятил философским, этическим и методологическим вопросам многие свои работы. Исследование рыночной конкуренции привело его к выводу о том, что в ней чаще всего побеждают люди, далекие от соблюдения этических принципов. Более того, этические факторы самым непосредственным образом влияют на поведение людей. В связи с этим оценка деятельности людей с помощью исключительно количественных показателей должна смениться «этикой эффективности», качественной оценкой результатов и мотивов деятельности. Это объясняется тем, что товары и услуги интересуют человека преимущественно как способы самовыражения и удовлетворения его социально и культурно обусловленных потребностей. Большинство наших потребностей так или иначе связано со стремлением быть похожими или, напротив, отличаться от окружающих людей. Уровень потребления человека определяется уровнем потребления сообщества, с которым человек себя соотносит. Следовательно, при изучении экономического поведения нельзя не учитывать систему ценностей и отношений общества [147, с. 76, 78, 113, 120, 189, 197, 317, 428].

С точки зрения многоаспектного характера взаимосвязи экономической теории и этики (и в первую очередь когнитивного аспекта) особое место в истории экономической мысли занимают работы представителей неоавстрийской школы, прежде всего, Л. Мизеса и Ф. Хайека. Отличительными чертами работ неоавстрийцев являются последовательный индивидуализм и субъективизм, опора на психологию человеческого поведения, значимость обычаев, норм, познавательных возможностей, восприятия и ожиданий человека, признание разнообразия характеров человека как условия выживания и повышения производительности (когда ценность человеческой личности заключается в непохожести на других людей), особая роль факторов времени и неопределенности, отказ от «дихотомий и противопоставлений» и «монокаузальных объяснений», опора на достижения других наук (этики, биологии, истории, антропологии, психологии, лингвистики) [89, с. 14; 206, т. 1, с. 21, 83; 275, с. 35, 140, 155, 210, 243, 253].

Работы неоавстрийцев представляют особый интерес с точки зрения современного этапа развития теоретического знания, характеризующегося активным обращением к достижениям синергетики в социально-гуманитарных науках. В этом плане весьма актуальны идеи Ф. Хайека и Л. Мизеса о спонтанных, неравновесных, саморегулирующихся, многоуровневых, «накладывающихся друг на друга» порядках, структурах, возникающих в экономике, а также о «сущностной сложности» явлений, которые изучаются социально-гуманитарными науками [134, с. 33; 138, с. 217, 218; 275, с. 20-22, 35, 246]. Поэтому Ф. Хайек выступал против иллюзий точности знания, которые, действительно, производят впечатление, но создаются некритичным применением математических методов: несовершенное, на первый взгляд, качественное знание может оказаться ближе к истине, чем точное знание, полученное в результате того, что не поддающиеся измерению данные были отброшены или теория формулировалась так, чтобы иметь дело с доступной количественной информацией. Как следствие, в отношении сложных явлений, к которым относятся все общественные явления, возможны только «структурные предсказания», паттерны [138, с. 215, 218, 219, 223; 275, с. 49, 172].

Схожих взглядов придерживался Л. Мизес. Он считал, что претензии в ненаучности и литературности, которые иногда предъявляются экономической теории, не обоснованы. Наука, которая является частью общей теории человеческой деятельности (праксеологии), не может и не обязана походить на физику [134, с. 10, 11, 329], а должна исходить из таких предпосылок, как целенаправленный и сознательный характер человеческой деятельности, наличие разнообразных типов поведения (Л. Мизес писал о предпринимателях, промоутерах и спекулянтах). Поведение человека определяется как эгоистическими, так и альтруистическими, как коллективистскими, так и индивидуалистскими ориентациями, а также внешней средой, наследственностью и особенностями личности [134, с. 14, 17, 21, 47, 309, 334]. В связи с этим разделять экономические и неэкономические мотивы поведения нецелесообразно. Человеческие действия совершаются под влиянием религиозных, этических соображений, привычек, моды. Ограничивая экономический анализ только материальными мотивами, ученый утрачивает предмет исследования [134, с. 63, 220]. В основе всех экономических явлений лежат факторы духовного и умственного характера. В этом смысле праксеология, а значит и экономическая теория, может быть названа моральной наукой [134, с. 134]. В связи с этим Л. Мизес обращал внимание на роль доверия в экономическом развитии и в целом отмечал, что поведение в соответствии с нравственными нормами выгодно [134, с. 355, 356, 828]. Л. Мизес был сторонником всеобщего изучения экономической теории, так как ее предмет (человеческая деятельность) касается каждого человека [134, с. 823-824].

В попытке обоснования преимуществ и недостатков различных вариантов социально-экономического устройства и регулирования экономики (императивный и прикладной аспекты) Ф. Хайек (в рамках эволюционной этики и теории самоорганизации) поставил задачу разработки концепции развития цивилизации через эволюцию моральных традиций (когнитивный аспект). Существуют три типа регуляции социально-экономических процессов: посредством инстинктов, разума и морали, эволюция и взаимодействие которых обуславливают формирование так называемого расширенного порядка, а также

обмен информацией по поводу удовлетворения потребностей и наличия ресурсов. Неотъемлемыми характеристиками расширенного порядка становятся честность, соблюдение договоров и свободная конкуренция. Ф. Хайек также подчеркивал роль моральных норм в выполнении бизнесом своих налоговых, договорных и других обязательств, а также значение нравственных, ориентированных на потребности других людей мотивов предпринимательства [275; 298, с. 386].

Особый, усиливающийся интерес к этическим аспектам развития экономической теории и методологии возник в последней трети XX века на фоне методологического бума и перехода к постнеклассицизму теоретического знания. Этот период взаимодействия экономической теории и этики связан с именами А. Сена, А. Этциони, Дж. Акерлофа, Р. Шиллера, Дж. Стиглица, Д. МакКлоски.

А. Сен настаивает на широком, аксиологическом подходе к исследованию экономического поведения. Он считает в корне неверными исключение этики и ценностей из экономического анализа и концентрацию внимания исключительно на эгоизме и в целом выражает глубокие сожаления по поводу формального отделения экономической теории от этики. По мнению А. Сена, люди руководствуются не только индивидуалистскими, эгоистическими устремлениями, но и альтруистическими, моральными нормами, они способны ставить цели, а не только выбирать альтернативы, как того требует «инженерный подход». В экономическом анализе также необходимо учитывать исторические и культурные особенности поведения, хотя это и снижает возможности формализации экономических теорий. А. Сен анализирует этические аспекты функционирования рыночной экономики, а также выгоды этического поведения с точки зрения общественного благосостояния. Целью экономической теории А. Сен считает исследование отношений людей и разработку эффективной социально-экономической политики [236, с. 18, 23, 37, 48, 49, 78, 112].

А. Этциони развивает идею нравственного измерения человеческого поведения. Он исходит из того, что любой поступок имеет ценностную составляющую, которая препятствует культивированию корыстных интересов, определяется структурой личности и общества. Эта структура включает набор из двух основных факторов: собственного удовольствия и общественного долга,

которые в разной степени проявляются у разных людей в различных условиях. Свободная рыночная экономика возможна только при разумном сочетании этих двух факторов, поэтому экономическая теория не может дистанцироваться от изучения мотивов и целей поведения и должна носить название социэкономике. А. Этциони также отказывается от дихотомии индукции и дедукции, нормативной и позитивной экономики. По его мнению, социэкономике должна иметь философские и этические основания [310, с. 66; 320, с. 159, 165, 170].

К многоаспектному характеру взаимосвязи экономической теории и этики, а также социально-этическим, культурным и психологическим проблемам экономики, в том числе вопросам справедливости, обращаются такие современные ученые-экономисты, как Дж. Акерлоф и Р. Шиллер. Они делают акцент на психологии экономического поведения в условиях неопределенности, что предполагает отмежевание от концепции эгоистичного и всевидящего репрезентативного агента и переход к гетерогенным, сложным экономическим системам. Дж. Акерлоф и Р. Шиллер освещают недостатки экономической теории, начального экономического образования и применения математических методов, сложившиеся в результате консерватизма и застывленности экономической теории. Обращение к иррациональной природе человека позволяет ученым в новом ракурсе ответить на многие вопросы, объяснить многие экономические явления, хотя в качестве иррациональной составляющей рассматриваются доверие и справедливость. Ученые подчеркивают важность взаимодействия экономической теории с другими социально-гуманитарными науками, а также роль общественных идеалов, культуры и информационной политики в исследовании экономического поведения [7, с. 28, 43, 47, 61, 79, 80, 151, 158, 173, 176, 189, 212, 233].

Дж. Стиглиц ищет точки соприкосновения экономических и этических категорий, таких как мораль, честность, ответственность, применительно к проблемам прав собственности, положению развивающихся стран и политике развитых стран, решению насущных социальных проблем, выводу экономики из кризисного состояния. По мнению Дж. Стиглица, экономический анализ вполне сочетаем с анализом моральным, что находит выражение в том, что Дж. Стиглиц

называет новым гуманизмом. Это позволяет снизить неэффективность разделения экономической теории на нормативную и позитивную. Дж. Стиглиц также пытается ответить на вопросы о причинах так называемого кризиса экономической теории и роли этики в деятельности ученых-экономистов [254; 255, с. 128-143; 256, с. 108, 110-113].

Среди современных исследователей проблемами взаимосвязи экономической теории и этики активно занимается Д. МакКлоски. В своих работах она анализирует происхождение современного общества, небывалый рост благосостояния развитых стран с точки зрения роли этических добродетелей человека и распространения идей. Современную обезличенную экономическую теорию, по ее мнению, должна заменить гуманика – экономика реальных людей, стремящихся не только к максимизации полезности. Как и некоторые приверженцы традиционного институционализма (например, Дж. Ходжсон), Д. МакКлоски замечает, что стремление к выгоде – всего лишь одна из многих добродетелей человека, причем в отсутствие других эта добродетель превращается в жадность. Д. МакКлоски критикует классиков и неоклассиков за то, что они свели все добродетели к одной (расчетливости), в то время как другие черты характера человека могут быть гораздо большими стимулами экономической деятельности. Удивительно то, что из всего многообразия черт человека экономисты концентрируются на той, которая не отличает его от растений и животных, забывая о свойствах, характеризующих только человеческую личность и человеческие отношения, прежде всего, связанных с нравственностью (мужество, любовь, справедливость, вера). Как следствие, наука, которая не учитывает природу человека, рассматривает экономические явления как статичные, не может объяснить процессы развития и всячески открещивается от неудобных с формальной точки зрения проблем. Д. МакКлоски обращает внимание на то, что вопросы этики в экономикс сведены к проблемам велферизма, а этические категории заменены терминами принуждения, инфорсменты. Она также не разделяет распространенный стереотип о крайней устойчивости моральных норм, которые в действительности в разные периоды времени могут меняться с разной скоростью [78, 331].

Таким образом, проведенное в диссертации исследование позволяет выделить ряд особенностей взаимосвязи экономической теории и этики с момента возникновения самостоятельной теоретической экономической науки. Первая особенность состоит в том, что по мере продвижения от классической к постнеклассической науке имеет место усиление этической составляющей в развитии теоретических идей и методов: озвученные или присутствовавшие в свернутом виде у мыслителей классического этапа идеи или методы получают дальнейшее развитие на этапе неклассицизма с тем, чтобы стать составной частью метода или предпосылкой теории на этапе постнеклассицизма.

Так, призывы ряда ученых первой половины XIX века положить в основание экономической теории исторические факты и наблюдения были реализованы в марксизме и немецкими экономистами-историками (с их приверженностью статистическим данным и фактическому материалу), а позже проявились в работах классических институционалистов. Г. Шмоллером, Й. Шумпетером и Ф. Найтом были обозначены тенденции соприкосновения экономической теории с историей и статистикой как ключевыми смежными науками. Все это позволило наращивать потенциал исследования роли этических факторов долгосрочной социально-экономической динамики в русле когнитивного аспекта, в том числе с точки зрения изменения нравственной природы, ценностей, стереотипов мышления человека в различные исторические эпохи. Сегодня эти тенденции проявляются в развитии клиометрики и экономической компаративистики, сочетающей экономическую теорию с историей и географией.

Эволюционные идеи, идеи кумулятивной причинности, обусловленности текущего момента всем предшествующим развитием и трансформацией системы ценностей, идеалов и потребностей общества, идущие от К. А. Сен-Симона, К. Маркса и Ф. Энгельса, были развиты немецкой исторической школой в попытках ее представителей выделить стадии развития мирового хозяйства, Т. Вебленом, институционалистами второй половины XX века и современной институциональной и эволюционной экономикой.

Сложность и многофакторность реальной действительности не раз приводила ученых-экономистов к мысли о неопределенности экономической среды, которая обусловлена разнообразием этической природы и факторов поведения самого человека, что, однако, не препятствует возможности выявлять закономерности социально-исторического процесса, строить долгосрочные прогнозы социально-экономического развития.

Важным предметом изучения, начиная с XVIII века, стала проблема разграничения морали в больших и малых группах, которую затрагивали в своих работах А. Смит, Г. Шмоллер, Ф. Хайек, Дж. Бьюкенен, А. Сен и которой продолжают заниматься современные ученые в рамках этнометрических исследований о влиянии различных этических ценностей на уровень социально-экономического развития разных сообществ и стран.

Понимание значимости привычек, страновых отличий и в целом этики и культуры в хозяйственном развитии, обозначенное в трудах А. Смита, Ш. Фурье, К. А. Сен-Симона, представителей немецкой исторической школы, апелляции последних к психологии нашли свое продолжение в работах традиционных институционалистов, а также Дж. М. Кейнса, Й. Шумпетера, Ф. Найта, а сегодня в экономической психологии, поведенческой и экспериментальной экономике.

Идея демонстративного потребления, тщеславия, товарного фетишизма берущая начало у А. Смита, К. Маркса, была затронута Г. Шмоллером, Дж. М. Кейнсом, Ф. Найтом. Эти ученые показали социальную обусловленность потребностей человека, выявив тем самым неявные мотивы экономического поведения. За видимым стремлением к увеличению материального благосостояния лежит более глубинный мотив экономического поведения человека (как общественного существа) – тщеславие, постоянное сравнение собственного уровня жизни с уровнем жизни других людей. Эта идея была всесторонне развита Т. Вебленом, У. Митчеллом и другими представителями классического институционализма, в том числе в отношении развивающихся стран, в которых международная финансовая помощь нередко расходуется на показную роскошь, подражание образу жизни богатых слоев населения развитых стран (в частности, в работах Г. Мюрдаля [138, 146]).

Исследование роли науки, ученых, промышленников, предпринимателей прошло долгий путь от К. А. Сен-Симона, К. Маркса, Т. Веблена, Й. Шумпетера до институционалистов и приверженцев марксизма второй половины XX – начала XXI вв. (роль техноструктуры и представителей креативных видов деятельности в индустриальном и постиндустриальном обществе). Тем самым в русле когнитивного аспекта и отказа от узкой, излишне упрощенной модели человека экономического ученые анализировали поведение человека как общественного существа, выполняющего разные социально-экономические роли.

Вторая особенность взаимосвязи экономической теории и этики в условиях развитой науки связана с усилением междисциплинарного подхода. На этапе классицизма науки ученые-экономисты стремились переоткрыть законы всемирного тяготения в человеческом обществе, рассуждали об аромах, флюидах, объявляли о том, что им удалось открыть математические законы и даже геометрические теоремы развития человеческого общества. В неклассической науке они призывали к сближению с биологией, социологией, антропологией, психологией. В настоящее время имеет место обращение к достижениям постнеклассического естествознания (прежде всего, синергетики) и других социально-гуманитарных наук, включая этику. Это свидетельствует о большой восприимчивости и открытости экономической мысли новым научным достижениям, понимании сложности явлений хозяйственной жизни и разнообразия типов экономического поведения. Все это также является своего рода подтверждением предположений ряда исследователей, включая Ш. Фурье, К. А. Сен-Симона и К. Маркса, о том, что в будущем возможно объединение не только наук о человеке и обществе, но и наук о природе и наук о человеке. Как видно, проблемы взаимосвязи экономической теории и этики, правоведения, психологии, истории, биологии были поставлены учеными-экономистами, начиная с XIX века, и сегодня на этапе постнеклассицизма получают широкое признание.

Третья особенность взаимосвязи экономической теории и этики, с точки зрения методологии, проявляется в отказе от узкой, односторонней, абстрактной трактовки природы человека, признании большой роли его характера, психики в

экономическом поведении и истории человечества. Именно модель человека в разнообразии его страстей, привычек, инстинктов, потребностей, мотивов, ценностей является отражением когнитивной функции этики в развитии экономической теории и методологии. Человек провозглашается единственным воплощением богатства, в этическом смысле этого слова, и целью развития. Разнообразие природы человека приводит к пониманию множественности типов экономических субъектов, составляющих экономическую структуру общества.

Четвертая особенность выражается в том, что на протяжении XIX-XXI вв. в экономической теории усиливаются дискуссии по поводу роли, преимуществ и недостатков количественных и качественных методов исследования. Критика математизации экономической теории, ее абстрактности и упрощенности осуществлялась с момента возникновения классической политической экономии. Эту критику можно найти уже в трудах А. Смита, А. Тюрго, К. А. Сен-Симона и далее у многих ученых-экономистов. В то же время уже на этапе классицизма науки в экономической теории используются качественные методы, такие как глубинные интервью с представителями разных слоев общества, изучение исторических документов, нормативных актов, включенное наблюдение. Это позволяет (прежде всего, с точки зрения когнитивного аспекта взаимосвязи экономической теории и этики) исследовать именно отношения людей, а не вещей, даже если речь идет о производстве материальных благ, а также рассматривать экономику как сложный, открытый, эволюционный процесс, принимая во внимание самые разнообразные неэкономические факторы экономического поведения (прикладной аспект). Убежденность в силе воли и разума человека, способного критически мыслить, думать о других людях и о будущем, подниматься выше сиюминутных интересов (императивный аспект), позволяет ученым-экономистам приближать экономическую теорию к идеалу практической, социально-ориентированной науки.

Рассмотренные в диссертации особенности взаимосвязи экономической теории и этики, с точки зрения методологии и эволюции экономического знания, представлены на рисунке 2.

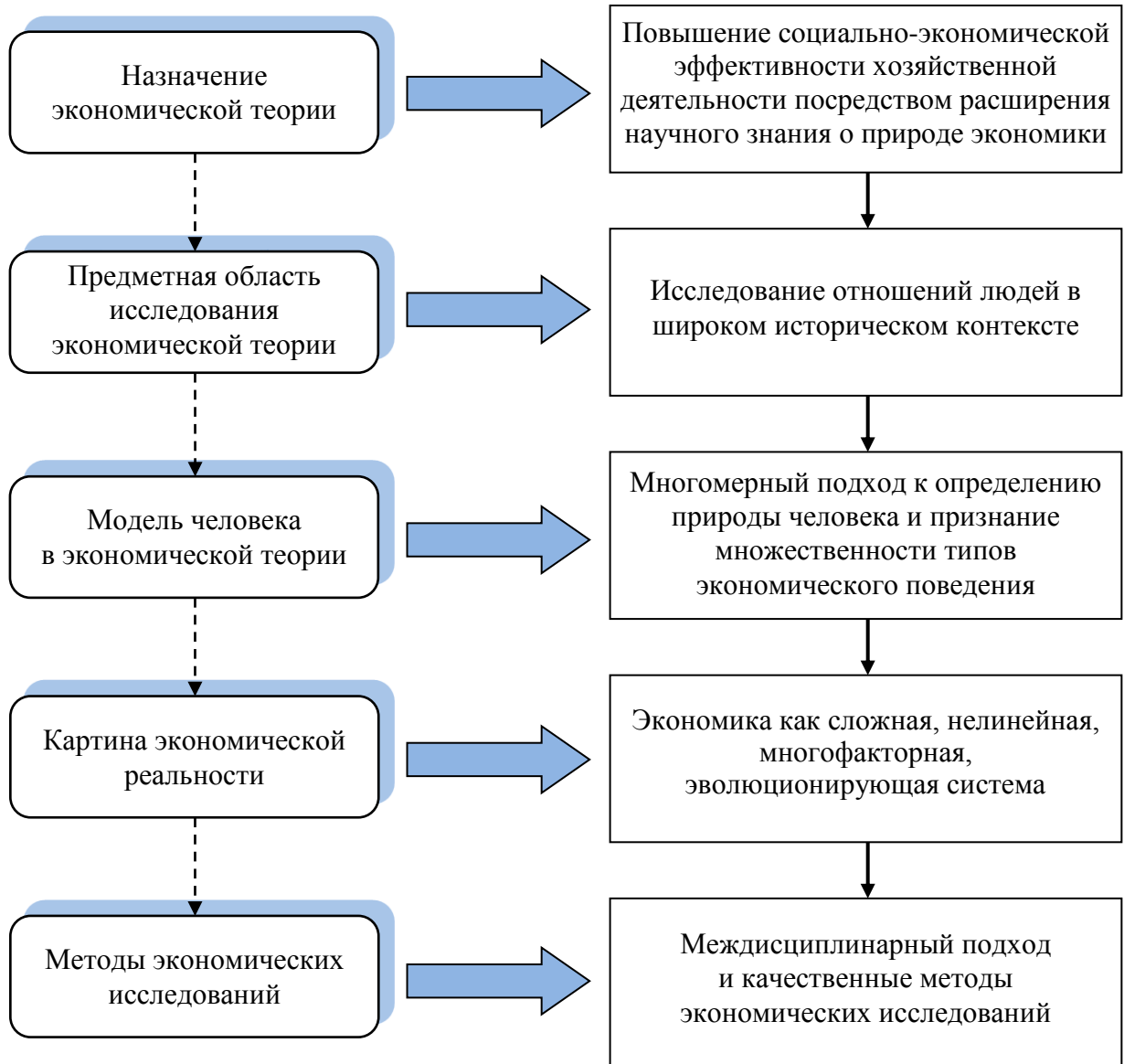

Рисунок 2 – Особенности развития экономической теории и методологии во взаимосвязи с этикой (в ходе движения от классицизма к неклассицизму и постнеклассицизму науки)

Источник: составлено автором на основе исследования эволюции экономической теории и методологии во взаимосвязи с этикой в условиях развитой науки.

В экономических исследованиях XIX-XXI вв., базирующихся на единстве когнитивного, императивного и прикладного аспектов взаимосвязи экономической теории и этики, неизбежно вставал вопрос о том, что отказ от этики и тем самым от человека в экономической теории снижает ее реалистичность и социальную значимость. Назначение экономической теории как социально-гуманитарной дисциплины состоит в повышении социально-

экономической эффективности хозяйственной деятельности человека (императивный аспект) посредством расширения знаний о том, как функционирует действительный мир экономики. Соответственно, это требует повышения реалистичности методологических и онтологических предпосылок экономической теории, концентрации на исследовании отношений людей в широком историческом контексте. Однако, чтобы достичь цели экономической теории как социально-практической науки (прикладной аспект), необходимо и людей рассматривать не как одномерных эгоистов, а исходить из разнообразия природы человека и множественности типов экономического поведения (когнитивный аспект). Подобные представления о человеке меняют и представления об экономике (дисциплинарную онтологию), которая выступает как сложная, нелинейная, многофакторная, эволюционирующая система. Но исследование таких систем уже не может сопровождаться поиском абсолютных истин и их точным математическим оформлением. Сверхсложные, человекоразмерные, исторически развивающиеся системы можно также исследовать с помощью качественных методов и с привлечением арсенала других (прежде всего, социально-гуманитарных) наук, то есть междисциплинарного подхода. Реконструкция взглядов ученых-экономистов, опирающихся на многоаспектный характер взаимосвязи экономической теории и этики, позволяет сделать вывод о том, что гетерогенность экономического поведения, междисциплинарный подход, эволюционность, нелинейность, сложность, многофакторность и другие черты современной теоретической экономической науки сформировались и получили развитие в немалой степени благодаря сохранению взаимосвязи с этикой как наукой о природе человека в единстве ее регулирующей, когнитивной и императивной функций. В настоящее время в эпоху постнеклассицизма науки эти черты получают все большее развитие (хотя и в разной степени) в рамках различных течений экономической мысли.

Благодаря взаимосвязи экономической теории и этики как науки совершенствуется экономическая методология, происходит ее приближение к стандартам постнеклассического теоретического знания и потребностям

хозяйственной практики. Таким образом, неразделение экономической теории и этики позволило ученым-экономистам:

1) с точки зрения императивного аспекта взаимосвязи экономической теории и этики – сформулировать и обосновать этико-гуманистические критерии социально-экономического развития и определить цель теоретической экономической науки как выяснение условий материального и нематериального благополучия человека;

2) с точки зрения когнитивного аспекта взаимосвязи экономической теории и этики:

а) определить экономическую теорию как социальную и нравственную науку, исходящую из разнообразия этических предпосылок поведения экономических субъектов;

б) исследовать экономические явления и процессы как сложные, динамические, эволюционные, циклические, многофакторные, кумулятивные;

в) осуществить периодизацию экономической истории человечества, в том числе с позиций трансформации этической природы человека в каждую историческую эпоху;

г) обосновать историческую ограниченность экономических закономерностей (законов-тенденций) и неопределенность экономической среды исходя из этически гетерогенной природы человека;

3) с точки зрения прикладного аспекта взаимосвязи экономической теории и этики – выявить и раскрыть влияние так называемых неэкономических факторов (этических добродетелей, нравов, особенностей менталитета) на социально-экономическое развитие.

Единство прикладного, когнитивного и императивного аспектов взаимосвязи экономической теории и этики предопределило формирование таких онтологических предпосылок экономической теории, как гетерогенная (многофакторная) природа человека и множественность типов экономического поведения. Это, в свою очередь, обусловило формирование следующих

тенденций развития экономической методологии, способствующих повышению эффективности экономико-теоретических исследований:

а) интенсификация использования качественных методов исследования на фоне критического отношения к излишней абстрактности и формализованности экономических моделей и теорий;

б) распространение междисциплинарного подхода и повышение значимости взаимодействия экономической теории и других социально-гуманитарных наук; возникновение новых научных дисциплин на стыке экономической теории, этики, философии, антропологии, социологии, психологии (в частности, на стыке экономической теории и этики возникли экономическая этика, этическая экономия, экономическая антропология, социоэкономика).

Выявленные в диссертации особенности взаимосвязи экономической теории и этики в истории экономической мысли имеют большое значение для дальнейшего развития экономической теории, в том числе в рамках проблемы соотношения нормативной и позитивной науки.

2.3 Влияние этики на развитие экономической теории и методологии с точки зрения соотношения нормативной и позитивной науки

Несмотря на то, что проблема влияния этики на развитие экономической теории и методологии является чрезвычайно многоплановой, она нередко отождествляется с проблемой соотношения нормативной и позитивной науки, а нормативная наука, в свою очередь, сводится к теории общественного благосостояния [24, с. 190; 122, с. 14; 264, с. 34, 272; 282, с. 55]. Й. Шумпетер обратил внимание на то, что деление на позитивную экономическую теорию и теорию благосостояния распространено и удобно в сфере преподавания. При этом утверждения позитивной теории можно легко переписать в повелительном наклонении, и наоборот, положения нормативной науки могут быть рассмотрены

в изъяснительном наклонении [294, с. 1406]. Пожалуй, нет другой такой науки, как экономическая теория, которая так явно разделялась бы на две якобы не связанные между собой части, одна из которых считалась бы высокой наукой, а другая – пренебрежительно называлась бы делом экономистов-литераторов, ничего не смыслящих в настоящей теории. Не случайно ряд исследователей ставит вопрос о целесообразности деления экономической теории на нормативную и позитивную. Накопление знаний о фактах без уяснения их практического значения, как и советы и рецепты, не согласующиеся с действительностью, одинаковым образом представляют собой нечто одностороннее и неполное [68, с. 290-291]. Специфика экономической теории как раз и состоит в том, что предмет ее исследования и выводы затрагивают практические интересы людей, поэтому границы между нормативным и позитивным весьма условны. Так как любой выбор всегда ценностно окрашен [123, с. 19; 309, с. 5], в экономической науке не может не присутствовать этический компонент, и потому противопоставление нормативной и позитивной науки может постепенно уйти в прошлое [125, с. 13]. Схожей точки зрения придерживались и придерживаются некоторые зарубежные ученые [78, с. 115-116, 123-124; 268, с. 91]. Так, Ф. Найт полагал, что противоречие между экономической наукой и искусством является абсурдным, на споры по поводу которого ученые-экономисты потратили слишком много сил [147, с. 67]. Д. МакКлоски считает разделение экономической науки на позитивную и нормативную детским и наивным [331, с. 2]. Другие ученые называют его риторическим и архаичным [11, с. 204; 206, т. 1, с. 108; 313, с. 17].

В диссертационной работе, напротив, предлагается не отказываться от существующего больше двух столетий деления (что было бы проще всего), а разобраться в его сущности с точки зрения авторского методологического подхода к проблеме взаимосвязи экономической теории и этики.

Итак, как уже отмечалось, экономическая наука (в лице политической экономии) выделилась из этики. Экономические проблемы долгое время рассматривались с точки зрения понятия о должном поведении. Первые трактаты

по экономическим вопросам содержали наставления и рекомендации о том, как следует вести хозяйство, домашнее или национальное. Со времен Аристотеля экономика рассматривалась как прикладная этика, а сферы сущего и должного в ней не разделялись [45, с. 346; 290, с. 2, 9].

Для классической политической экономии (в рамках продуктовой онтологии) было характерно исследование экономических вопросов с точки зрения поиска путей увеличения общественного благосостояния [236, с. 50]. Само название «политическая экономия» указывало на нормативно-общественный характер экономической науки, основной задачей которой было обеспечение богатства государства [1, с. 10]. В частности А. Смит писал, что собственно политическая экономия занимается выяснением природы и причин богатства страны [239, с. 640]. Во времена А. Смита научным считалось любое систематизированное знание теоретического и практического характера [327, с. 35]. Разграничение экономической теории как чистой науки и искусства считается восходящим к Н. У. Сениору и Дж. С. Миллю, а позднее может быть связано с именами А. Маршалла и Дж. Н. Кейнса [24, 136, 137]. Однако крайне редко обращают внимание на то, что уже А. Смит различал 1) науку законодателя, который руководствуется общими, неизменными принципами (а задача науки как раз и состоит в поиске этих универсальных принципов), и 2) искусство, которым занимается политик или государственный деятель и которое требует умения находить решения применительно к вечно изменяющейся действительности [12, с. 183; 239, с. 454]. Ж. А. Кондорсэ полагал, что теоретическая наука не может учесть все многообразие действующих причин и даже имеет право пренебречь некоторыми обстоятельствами, которые должны быть приняты во внимание и видоизменены на практике, в искусстве. Непосредственное применение теории требует определенной степени ловкости и гениальности, а развитие искусства сопровождается параллельными изменениями в науке [105, с. 203, 238].

В свою очередь Дж. С. Милль выделил два типа логических утверждений: о том, что есть (обобщения, которые и составляют собственно науку), и о том, что должно быть (правила, которые образуют искусство). В своем эссе о предмете и

методе экономической науки Дж. С. Милль разделил понятия науки и искусства, фактов и предписаний, подобно изъявительному и повелительному наклонению. Задача науки состоит в формулировании заключений о явлениях реального мира, обнаружении экономических законов. Искусство же является своего рода комплексом правил для достижения определенной цели. Эти правила – «результаты науки». Искусство ставит цели, а наука рассматривает их как явления или действия, выясняет их причины и показывает, при каких обстоятельствах та или иная цель может быть достигнута. Разделение науки и искусства также возможно по следующему критерию: наука классифицирует экономические явления исходя из их причин, а искусство – исходя из следствий. Кроме того, в основе искусства могут лежать сразу несколько наук [136, с. 990, 991, 1012; 137, т. II, с. 527-529, 532-534]. Дж. Коммонс связывал различие науки и искусства с тем, что ученый пытается без «определенной цели» понять связь экономических явлений. Наука – это лабораторно-библиотечное знание, а искусство бизнесмена или политика заключается в том, чтобы, используя научные знания, определить время, место, степень и объем конкретных действий и усилий по корректировке экономических факторов в желательном направлении на основе принципов власти и ответственности [104, с. 404-405].

Наряду с делением на науку и искусство Л. Вальрас, К. Менгер, А. Маршалл, В. Парето различали чистую и прикладную или теоретическую и практическую экономическую науку, то есть стремящуюся получать новые знания о том, что есть, и в то же время служить руководством к решению практических задач, чтобы достигнуть тех или иных целей в определенных обстоятельствах [43, с. XVII; 128, т. I, с. 96, 100; 131, с. 302]. Конечной целью науки является не позитивное исследование фактов само по себе, а решение практических вопросов, в которых этические аспекты имеют право на существование [327, с. 47]. Действительно, от ученых, которые во многих странах мира живут за счет средств налогоплательщиков (частных или государственных средств), ждут, прежде всего, рекомендаций, советов, а не «красивых» теоретических конструкций, поэтому экономические теории являются не только

научно-исследовательскими программами, но и программами политических действий (М. Блауг) [24, с. 204, 205, 215, 367]. Необходимо уточнить, что К. Менгер также предлагал разграничить точное теоретическое и эмпирико-реалистическое направления исследования, так как задача первого – уяснить сущность, причины, взаимосвязи, закономерности и естественные законы последовательности и сосуществования народнохозяйственных явлений, их типичные формы и соотношения, в то время как второе представляет собой историческое или практическое описание сущности и связи индивидуальных хозяйственных явлений. Как было сказано ранее, К. Менгер наряду с теоретическим и практическим знанием выделял также историческое знание о народном хозяйстве [131, с. 302-305, 309, 315, 316, 318, 323, 358, 396].

Кроме того, можно сказать, что в определенной степени нормативная экономическая теория стимулирует развитие позитивной: изменения, постоянно происходящие в экономической реальности, вновь и вновь возникающие социально-экономические проблемы и даже стремления отдельных ученых к улучшению жизни общества требуют разработки соответствующего теоретического фундамента для изучения этих изменений и проблем. Именно в экономической практике ученый ищет актуальные темы для исследования, и часто то, что расходится с его представлениями об идеальном, этичном, должном, и становится предметом научного исследования. Иначе это не будет считаться проблемой, достойной внимания ученых [24, с. 222; 45, с. 357; 78, с. 126, 127; 135, с. 164; 235, с. 407].

Связь нормативной и позитивной экономической теории подтверждается тем, что жесткое ядро любой позитивной теории уже нормативно по своей сути, так как задает стандарты научного поиска, является «кодексом научной честности» и «творческим средством» [113, с. 459, 596]. Нормативное начало уже содержится в выборе исследователем вопросов, предпосылок и гипотез [24, с. 197]. Сам термин «позитивная теория» означает некую приемлемость, желательность, правильность выбора научных методов, соответствующего господствующим в тот или иной период времени взглядам [206, т. 1, с. 109].

На этом фоне У. Хэндс высказывает мысль о «призраке нормативности», «нормативном повороте», когда все больше ученых-экономистов склонны считать теорию рационального выбора как ядро неоклассики нормативной, но не связанной с этикой, описывающей поведение «as if», то есть при выполнении ряда предпосылок [282, с. 52, 53, 65, 72]. Так, стремление к достижению оптимума по Парето и максимизации целевой функции, предпосылки совершенной конкуренции или поведения потребителя в условиях полной и бесплатной информации, свойственные позитивной неоклассике, скорее, относятся к тому, что могло бы произойти, если бы выполнялись те или иные предпосылки. По мнению Д. Хаусмана и М. МакФерсона, теория предельной полезности и модель абсолютной рациональности не являются позитивными, и даже само понятие рациональности нормативно [78, с. 130; 206; 226; 235, с. 26, 247; 258].

Несмотря на то, что идея «нормативного поворота» возникла сравнительно недавно, многие ученые и до сегодняшнего момента рассматривали теорию рационального выбора как нормативную, но не связанную с этикой, и, следовательно, не отождествляли нормативное и этическое [264, с. 282]. Уже Дж. С. Милль и Дж. Э. Кэрнс выделяли науки положительные и гипотетические. Гипотетические науки основаны на дедуктивном методе и характеризуются тем, что их выводы верны только при выполнении определенных условий и отсутствии искажающих факторов. Причем эти условия могут даже не иметь отношение к реальности, быть абстрактными, воображаемыми [114, с. 39, 43, 94; 136, с. 1007; 327, с. 217]. Так, Л. Вальрас под чистой политической экономией понимал теорию, верную «при гипотетическом режиме» совершенной конкуренции [43, с. XVIII], а предметом исследования А. Маршалла являлось нормальное экономическое поведение, то есть не обязательно правильное, а соответствующее ряду точно оговоренных условий, вытекающее из неких обобщений, тенденций и законов. В этом смысле, по А. Маршаллу, все научные теории являются гипотетическими. Дж. Н. Кейнс, отвечая на критику немецкой исторической школы, настаивал на том, что ученые-экономисты имеют дело с абстракциями в упрощенном, воображаемом мире и никогда не утверждали, что

люди всегда руководствуются в своих действиях только собственным интересом [128, т. I, с. 90-93; 327, с. 124].

Весьма красноречиво о нормативном (в значении гипотетического «as if») характере «чистой» экономической теории, изучающей рациональные действия, высказывался М. Вебер. Он назвал эту теорию утопией, идеальной картиной, мысленной конструкцией, выступающей в роли идеального типа [45, с. 389, 594], а Дж. М. Кейнс отметил, что теория рационального выбора и основанная на ней классическая теория (к классикам Дж. М. Кейнс относил Д. Рикардо, Дж. Милля, их предшественников и последователей вплоть до Ф. Эджоурта и А. Пигу) – это воображаемая картина того, как общество могло бы функционировать [93, с. 480, 504]. Еще одним зарубежным ученым, признававшим нормативный характер теории рационального выбора, был Л. Роббинс. По его мнению, эффективность теории рационального выбора зависит от того, ведут ли себя люди рационально в действительности. Предпосылка рациональности и осознанности выбора определяет смысл и возможность существования самостоятельной экономической науки, поэтому желательно, чтобы люди вели себя рационально [264, с. 123]. М. Фридмен отрицал связь позитивной экономической теории с какими-либо этическими суждениями и видел ее задачу в создании обобщений, теорий или гипотез для предсказания последствий тех или иных действий [269, с. 21, 23].

Парадокс состоит в том, что те, кто обращался к интроспекции, абстрагированию и гипотетическому, по их собственному признанию, анализу «as if» (то есть, по их мнению, «как есть»), упрекали тех, кто настаивал на необходимости анализа фактов, конкретных случаев хозяйственной практики, в том, что они занимаются не тем, «как есть» (хотя бы и в вымышленных мирах), а тем, «как должно быть», тем более если из этого описания фактов вытекали конкретные практические рекомендации в области социально-экономической политики. Однако важно помнить, что на практике применение тех или иных гипотетических, абстрактных конструкций требует своего рода осторожности и принятия во внимание обстоятельств конкретного случая, которые могут не относиться к предмету экономической науки и называются искажающими

факторами. При этом никогда нельзя быть уверенными в том, что все обстоятельства известны и учтены. Как следствие, в исследование сложных явлений вкрадывается элемент неопределенности, присущий всем моральным наукам [114, с. 40; 136, с. 1007, 1011]. Поэтому важно учитывать, что на практике абстрактность и упрощенность исходных теоретических конструкций нередко упускается из вида, а экономическая политика может разрабатываться на основе гипотетических предпосылок и заключений [137, т. II, с. 374; 147, с. 117-118]. Т. Веблен объяснял это действием привычек мышления, которые распространены в обществе и от которых весьма сложно отказаться. То или иное утверждение, становясь мыслительной привычкой, перестает считаться гипотетическим, начинает некритично восприниматься как реальное [334, с. 142-143].

Необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство: теория рационального выбора (предпосылка рациональности и максимизации полезности, а также равновесия в условиях совершенной конкуренции) выступает в качестве ядра и нормативной теории общественного благосостояния, и позитивной экономической науки мейнстрима. В этом плане, с методологической точки зрения, между ними нет принципиальных различий (и соответственно дихотомии нормативного и позитивного). По сути, и та, и другая оказываются нормативны, но не в смысле связи с этикой, а в значении достоверности при соответствии определенным условиям теоретизирования [24, с. 203, 218; 264, с. 282, 292]. Если вернуться к тому, что в мейнстриме имеет место отождествление нормативной экономической теории и теории общественного благосостояния, то получается следующее. Предпосылки и нормативной, и позитивной теории мейнстрима фактически совпадают, что обуславливает схожие ограничения предмета и методов исследования только индивидуального выбора, сведение коллективных образований к индивидам (с целью упрощения процесса моделирования), вынесение за рамки формализованных исследований всего, что связано с этикой (свободы, равенства, прав, справедливости), оценку мер регулирования только с точки зрения удовлетворения потребностей. Получается своего рода противоречие (парадокс). Если до недавнего времени нормативное

ассоциировалось как связанное с этикой, то в нормативной экономической теории мейнстрима (отождествляемой с теорией общественного благосостояния) этическим категориям нет места, так как она базируется на тех же предпосылках, что и позитивная экономическая теория мейнстрима, в которой значимость этики (даже в ее обыденном понимании) также не считается высокой [264, с. 287-289].

Ближе всех к решению проблемы соотношения экономической науки и искусства подошел Дж. Н. Кейнс. Он предложил отграничить позитивную экономическую науку от этики и практики, так как функция собственно науки – систематизированное описание фактов, открытие экономических законов, а не предписание правил жизни, экономических рецептов, поиск идеалов или вынесение этических суждений [327, с. 12, 13, 34-37]. Несмотря на то, что бóльшую часть работы ученых-экономистов можно расценивать как практическую, а не сугубо теоретическую, Дж. Н. Кейнс считал чрезвычайно важным разделение экономических исследований именно на три, а не две области, поскольку их смешение является источником многих заблуждений и ошибок [327, с. 19, 32, 35]. Схожего мнения придерживался Л. Вальрас. Он обратил внимание на то, что разделение науки («что есть») и искусства («что должно быть») является неполным, так как «должно быть» может отличаться с точки зрения интереса, тогда это искусство, либо с точки зрения справедливости, тогда это мораль. Таким образом, имеет место не только различие искусства и науки, но и различие искусства и морали. Для улучшения понимания различия науки, искусства и морали Л. Вальрас предлагал обратиться к философии (и этике), в которой он опирался на соответствующую триаду истины, пользы (интереса) и добра (справедливости) [43, с. 13, 16].

Еще дальше в разграничении экономических исследований на отдельные сферы пошел А. Вагнер. Он разделил экономические исследования на пять групп проблем: 1) описание явлений экономической жизни; 2) выявление типов хозяйственных явлений; 3) объяснение их условий и причин; 4) обоснование целей социально-экономического развития; 5) изучение способов достижения этих целей. Первые четыре группы проблем (из которых первая и вторая относятся к

позитивной, по классификации Дж. Н. Кейнса, науке, а две следующие – к нормативной) А. Вагнер считал очень тесно связанными. Только пятая группа есть то, что непосредственно относится к практике или искусству [335, с. 144]. Г. Шмоллер к собственно науке относил: 1) наблюдение хозяйственных явлений; 2) их определение и классификацию, а также 3) объяснение их причин [289, с. 38].

Позднее Дж. Коммонс выделил в экономической науке такие составляющие, как инженерная экономика, политическая экономия и экономика бизнеса, соответствующие, по классификации Дж. Н. Кейнса, позитивной науке, нормативной науке и искусству. Дж. Коммонс также показал, что удовлетворение человеческих потребностей определяется мастерством, наукой и инженерией в единстве с этикой. Мастерство связано с формулированием целей, идеалов и направлений поведения, наука – с выдвижением и проверкой гипотез о действии человеческих и природных сил для удовлетворения потребностей, инженерия – с распределением этих сил с целью получения экономического эффекта. Как писал Дж. Коммонс, «мастерство направляет» ход исследования и поведение человека, «наука постигает» экономические феномены и факторы, их вызывающие, а «инженерия исполняет», применяет полученные знания на практике [104, с. 68, 226, 227].

Однако более гибкие подходы, предложенные Л. Вальрасом, А. Вагнером, Г. Шмоллером, К. Менгером, Дж. Н. Кейнсом, Дж. Коммонсом, не получили распространение. В экономической литературе (особенно учебной) закрепилось упрощенное деление на нормативную и позитивную экономическую науку, основанное на положении, согласно которому вопросы о том, что «есть», и о том, что «должно быть», являются взаимоисключающими. Тезис о невозможности вывода должного из сущего был впервые выдвинут Д. Юмом и получил наименование «гильотины Юма» [24, с. 190, 191, 204; 206, т. 1, с. 107]. Однако дело в том, что «должно быть» является одним из частных случаев «есть», пусть и не самым распространенным в процентном отношении ко всему «есть» (например, теоретический мир эгоистов не исключает наличие альтруистов в реальном мире). Во множестве разнообразных вариаций «есть», а не только в

нашем воображении уже имеется вариант «должно быть», который мы и принимаем за идеал, императив, к которому следует стремиться. Нельзя сказать, что все люди – рациональные максимизаторы индивидуальной функции полезности или что все люди – альтруисты. Люди разные, среди них очень мало как безусловных эгоистов, так и чистых бескорыстных альтруистов. Поэтому жесткий водораздел между «должно быть» и «есть» вряд ли возможен. В действительности сущее и должное постоянно переплетаются. Если принять во внимание изменчивость и «есть», и «должно быть», то становится понятным, что с изменением «есть», изменяется и «должно быть», и наоборот. Наш повседневный опыт пропитан ценностными убеждениями, которые влияют на наши действия, и в то же время ценности меняются под влиянием нашей деятельности [101, с. 118, 120].

Изучение взглядов Дж. Н. Кейнса и других ученых позволяет утверждать, что в экономической теории и методологии можно выделить, по меньшей мере, три трактовки нормативного: 1) этически должное; 2) относящееся к искусству и экономической политике; 3) соответствующее неким модельным условиям. Тем самым оказывается, что вся экономическая наука нормативна, причем даже то, что сравнительно недавно считалось позитивным, теперь все чаще признается нормативным. Не случайно Дж. С. Милль и Дж. Э. Кэрнс считали политическую экономию гипотетической наукой. Возникает вопрос о месте, которое остается для позитивной науки. Ответ на этот вопрос может быть связан с переосмыслением третьего значения термина «нормативный» с позиций этики в ее исконном позитивном значении науки о сущем, о природе человека.

Благодаря постепенному признанию сложности и многомерности природы главного экономического субъекта в экономической теории происходит изменение тех самых модельных условий, вовлечение в экономический анализ все большего числа факторов, которые ранее классифицировались как неэкономические и искажающие (цели, ценности, привычки, инстинкты, склонности, мотивы, убеждения, потребности человека). Тем самым благодаря этике экономическая теория становится действительно позитивной, основанной

на фактах и наблюдениях, достижениях физиологии, психологии и этики, как представляли себе это К. А. Сен-Симон и Г. Шмоллер. Таким образом, как это ни парадоксально, «нормативный поворот» – это не размежевание с этикой (как считает У. Хэндс), а поворот в сторону этики в ее исторически первоначальном значении и когнитивной функции, это одно из проявлений процесса усиления взаимосвязи экономической теории и этики при переходе к постнеклассической науке в рамках когнитивного аспекта. Если иметь в виду более привычное (обыденное) значение этики как идеального и должного, то дихотомия нормативного и позитивного вполне логична и имеет право на существование. Однако, пытаясь объяснить дихотомию нормативного и позитивного, необходимо четко знать, что мы понимаем под нормативным и этическим. Это не просто вопрос о значении слов, это вопрос наших методологических шагов между полюсами отрицания наличия дихотомии и ее абсолютного признания. Между этими полюсами лежат возможные более гибкие варианты решения проблемы соотношения нормативной и позитивной экономической науки. С точки зрения авторского методологического подхода к исследованию взаимосвязи экономической теории и этики, на уровне императивного и прикладного аспектов бинарная оппозиция науки и искусства, нормативной и позитивной науки сохраняется. На уровне когнитивного аспекта она вполне может быть нивелирована, что и показывает история экономической теории на протяжении XIX – начала XXI вв.

Выводы по главе 2

До возникновения экономической теории (политической экономии) как самостоятельной научной дисциплины, на этапе преднауки экономические воззрения Древнего мира и Средних веков были тесно связаны с этическими представлениями, фактически не имели самостоятельного теоретического значения. Экономические вопросы исследовались с точки зрения соответствия этическим и религиозным нормам в произведениях, касающихся правил ведения

домашнего или государственного хозяйства в целях сохранения существующего общественного порядка. Таков характер экономической мысли Древнего Египта, Вавилона, Индии, Китая.

Первые глубокие исследования собственно экономических вопросов начинаются в Древней Греции, прежде всего, в трудах Ксенофонта, Платона и Аристотеля. Благодаря древнегреческим философам происходит активное обращение к таким экономическим категориям, как стоимость, разделение труда, орудия труда, прибыль, деньги, процент. Древнегреческие мыслители обращают внимание на взаимозависимость этической природы человека и характера социально-экономического развития.

С возникновением христианства экономические проблемы начинают рассматриваться с точки зрения соответствия священным текстам. Средневековые канонисты формируют своеобразный свод правил нравственного поведения в хозяйственной сфере. По мере формирования предпосылок интенсификации хозяйственной деятельности имеет место оправдание получения процента и прибыли. Коренная перестройка этико-экономических взглядов произошла в ходе Реформации. Бережливость, расчетливость, накопительство превращаются в добродетели, происходит своеобразный этический переворот, когда некогда греховное поведение преобразуется в стимул экономического развития и источник богатства общества.

Увеличение материального богатства становится целью государства и экономической политики. Возникает необходимость в самостоятельной теоретической науке, исследующей движение материального богатства и способы его увеличения. Политическая экономия начинает постепенно выделяться из этики. Несмотря на значительную степень ориентированности зарождающейся политической экономии на естественнонаучный теоретический образец, в трудах первых классиков политической экономии сохраняется еще очень тесная многоаспектная взаимосвязь экономической теории и этики. В трудах У. Петти, П. Буагильбера, А. Тюрго, А. Смита можно проследить взаимосвязь этической природы человека и его хозяйственной активности, зависимость социально-

экономического положения страны от трудолюбия, честности, усердия, бережливости и других добродетелей граждан, попытки выделить страсти и добродетели человека, способствующие и препятствующие экономическому развитию, предложить меры по воспитанию тех или иных полезных с экономической точки зрения добродетелей и на этой основе сформулировать желаемый образ общественно-экономического устройства.

Однако, несмотря на формальное отделение экономической теории от этики, они всегда были тесно связаны. В диссертации выявлены тематические особенности эволюции экономической теории и методологии во взаимосвязи с этикой при переходе от классицизма к постнеклассицизму науки. Эти особенности состоят в усилении этической составляющей экономических теорий, моделей и методов исследования. Цель экономической теории состоит в обеспечении теоретического фундамента повышения эффективности хозяйственной деятельности человека. Для достижения этой цели экономическая теория должна быть основана не на отвлеченных, а на как можно более близких к реальности методологических предпосылках, которые может обеспечить этика как наука о человеке. С точки зрения когнитивного аспекта взаимосвязи экономической теории и этики экономика предстает как сложное, многомерное пространство-время, в котором взаимодействуют разные по своей этической природе экономические субъекты. Подобная картина экономической реальности требует совершенно иных методов исследования, базирующихся на достижениях социально-гуманитарных наук, выросших из философии и этики (междисциплинарный подход). Таким образом, в диссертации показано, что единство прикладного, когнитивного и императивного аспектов взаимосвязи экономической теории и этики позволило выявить и раскрыть взаимообусловленность этических добродетелей, нравов, особенностей менталитета и социально-экономических показателей; определить назначение экономической теории как социальной и нравственной науки, нацеленной на выяснение условий материального и нематериального благополучия человека; исследовать экономические явления и процессы как динамические, эволюционные,

циклические, кумулятивные; осуществить периодизацию экономической истории человечества, в том числе с позиций изменения этической природы человека в каждую историческую эпоху; обосновать историческую ограниченность экономических закономерностей (законов-тенденций) и неопределенность экономической среды исходя из этически гетерогенной природы человека; сформулировать этико-гуманистические критерии социально-экономического прогресса. Такие этические предпосылки экономической теории, как гетерогенность природы человека и множественность типов экономического поведения обеспечили методологический фундамент для постепенного преодоления высокой степени абстрактности и формализованности экономической теории; интенсификации использования качественных методов исследования; распространения междисциплинарного подхода и повышения значимости взаимодействия экономической теории и других социально-гуманитарных наук.

Авторский методологический подход к исследованию взаимосвязи экономической теории и этики позволяет по-новому взглянуть на проблему соотношения нормативной и позитивной экономической теории, науки и искусства. В отличие от ряда ученых, предлагающих отказаться от этой дихотомии, автор диссертации указывает на те предметные области (в рамках императивного и прикладного аспектов), в которых сохранение рассматриваемой бинарной оппозиции является логически и практически оправданным. В диссертации также выдвигается положение о том, что сравнительно недавно озвученный «нормативный поворот» в сторону признания гипотетического характера теории рационального выбора и неотожествления нормативного и этического имеет давнюю предысторию в экономической мысли начиная с XIX века. Более того, «нормативный поворот» оказывается движением не от этики, а в сторону этики в ее когнитивной функции с точки зрения множественности трактовок термина «нормативный», которые сложились в экономической науке, и поиска методологического фундамента для построения позитивной экономической теории, основанного на пересмотре ее онтологических предпосылок и, прежде всего, модели человека.

ГЛАВА 3

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ РОЛИ ЭТИКИ В ПРОЦЕССЕ ЭВОЛЮЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

3.1 Философско-методологическая структура взаимосвязи экономической теории и этики

Развитие экономической теории и этики в разные исторические периоды характеризуется их тесной взаимосвязью [76, с. 116]. Долгое время экономическая теория (политическая экономия) считалась моральной наукой, даже когда оформилась как самостоятельная дисциплина [2, с. 59; 218, с. 447]. Несмотря на формальный отрыв экономической теории от этики, без преувеличения почти все ученые-экономисты, включая тех, кто настаивал на ценностной нейтральности экономической теории, придерживался разделения нормативной и позитивной теории, науки и искусства, снова и снова обращались к ценностям, нравам, привычкам субъектов и объектов познания, так как наука о целенаправленной деятельности человека в хозяйственной сфере не может не затрагивать этические проблемы и учитывать различные грани этической природы человека [10, с. 20-22, 26]. В частности, А. Маршалл считал, что природа человека едина, поэтому экономист должен принимать во внимание этические аспекты хозяйствования, иначе экономическая теория становится излишне абстрактной, а не полезной с практической точки зрения наукой [128, т. I, с. 46, 72, 147; т. III, с. 209]. Д. Норт полагал, что поведение человека во многом объясняется неформальными ограничениями, убеждениями, условностями [190, с. 56].

Проведенное в диссертации исследование дает основания говорить о философско-методологической взаимосвязи экономической теории и этики¹². В

---

¹² Философско-методологические вопросы взаимосвязи экономической теории и этики, освещаемые в третьей главе диссертации, были впервые изложены в работах автора диссертации, включая публикации по теме диссертационной работы, прежде всего: [57, 153-155, 157-172, 174, 176, 179, 181-189]; отдельные вопросы также упоминаются в ряде научных

структуре этой взаимосвязи автором предлагается выделить три пересекающихся и взаимообусловленных уровня, представленных на рисунке 3 и определяющих эвристический потенциал взаимосвязи экономической теории и этики для развития экономической теории и методологии. При выделении данных уровней автор исходил из функций этики и экономической методологии; структуры диалектической логики как учения о всеобщих формах и законах бытия (онтология), познания (гносеология) и проявления сущности человека в практической деятельности (праксеология) [52, т. 1; 77, с. 9, 165, 171, 179, 203, 301, 302, 309; 127, т. 3, 20]. Благодаря выявлению философско-методологической структуры взаимосвязи экономической теории и этики можно говорить о взаимообусловленности а) различных аспектов взаимосвязи экономической теории и этики, б) функций этики в развитии экономической теории и методологии и в) функций самой экономической методологии. Онтологический уровень взаимосвязи экономической теории и этики базируется на философском понимании онтологии как 1) учения о принципах, структуре, законах и закономерностях бытия, прежде всего, человека, а также 2) дисциплинарной картины исследуемой реальности и ключевых предпосылок науки, фрагмента реального мира, изучаемого той или иной наукой [26, с. 100; 249, с. 198; 266, с. 443]. Именно в значении специальной картины мира, базовых предпосылок теории как отражения экономической реальности, «подразумеваемого представления о реальности» термин «онтология» применяется философами, историками и методологами науки [11, с. 44, 46, 123, 124; 24, с. 86; 26, с. 100-101; 101, с. 185; 113, с. 264; 249, с. 229, 304, 305, 310; 264, с. 431; 301]. В этом же значении термин «онтология» используется в диссертации, прежде всего, когда речь идет о продуктовой, поведенческой, институционально-эволюционной и других экономических онтологиях.

работ, выполненных в соавторстве: [150, 152, 156, 173, 175, 177, 178, 180, 193, 196]. Философско-методологические проблемы взаимосвязи экономической теории и этики, рассматриваемые в третьей главе диссертации, обсуждались на различных конференциях и других научных мероприятиях, в том числе в совместном с Р. М. Нуреевым докладе «The history and prospects of ethical rationality: Toward XXI century economics» на 21-й ежегодной конференции Европейского общества истории экономической мысли (ESHET) «Рациональность в экономической теории» (Антверпен, Бельгия, Европейское общество истории экономической мысли, 18-20 мая 2017 г.).

Рисунок 3 – Философско-методологическая структура взаимосвязи экономической теории и этики

Источник: разработано автором на основе исследования эволюции экономической теории и функций этики в развитии экономической методологии.

Проблема онтологических оснований экономической теории стала активно обсуждаться с конца прошлого века на фоне методологического бума (при переходе от неклассической к постнеклассической науке). Многие современные историко-методологические работы при объяснении тенденций развития экономической теории так или иначе касаются вопроса ее онтологических предпосылок [9, с. 75, 77, 84].

Вопрос об онтологических предпосылках науки всегда возникает на поворотных моментах истории ее развития, а пересмотр дисциплинарной онтологии свидетельствует о фундаментальных изменениях в науке (научных революциях), трансформации структуры оснований теоретического знания [249, с. 11, 12, 533, 537]. Так было в конце XIX века при переходе от классической к неклассической науке, так происходило и в конце XX века в самом начале процесса перехода к постнеклассической науке.

Однако исследование теоретико-методологического наследия ученых-экономистов, начиная с XVIII века, показывает, что в истории экономической мысли в вопросах формирования дисциплинарного онтологического знания, в том числе роли привычек, ценностей, мировоззрения и представлений ученого в выдвижении исходных предпосылок, гипотез и их теоретическом обосновании, можно выделить две идущие от А. Смита линии. Как представитель шотландского Просвещения А. Смит был ярким примером ученого-энциклопедиста, блестяще осведомленного во многих областях знания. В работе А. В. Аникина указывается, что особенно обширными были познания А. Смита в области математики и астрономии [12, с. 162, 166, 181]. А. Смит является автором ряда эссе по истории различных наук и искусств, наибольший интерес из которых (для целей данного исследования) представляет очерк по истории астрономии, название которого чрезвычайно знаково [333]. По сути, оно представляет собой работу по логике научного исследования, философии науки на примере одной из наиболее развитых с древнейших времен наук¹³. По мнению Й. Шумпетера, только зная эти

---

¹³ Упоминание об эссе А. Смита, их кратком содержании и значении для философии науки можно найти в вводной статье к изданию: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов (книги I-III). М.: Наука, 1992-1993. 572 с.

эссе А. Смита, можно понять истинную «интеллектуальную значимость» шотландского мыслителя [294, с. 233].

По А. Смицу, процедура формирования научной картины мира берет начало с возникновения трех взаимосвязанных чувств, стимулирующих действие друг друга: изумление, удивление и восхищение. Эти чувства возникают под влиянием всего нового, необычного, неожиданного, возвышенного или красивого. Человеческий ум устроен таким образом, что сила и направление действия этих чувств определяются привычками и обычаями. Человек склонен искать в новых вещах уже известные ему черты, обращать внимание, прежде всего, на то, что можно поместить в имеющиеся классификации, совместив новое с представлениями о схожих объектах окружающего мира. В этом и состоит метод аналогии, когда при объяснении новых явлений ученый руководствуется принципами, которые известны ему из других сфер деятельности. Схожие мысли А. Смит высказал и в эссе по истории физики: человеческий ум стремится внести ясность и согласованность в кажущийся хаос явлений окружающего мира, для этого воображению проще выводить объяснения новых явлений из различного сочетания привычных законов и классификаций, руководствуясь «привычками воображения». Фактически человек даже испытывает удовольствие от того, что новые объекты и явления удается поместить в имеющиеся рамки [333, с. 3-4, 9-13, 22, 98, 99].

Привычкам, обычаям, представлениям, ценностям, убеждениям ученого А. Смит отвел необычайно большую роль в «естественном движении воображения». При этом «привычки воображения» носят субъективный характер, так как то, что для одного человека кажется естественным и согласованным, для другого может показаться несогласованным, поскольку не соответствует его привычкам. Кроме того, то, что расходится с «привычками воображения», все новое и неизвестное чаще всего трактуется как случайное, несущественное или объясняется действием высших сил, суевериями («invisible Power», «invisible hand», «the hand of Nature»). Особенно хорошо сказанное видно при изучении последовательности событий. Если две вещи часто следуют друг за другом, то

формируется «привычка воображения» воспринимать их вместе, ассоциировать их друг с другом, ожидать появления второй при виде первой. Сталкиваясь с нарушением привычной последовательности событий, человеческий ум начинает искать причины этого, поскольку «естественное движение воображения»¹⁴, руководимое привычками, при переходе от одного явления к другому требует согласованности, последовательности, плавности и легкости. Это позволяет достичь основной цели философии, которая берет начало с Сократа и благодаря Платону и Аристотелю вбирает в себя все ценное из предшествующих эпох. Цель эта состоит в поиске связующих принципов природы, выявлении невидимых связей явлений путем формирования различных, конкурирующих «систем природы» (сравним это словосочетание с более современным термином «картина мира»). По мнению А. Смита, философия исследует революционные изменения в истории Вселенной и человечества. Революции в философии А. Смит оценивал как наиболее выдающиеся события в понимании природы [333, с. 14-18, 20-21, 24-25, 28, 153, 243].

По мере повышения уровня безопасности и порядка в обществе, благодаря появлению свободного времени научное воображение стимулировалось еще одним чувством, которое сделало людей более наблюдательными и внимательными к явлениям природы. Это чувство любопытства («the most unnecessary curiosity»). Именно оно пробудило в людях интерес к философии, научно-философскому размышлению, выявлению скрытых связей явлений. Оно породило удовольствие от самого процесса исследования без поиска какой-либо очевидной выгоды от открытия нового [333, с. 25, 26, 99, 220].

В качестве наиболее яркого примера истории развития философских воззрений с древнейших времен А. Смит рассматривал астрономию. Удивительным образом в эссе А. Смита можно найти ряд пересечений с современной философией науки XX-XXI вв., в том числе в версии

---

¹⁴ Слово «imagination», которое использовал А. Смит, помимо традиционного перевода «воображение» может также означать «представление», «фантазию», «мысленный образ», «мышление», «понимание», «полагание». Слово «fancy», которое А. Смит также использовал при описании процесса теоретизирования и формирования онтологических представлений, может переводиться как «фантазия», «воображение», «мысленный образ».

постпозитивизма. Излагая историю астрономических воззрений, А. Смит показал, как все новые наблюдения за объектами Вселенной вынуждали мыслителей выдвигать все новые допущения для объяснения новых фактов, чтобы иметь возможность вписать их в существующие представления о строении Вселенной. Описание А. Смитом истории астрономии очень напоминает гораздо более поздние достижения философии науки о том, как общепринятая теория всячески поддерживается благодаря защитному поясу *ad hoc* гипотез, несмотря на все большее количество несогласованностей и расхождений с наблюдениями (Т. Кун, И. Лакатош, В. С. Степин). Это происходит, как писал А. Смит, до тех пор, пока сама система не становится сложнее, чем явления, для упорядочения которых она создавалась, когда образованная часть общества начинает чувствовать в ней разочарование. В этих условиях рано или поздно вызревает необходимость сменить точку опоры, переосмыслить саму систему или, в современной терминологии, ядро теории, дисциплинарную онтологию [333, с. 36, 49]. Как уже отмечалось, коренное переосмысление онтологических представлений – важнейший признак научной революции.

В характерной для эпохи классицизма науки манере (в том числе в русле механистической картины мира) А. Смит сравнивал философские системы¹⁵ с

---

¹⁵ Для обозначения философских систем, представлений ученых о природе, взгляда, восприятия вещей А. Смит использовал слова и словосочетания, которые по своему значению и контексту употребления могут соответствовать современным терминам «картина мира», «видение», «парадигма»: «established system», «established system of Natural Philosophy», «view of nature», «constitution of things», «fundamental idea», «account of things», а также слово «preconception». В качестве одной из таких философских систем А. Смит приводил пример системы Н. Коперника, которая представляла собой новый взгляд на природу, новое описание устройства мира, более естественное для воображения [333, с. 50, 55, 58, 69, 81, 82, 101, 204, 239].

Что касается слова «preconception», то А. Смит использовал его в сочетании со словом «anticipation», которое означает «ожидание», «предчувствие»: «anticipation or preconception» [333, с. 239], то есть в значении «ожидаемое, предварительное, предшествующее представление, понимание» (pre-conception) с учетом того, что слово «conception» переводится не только как «концепция», но и как «понимание», «понятие», «замысел». Для обозначения предрассудков в принятом в русском языке значении этого слова (как ставшего привычным ложного взгляда на вещи) А. Смит использовал слово «prejudices». Тем самым в «preconception» у А. Смита можно увидеть то, что впоследствии окажется весьма близким по смыслу к «preconception» у Т. Веблена. Т. Веблен использовал слово «preconception» не совсем в смысле предрассудка (хотя это наиболее распространенный вариант перевода этого слова, который дают англо-русские словари), а в сочетании «point of view or preconception», то есть в значении «точка зрения», «мнение», «взгляд на вещи», а нередко и «предпосылка» [334, с. 82-179].

машинами и отдавал предпочтение стремлению объяснить многое из как можно меньшего числа предпосылок. Подобно машине, предназначенной для связывания воедино различных движений, философская система представляет собой воображаемую машину (систему), чтобы соединить в уме различные движения, существующие в реальности. Чем проще устроена машина, чем меньше принципов лежат в основе ее работы, тем она совершеннее. По аналогии наиболее предпочтительной является та философская система, в основе которой лежит некий общий принцип, позволяющий соединить множество разрозненных феноменов [333, с. 44, 45]. Существование философских систем, мода на них поддерживается здравым смыслом эпохи, силой привычек, стереотипов мышления, предубеждений, предрассудков («natural and usual habits of thinking», «natural prejudices of sense», «habitual idea», «natural prejudices of imagination»), которые крайне сложно преодолеваются [333, с. 41, 42, 50, 56, 69, 71, 75, 76, 109, 213]. Несмотря на то, что новая система может лучше объяснять большее количество феноменов, предрассудки мешают увидеть ее преимущества [333, с. 70, 71]. Старая теоретическая схема поддерживается всеми возможными способами как можно дольше, а все новое воспринимается тем лучше, чем меньше оно противоречит привычкам воображения («the usual habits of the imagination») [333, с. 57, 64].

Идеи А. Смита при переходе от классической к неклассической науке получили продолжение в ходе первого крупного методологического спора – «спора о методах» (методологические споры, как правило, предшествуют переходу науки на новую ступень развития, а также свидетельствуют о необходимости переосмысления онтологических оснований науки). Среди участников «спора о методах» первым к проблеме роли онтологического знания в научном теоретизировании обратился Г. Шмоллер. Описывая процесс формирования дисциплинарной онтологии, получения целостного научного знания, Г. Шмоллер предложил отталкиваться от мировоззрения ученого, его «индивидуального представления о мировом и историческом развитии», созданной им субъективной «картины» (которая сродни представлениям, вере,

индивидуальному мирозерцанию) эволюции институтов и хозяйственной организации общества [289, с. 35, 36; 290, с. 33, 34]. Первый этап теоретического рассуждения, открывающий дверь для проникновения этики, состоит в том, чтобы составить себе «картину целого». Этот первый этап Г. Шмоллер назвал «творческим актом фантазии», результатом переосмысления «опытного материала», добытого из личных наблюдений, впечатлений или «из книг», «третьих рук» [289, с. 42]. В качестве целого может выступать как мир, государство, история, так и индивидуальное или коллективное хозяйство или человеческая душа. Эта картина целого служит основой наших дальнейших научных действий. Благодаря этому представлению о мире ученый может охватить предмет своего исследования как целое, увидеть связи вещей первоначально даже в виде «смутных образов и догадок» [290, с. 104, 105]. Картина целого обеспечивает возможность в дальнейшем определить пространственно-временные характеристики экономических явлений, их историческую последовательность, разработать систему понятий и классифицировать явления, объясняя их как «связное целое» [290, с. 16].

Важность онтологических установок ученого неоднократно отмечал и Й. Шумпетер. Для их обозначения он использовал термин «видение». Под видением Й. Шумпетер понимал пропитанный ценностями «донаучный когнитивный акт» [264, с. 264], предшествующий научному исследованию, поставляющий для него материал и определяющий его предмет [294, с. 49, 50, 736]. Начиная исследование, ученый подсознательно опирается на некий набор взаимосвязанных явлений как объект анализа. На следующем этапе необходимо концептуализировать видение с помощью терминов, чтобы те или иные объекты исследования в качестве допущений получили свое место в картине изучаемой реальности, которая затем упорядочивается в модель. При этом в процессе научной деятельности видение может меняться. Этические ценности, идеология закрадываются в экономические теории и модели через видение, с которого начинается научная процедура, а именно через восприятие явлений на основе

интуиции, воображения исследователя, идей предшественников и состояния общественного сознания [264, с. 253], так как каждый ученый видит факты так, как требует его система ценностей [294, с. 51, 737]. Таким образом, говоря о видении и приводя многочисленные примеры из истории экономического анализа, Й. Шумпетер изображал его как преданалитический акт, представление ученого об экономической реальности. Видение определяет границы предмета исследования, предпосылки теории или модели, представление об экономических субъектах и характере их взаимодействия. При этом то или иное видение даже с более прогрессивными методами может закрывать пути для исследования вновь возникающих объектов экономической реальности [294, с. 323, 369, 530, 579, 591, 676, 713, 748, 749, 842, 1077, 1176-1177, 1547]. Как видно, взгляды Г. Шмоллера и Й. Шумпетера на роль онтологических представлений ученого имеют много общего, что позволило отразить их на рисунке 4.

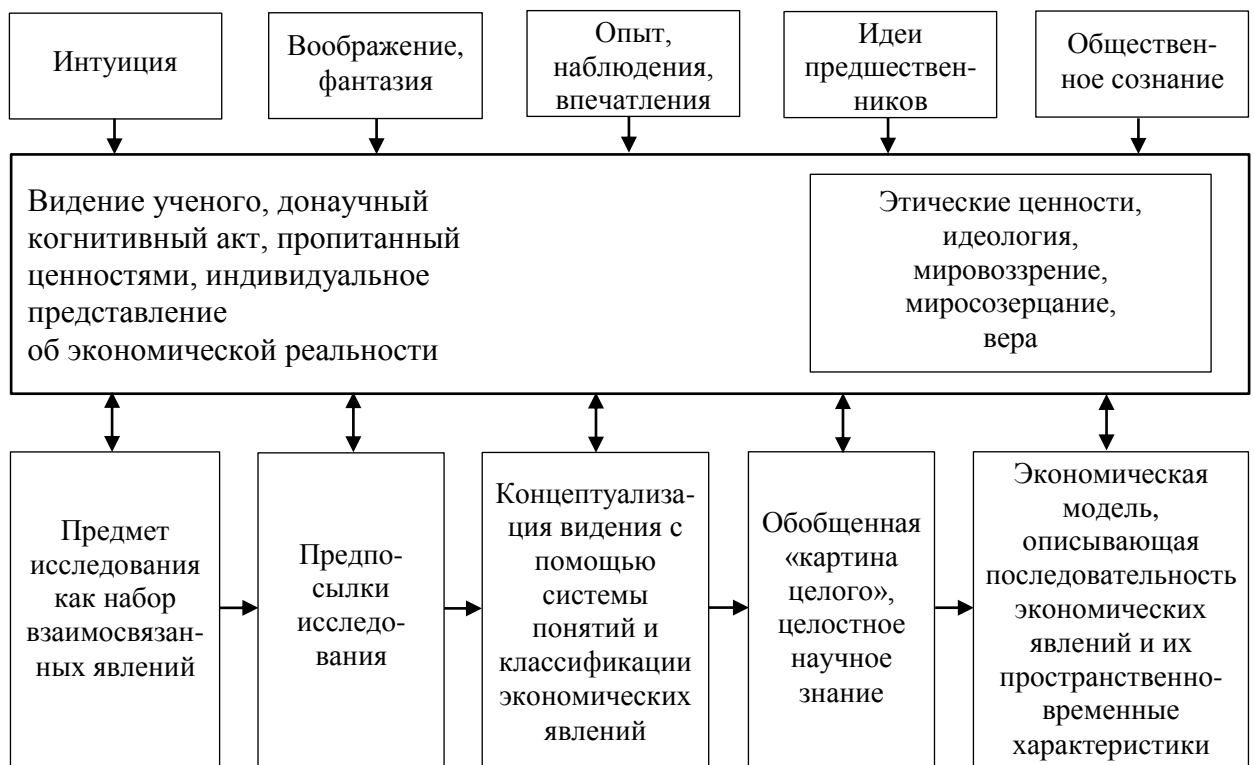

Рисунок 4 – Обобщенная схема процесса научного исследования во взаимосвязи с этикой по Г. Шмоллеру – Й. Шумпетеру

Источник: построено автором на основе исследования онтологического уровня взаимосвязи экономической теории и этики в трудах Г. Шмоллера и Й. Шумпетера

Со сменой видения Й. Шумпетер связывал серьезные изменения, новшества в науке [264, с. 264; 294, с. 49], подобно тому, как современные философы науки связывают научные революции с коренным изменением дисциплинарной онтологии [26, с. 105; 249, с. 11, 12, 533, 537]. В качестве примера такого нового видения Й. Шумпетер рассматривал работы Дж. М. Кейнса [294, с. 1541, 1552]¹⁶.

Если Г. Шмоллер первым обратил внимание на роль онтологического знания в экономическом теоретизировании при переходе к неклассической науке, то первая попытка критического онтологического анализа конкретной экономической теории и даже направления экономической мысли принадлежит Т. Веблену. В ряде своих методологических работ Т. Веблен проанализировал онтологические предпосылки неоклассической экономической теории, в том числе теории предельной полезности, и вытекающие из них ограничения [334, с. 176-178]. Для обозначения онтологических представлений ученых-экономистов Т. Веблен использовал словосочетания «образ мышления», «мировоззренческая позиция», «точка зрения», «преобладающий образ мыслей» [303, с. 13, 14, 23, 30], а также «мыслительные привычки», «каноны знания». Под такими канонами Т. Веблен понимал метафизический слой знания, нечто вроде некритично принимаемых представлений о мире, которые господствуют в обществе в определенный момент и со временем могут меняться [334, с. 10, 17, 18, 38, 99, 148, 149]. Поэтому, как считал Т. Веблен, точка зрения ученых-экономистов чаще всего представляет собой отражение просвещенного здравого смысла, идеалов, «банальных предрассудков» и предубеждений соответствующей эпохи [46, с. 62; 334, с. 86]. Преобладающие в тот или иной момент времени в обществе «мыслительные привычки» оказывают существенное влияние на состояние сферы знаний. Можно сказать, что они управляют ею и сами в свою очередь определяются институциональной структурой, «привычками жизни» общества, состоянием культуры, в котором могут иметь место бифуркации, потребностями

---

¹⁶ Удивительно ярким примером роли видения, с которым может столкнуться любой исследователь, является многократное перечитывание под разными углами зрения какой-либо работы, в том числе собственной. Всякий раз подходя к ней с разным видением, можно находить в ней нечто новое, что раньше просто не замечалось, не было *видно*.

времени, преобладающим в других областях образом мысли, а также канонами демонстративного расточительства. Последние являются причиной того, что распространенные в обществе стереотипы мышления крайне сложно преодолеваются, так как демонстративное расточительство культивирует консерватизм, инстинктивное сопротивление переменам, раздражительное, нетерпимое отношение к новым идеям как к чему-то недостойному. Особенно ярко это неприятие нового проявляется в общественных науках, где новые взгляды всегда принимаются с опозданием. Практически только тогда, когда новые идеи уже устаревают или становятся банальностями, они проникают в образовательную среду [46, с. 63, 144, 206, 208-209, 347]. Постановка тех или иных вопросов в науке и методы поиска ответов на них также являются результатом культурного роста, отражением «жизненных привычек» общества. Изменение институциональной схемы жизни приводит и к изменению «канонов знания» [334, с. 10, 12, 17, 18, 38, 45-47, 105, 149]. Таким образом, теоретическое знание определяется Т. Вебленом как комплекс мыслительных привычек, вплетенных в институциональную структуру и отражающих привычки общества, а также как результат действия инстинкта праздного любопытства [334, с. 7, 44]. Для подтверждения своих взглядов Т. Веблен различал мыслительные традиции британских ученых и ученых – представителей континентальной Европы, в частности Франции, обусловленные в том числе изначально отличающимися материальными условиями жизни на Британских островах и на континенте [334, с. 97-98, 100, 112].

К онтологическим характеристикам неоклассической (как назвал ее сам Т. Веблен) экономической теории основатель институционализма отнес ее статичный характер, а также модель человека, в основе которой лежит гедонистическая психология, предпосылки абсолютной рациональности, беспристрастности и осмысленности индивидуального выбора. В результате неоклассические исследования осуществляются отнюдь не в терминах причины и следствия, исключают все, что не укладывается в базовые предпосылки, объявляют все это несущественным, неэкономическим, аномальным,

отклоняющимся (так как в самой дисциплинарной онтологии этого просто не может быть), а формально удобное – само собой разумеющимся. Как следствие, онтологические рамки гедонистической теории предельной полезности закрывают путь для анализа процесса экономического роста и кумулятивных изменений, их причин, в особенности технологических изменений предшествующих двух веков. В лучшем случае теория предельной полезности позволяет анализировать рациональное приспособление к уже произошедшим изменениям и механически описывать явления, поддающиеся количественному выражению. При столь ограниченных предпосылках экономическая история из истории человеческих отношений, эволюции природы человека и институтов превращается в историю техники. За пределами неоклассической теории остаются изменения в денежной культуре, институтах, привычках и традициях деловой жизни. Онтология пассивного, изолированного, неизменного человека, действующего в неизменных условиях, делает возможным использование количественных методов на основе имеющихся статистических данных. Причем экономические величины, по которым есть статистическая информация, преподносятся как определяющие и критически важные [264, с. 158-173; 303, с. 15, 22, 25]. Речь идет, в частности, о процентной ставке, ценах и ценовом механизме передачи информации в рыночной экономике. Между тем, цены и норма процента являются крайне субъективными, психологическими феноменами и определяются вкусами, модой, мерой алчности и другими неэкономическими факторами [54, с. 103; 93, с. 644, 654].

Онтологический анализ неоклассической экономической теории, проведенный Т. Вебленом, показывает, что основными ее характеристиками являются механистический, телеологический и таксономический подход, вера в наличие единственного варианта решения проблемы, неприятие альтернатив, господство предрассудков, стереотипов и привычек мышления, которые крайне трудно преодолеваются. Одной из таких чрезвычайно укоренившихся привычек является подражание естественным наукам, принижение статуса социально-гуманитарных наук по сравнению с точными науками. Различая органические и

неорганические науки, Т. Веблен указывал на то, что экономисты-классики всегда симпатизировали неорганическим (inorganic) наукам, в частности химии и геометрии [334, с. 84, 165]. В связи с этим Т. Веблен предлагал рассматривать экономическую теорию как эволюционную науку, нацеленную на изучение экономических процессов, культурного роста, кумулятивных причинно-следственных связей. Предметом эволюционной экономической теории должна стать экономическая деятельность человека, воплощающая его знания, склонности, интересы, что позволит исследовать происхождение и эволюцию экономических институтов. Это предполагает пересмотр предпосылок экономической науки (заложенных в модели человека) при рассмотрении дисциплинарной онтологии как кумулятивно разворачивающегося процесса [303, с. 12-14, 22-24, 28-31; 334, с. 32, 37, 184, 192].

Критический взгляд Т. Веблена на состояние экономической теории оказал влияние на самых выдающихся представителей оригинального институционализма, в частности Дж. Коммонса, который также рассматривал, по сути, онтологические проблемы экономической науки. В истории развития теоретической экономической науки он выделил два подхода. Первым по времени возник инженерный (технологический, механистический, физикалистский) подход (инженерная экономика). В условиях подражания естествознанию и в стремлении стать настоящей наукой, способной выводить законы и изучать постоянные связи экономических явлений, экономическая теория стремилась избавиться от всего субъективного, непостоянного, связанного с волей человека. Как следствие, в онтологии инженерной экономики мир экономики представал как механизм, движение товаров, как экономика обмена, удовольствия и страдания, производства и потребления. Разрабатывая теорию ценности в рамках инженерного онтологического подхода, экономисты рассматривали, прежде всего, отношения человека и природы в форме предметов потребления и ощущений [104, с. 224, 268].

Как известно, дисциплинарная онтология ограничивает предметные рамки научного исследования. Так и инженерная онтология, избавляющаяся от всего

субъективного, относящегося к воле человека, не позволяла в теории ценности увидеть такой нематериальный источник ценности, как гудвилл, основанный на доверии, репутации, ожиданиях, проявляющихся в отношениях людей [104, с. 297]. Однако инженерная экономика не является однородной. В ней Дж. Коммонс выделил различные школы от классиков и физиократов до гедонистической школы. По мнению Дж. Коммонса, гедонистическая школа вплотную подошла к изучению субъективных факторов экономического поведения, что потребовало обращения к категориям этики и права. Но чтобы оставаться в рамках «чистой» (подражающей мыслительным канонам естествознания) науки, гедонисты вынуждены были принимать некоторые этические категории как бесспорные аксиомы либо отбрасывать их как «неэкономические». Тем не менее постепенно благодаря развитию других наук о человеке научные знания о природе человека расширялись, науки о человеке обогащали друг друга (речь идет, прежде всего, о взаимодействии экономической теории, психологии и этики), вследствие чего ученые-экономисты получали новые знания о разуме, чувствах людей, их правах и обязанностях, механизмах принуждения, массовой психологии. В результате постепенно становилось возможным изучать не только отношения человека к природе, но и отношения между людьми с их изменчивой этической природой и выводить законы человеческого поведения. Так возник второй, волюнтаристический, онтологический подход, включающий экономику бизнеса и политическую экономию [104, с. 12-13]. В рамках волюнтаристического подхода стали изучать правила поведения, обязанности, права, ожидания людей, сделки, то есть отношения между людьми (продавцами и покупателями, заемщиками и займодавцами). Таким образом, Дж. Коммонс в развитии онтологических представлений в истории экономической мысли проследил движение по таким выделенным им элементам дисциплинарной онтологии, как товары, чувства и сделки [104, с. 268].

Необходимо отметить, что изложенные Дж. Коммонсом идеи пересекаются с тем, что, как описано в первой главе диссертации, в современной экономической методологии называют продуктовой, поведенческой и

институционально-эволюционной онтологиями, а также общенаучной механистической картиной мира (подробнее: гл. 1 диссертации).

По мнению Дж. Коммонса, онтологические представления во многом зависят от склада ума ученого, находящегося под влиянием интеллектуальной среды той или иной эпохи. В результате в каждую эпоху для различных наук можно выделить общие принципы объяснения феноменов окружающего мира. Дж. Коммонс выделил три таких базовых онтологических принципа, соответствующих трем названным выше основным элементам дисциплинарной онтологии экономической теории (товарам, чувствам и сделкам): принципы механицизма, ограниченности ресурсов и действующих норм предприятия. Развитие экономической теории происходит в движении от принципа механицизма через принцип ограниченности ресурсов к принципу действующих норм предприятия. Расширение дисциплинарной онтологии приводит и к расширению предмета исследования экономической науки (ведь, как известно, с более обширными и гибкими онтологическими представлениями можно изучать и более широкий круг явлений) до норм деловой этики, прав, обязанностей индивидов и коллективов, их представлений о должном, то есть к возвращению к рассмотрению типично этических вопросов. При этом переход от одного «базового принципа экономики» к другому не предполагает отказ от предыдущего, а скорее их взаимодействие и усложнение на новом уровне развития экономики и экономической науки [104, с. 14-17].

Описывая процесс теоретизирования, Дж. Коммонс обратил внимание на большую роль привычек, идеалов и ценностей ученого. Отправным пунктом процесса формирования дисциплинарной онтологии являются привычки и прошлый опыт, действующие как «подсознательные установки» и позволяющие генерировать новые идеи. Многообразие идей требует их отбора на основе системы ценностей, которой придерживается ученый. Ведь из множества идей выбирается та, которая представляется наиболее важной, насущной для достижения будущих целей. Такую идею («избранную» «интеллектуальную конструкцию») Дж. Коммонс определил как «идеал». Выбранную идею ученый

далее определяет, описывает с помощью понятий, символов и принципов, чтобы впоследствии иметь возможность классифицировать экономические явления и увидеть связи между ними. Выбранные идеи могут быть представлены в мышлении разным образом: от интуитивно принимаемых аксиом и максим до подробных описаний понятий. Продолжением определения идей является классификация, то есть группировка идей по степени их сходства. При этом одним из критериев классификации в «должной процедуре мышления» снова оказывается важность тех или иных элементов, факторов для достижения заданной цели. После этого следует собственно научное исследование как проявление «инстинкта любопытства». Результатами исследования являются оценка и действие, то есть понимание важности того или иного варианта поведения, не отделимое от чувств, интуиции, идеалов, и само поведение, действие, результат отбора идей. «Должную процедуру мышления» Дж. Коммонс также характеризовал как персонифицированный процесс, направляемый симпатией и обязанностью, соотносимый с волей других людей. «Должная процедура мышления» не оставляет цели за пределами исследования и призвана ответить на традиционно этические вопросы о том, что есть правильное и неправильное, ложное и верное, разумное и неразумное, справедливое и несправедливое [104, с. 374-377].

Изложенные выше взгляды ученых-экономистов, как было указано ранее, позволяют выделить две идущие от А. Смита ветви в исследовании процесса формирования дисциплинарной онтологии и роли этики в нем, получившие развитие при переходе от классической к неклассической науке, когда и возникает необходимость переосмысления дисциплинарной онтологии. Так, в трудах Г. Шмоллера и Й. Шумпетера угадываются идеи А. Смита о роли привычек, опыта, сведений, полученных из общения с другими людьми, в процессе научного теоретизирования и формирования представлений об экономической реальности, описание процесса восприятия всего нового, значение фантазии, воображения ученого, его мировоззрения, «видения», субъективного восприятия окружающей действительности, которое затем принимает форму «философской системы»,

«системы природы», «картины мира». В работах Т. Веблена и Дж. Коммонса получили дальнейшее развитие идеи А. Смита о роли привычек, предрассудков, праздного любопытства, здравого смысла эпохи, сверхъестественных объяснений, общественного мнения и моды на философские системы. Вслед за А. Смитом эти ученые обратили внимание на наличие в истории науки различных сосуществующих и конкурирующих научных традиций, на сложности преодоления стереотипов мышления, которые мешают разглядеть новое и препятствуют быстрому принятию новых идей. Классики институционализма отмечали то, что большое значение для социально-гуманитарных наук имеет подражание мыслительным канонам естествознания. Они также указывали на взаимозависимость состояния науки и уровня развития культуры общества. На постнеклассическом этапе эволюции экономической науки описанные идеи и взгляды получают дальнейшее развитие в работах экономистов-методологов, среди которых, как уже было сказано, обсуждение онтологических проблем является весьма популярным.

Роль дисциплинарной онтологии в развитии экономической теории невозможно переоценить. Онтологический уровень присутствует в любой теории и представляет собой идеализированный взгляд на объект исследования и форму систематизации научного знания [249, с. 178, 192]. Картина исследуемой реальности определяет стратегию научного поиска, выбор объектов исследования, эмпирической базы, способы формулирования гипотез, методы исследования и интерпретацию полученных результатов [9, с. 75; 11, с. 26, 47, 96; 221, с. 98; 249, с. 327, 383]. С этой точки зрения, по мнению ряда ученых, дисциплинарная онтология сближается с понятиями парадигмы Т. Куна¹⁷, а также научно-исследовательской программы и положительной и отрицательной эвристики И. Лакатоша, поскольку та или иная онтология определяет круг решаемых наукой проблем и отвергает постановку других проблем, объявляя их выходящими

---

¹⁷ Т. Кун также использовал понятие видения ученого, которое он приобретает в процессе обучения, приобщаясь к той или иной научной группе. С помощью видения ученые – представители разных научных школ по-разному воспринимают и интерпретируют явления окружающего мира, как бы живут в разных мирах [113, с. 243, 245, 248, 249, 254].

за пределы предметного поля науки [9, с. 75, 84; 11, с. 123, 124; 24, с. 86; 113; 249, с. 335]. Как указывает О. И. Ананьин, если в основе теории лежит слишком далекая от реальности картина мира, такая теория может исключить из рассмотрения существенные стороны объекта исследования, что будет иметь негативные последствия с точки зрения практического применения теории [11, с. 136]. В связи с этим коренная трансформация картины исследуемой реальности всегда является признаком научной (общенаучной или дисциплинарной) революции [249, с. 204].

С точки зрения взаимосвязи с этикой, роль дисциплинарной онтологии возрастает еще больше, так как уже на этапе формулирования предпосылок теории этические установки и мировоззрение ученого, разделяемые им общечеловеческие ценности влияют на выбор объекта и методов исследования [9, с. 88; 11, с. 217; 68, с. 136; 122, с. 8, 19, 20; 309, с. 6, 7]. Это связано с тем, что ученый-экономист является продуктом общественной среды, он осознанно и неосознанно видит факты в соответствии со своим опытом, положением в обществе, поэтому абсолютно объективный и беспристрастный научный анализ в социально-гуманитарных науках не существует. Такова их особенность, по мнению М. Вебера и Й. Шумпетера [45, с. 369, 380; 294, с. 13, 16, 41, 195]. Предметом изучения или характерным признаком, положенным в основу классификации фактов, становится то, что в силу разделяемых ученым ценностей, предубеждений и даже заблуждений представляет для него исследовательский интерес [45, с. 374; 46, с. 63; 235, с. 409, 481; 264, с. 254, 255].

Неизбежно заложенные в дисциплинарной онтологии нормативные установки могут оказывать обратное влияние на экономическую реальность, менять мировоззрение людей, их восприятие действительности [101, с. 194; 249, с. 193], нередко приводить к тому, что экономическая реальность начинает подстраиваться под свое упрощенное описание. Накопление знаний об экономических феноменах и экономическое прогнозирование могут иметь далеко идущие последствия, в том числе в виде непреднамеренного и неосознанного изменения экономической реальности (эффект самосбывающихся прогнозов)

[148, с. 138; 234; 235, с. 469]. В этом плане картина исследуемой реальности имеет большое этическое значение, так как всякая теория есть определенное представление о реальности, база для критики или одобрения тех или иных явлений [122, с. 1, 22].

Здесь возникает вопрос о том, какое поведение (эгоистически ориентированное или какое-либо иное) считать наиболее распространенным и соответственно положить в основу теоретического исследования и впоследствии использовать как ориентир при разработке социально-экономической политики и базу экономического образования. Яркой иллюстрацией описанной проблемы является классическая механическая картина мира, представляющая человеческое общество как совокупность эгоистов, преследующих лишь собственный интерес. Некоторые исследования показывают, как формируются различия в ценностных ориентациях людей в правоприменительной практике, а также в ценностных установках студентов различных направлений подготовки: студенты-экономисты оказываются более эгоистически настроенными и менее склонными к кооперации [301]. Поэтому неудивительно, что многомерный мир разных людей (эгоистов, альтруистов, людей смешанного психотипа) постепенно может превратиться в мир только эгоистов. Очень убедительно этот тезис раскрывает С. Боулз [31].

Необходимо подчеркнуть, что формулировка онтологических принципов осуществляется ученым-теоретиком, как правило, неосознанно. Четкую экспликацию онтологии теории могут впоследствии осуществить философы, историки науки и методологи. В любом случае ученый не может быть свободен от влияния культуры, ценностей и других так называемых фильтров, а значит уже на этапе формирования фундамента теории в работе ученого неизбежно присутствует этический компонент [2, с. 57; 11, с. 26; 249, с. 504].

Обобщение взглядов А. Смита, Г. Шмоллера, Т. Веблена, Дж. Коммонса, Й. Шумпетера, философов науки и методологов позволило систематизировать следующие функции дисциплинарной онтологии в экономической теории [9, с. 77; 10, с. 4, 7, 24; 26, с. 100, 105, 109; 249, с. 11, 12, 533, 537]:

- 1) выбор стратегии и предмета исследования;

- 2) определение предпосылок теории, основных элементов картины экономической реальности, их свойств и связей между ними во времени и пространстве;
- 3) обеспечение философского фундамента экономического знания;
- 4) трансформация дисциплинарной онтологии как признак научной революции;
- 5) выявление структуры и направлений развития экономической науки, систематизация накопленного знания;
- 6) влияние на мировоззрение общества благодаря традиционно высокому уровню доверия к научной деятельности.

На этапе преднауки онтологическим основанием экономических воззрений служила этика [76, с. 119-127; 221, с. 90; 136, с. 16]. В классической политической экономии в качестве образца для подражания была выбрана классическая механика. Успехи естествознания способствовали намерениям построить науки о человеке и обществе по законам наук о неживой природе. Дж. С. Милль в своем очерке о предмете и методе экономической теории высказал мнение о том, что политическая экономия – это «абстрактная наука», не рассматривающая целостную природу человека. Человек для нее лишь существо, сфокусированное на получении наибольшего количества благ с наименьшими затратами [136, с. 1006]. Как следствие, политическая экономия постепенно превращалась в точную науку о вымышленных мирах, которые строят экономисты-математики вместо того, чтобы пытаться объяснить реальную действительность [141, с. 85]. Десятилетия интеллектуальных усилий ушли на то, чтобы превратить науку о человеке в инженерно-физическую дисциплину. В эпоху классицизма науки субъект и объект познания были строго разделены, следовательно, этические аспекты не могли быть частью экономико-математического моделирования. Маржиналистская революция была совершена в том числе математиками, инженерами и физиками, что еще больше закрепило упрощенное, удобное с математических позиций представление об экономике как мире атомизированных индивидов. Необходимые для целей формализации предпосылки невероятным

образом находили «естественное» объяснение и объявлялись свойствами реальных экономических субъектов. До сих пор в качестве онтологии ряда течений экономической мысли выступает математика [4, с. 87; 26, с. 107; 76, с. 120; 119, с. 101-103, 107]. Однако в процессе формирования постнеклассической экономической теории имеет место онтологический поворот, состоящий в рассмотрении человека не только как субъекта и объекта познания, но и как высшей цели экономического развития (что соответствует критериям постнеклассической научной рациональности). Это означает возвращение к традициям древнегреческой философии (на чем наиболее активно настаивал Г. Шмоллер) принятия этики в качестве онтологии экономической теории.

Онтологический уровень взаимосвязи экономической теории и этики находит отражение в бытии человека как гетерогенного экономического субъекта, проявляющего себя в хозяйственной деятельности. В связи с этим важнейшее значение имеет понимание этики как науки о человеке, означающее, что экономика и этика связаны благодаря природе человека и человеческой деятельности [101, с. 7, 25], поскольку ценности, нравы, мотивы, интересы, потребности, образ действия людей, их представления и ожидания являются одновременно предметом этики и факторами экономической деятельности [5, с. 9; 218, с. 54; 236, с. 78]. Если этика – наука о человеке, то экономика есть отражение природы человека в процессе хозяйствования.

Онтологическая взаимосвязь экономической теории и этики также находит выражение в языке науки, во многих этико-экономических категориях, которые являются не только инструментами упорядочивания фактов, структурирования реальности и экономического анализа, но и отражением видения реальности и отношения к экономическим явлениям [122, с. 20]. Альтернативные издержки, означающие, по сути, расстановку приоритетов [5], цена и стоимость (ценность) как общественные явления (что было показано К. Марксом [127] и Дж. Коммонсом [104, с. 407]), капитал, который, по выражению Дж. С. Милля, может считаться таковым в зависимости от «намерений» «употребить» его [136, с. 138], ценность тех или иных благ, которую приписывает им человек в

соответствии со своими добродетелями (по Аристотелю), конкуренция, дословно означающая «совместный труд, заботу, стремление», совершенная конкуренция, имеющая место только при соблюдении этических требований [5, с. 9, 27, 31], разделение труда, как ничто другое объединяющее людей и усиливающее их взаимозависимость [261, с. 258], – все это примеры этико-экономических категорий.

Ярким примером взаимосвязи экономических и этических категорий является слово «промышленность», в германских и романских языках берущее начало от лат. «industria». В процессе экономического развития значение этого слова прошло следующий путь: «ревностная деятельность», «прилежание», «усердие», «старание», «упорство», «напряженная работа» → «профессиональная деятельность», «ремесленные навыки» → «ремесленное производство как форма хозяйственной деятельности» → «совокупность видов деятельности, приносящих крупный доход» → «крупное предприятие» и соответствующий способ организации производства → «крупное машинное производство» [45, с. 114-115; 218, с. 308].

Вопрос об этико-экономических категориях имеет большое значение с позиций попыток очищения языка экономической теории от этических наслоений (так называемая эвфемизация) путем замены этически окрашенных категорий на более нейтральные термины, которые, тем не менее, сохраняют свой этический смысл. К таким терминам относятся «оптимальный», «равновесный», «рациональный», которые, по сути, воспринимаются как соответствующие некоему лучшему, правильному, желательному состоянию, к которому следует стремиться, то есть фактически являются нормативными понятиями. В зависимости от целей, поставленных экономическими субъектами, то или иное утверждение из нейтрального превращается в ценностно окрашенное. Так происходит с некоторыми «нейтральными» предпосылками экономической теории, фактически становящимися целями, к которым разумно и желательно стремиться. Это предпосылки совершенной конкуренции, максимизации прибыли или полезности, оптимума Парето, а также понятие экономического роста.

Этически окрашенными являются и другие понятия и предпосылки экономической теории. Например, описание чего-либо как естественного или нормального (нормальное экономическое поведение по А. Маршаллу или естественная безработица по М. Фридмену) подспудно указывает на то (как заметил еще Т. Веблен), что это нечто является средним, наиболее распространенным и устойчивым, проверенным временем, неизбежным, а потому правильным, желательным, не требующим изменений [78, с. 130; 122, с. 20-22; 309, с. 8, 9, 12; 334, с. 53, 166].

Позитивистские философские основания экономической теории потребовали этической нейтрализации таких понятий, как алчность, жадность, плутовство, стяжательство, ценность, полезность, удовольствие, этические ценности, права и обязанности. Вместо них стали говорить о предпочтениях, условиях окружающей среды, интересах, ограничениях, максимизации, формальных и неформальных нормах, правилах игры, действиях и противодействиях [67, с. 136-137; 104, с. 98, 145; 148, с. 213, 221, 295; 215, с. 480; 331, с. 23]. Однако, как замечает П. А. Ореховский, различные предпочтения – это всегда разные цели и ценности [199, с. 20]. Аналогичная участь ждала такие этические категории, как бережливость и умеренность, которые были заменены на воздержание [294, с. 840]. Этической нейтрализации языка экономической науки также способствует использование метафор [78, с. 296].

Что касается различных граней человеческого поведения, которые не одно столетие считались пороками, то их заменили на гораздо более «спокойные» термины, например, лживость, коварство, предательство продолжили свое существование в экономической теории «в образе» асимметричности информации, «морального риска», оппортунизма, эффекта безбилетника. Как следствие, без опоры на этические ценности стало возможным изучать как вполне нормальные вещи оппортунизм, преступность, коррупцию, дискриминацию, рассматривать их позитивные и негативные последствия для экономики, переводить на денежный язык отношения в семье и даже определять «цену людей» с помощью строгих математических методов. Неудивительно, что

преступники оказываются оптимизаторами национального благосостояния, коварство в бизнесе – нормой при рассмотрении хозяйственных споров в суде, а коррупция – заменителем неэффективных институтов [20; 38, с. 150, 153; 43, с. 155; 138, с. 689; 218, с. 395; 235, с. 428; 278, с. 232].

Необычайно ярким примером эвфемизации языка экономической науки являются работы Д. Норта. При их внимательном прочтении нельзя не заметить, что за словами «убеждения», «верования», «интенции», «система убеждений», «убеждения, разделяемые людьми» скрываются ценности и мотивы, а формальные и неформальные (в том числе этические) нормы заменяются на «правила игры» [190, 191].

Ряд ученых выражает мнение о том, что позитивистские установки на этическую нейтрализацию экономической теории, а также требования классической научной рациональности, стремление соответствовать критериям объективности естественных наук затронули даже само название теоретической экономической науки. Были сделаны попытки заменить термин «политическая экономия» другими словами и словосочетаниями с использованием более нейтральных и соответствующих духу позитивизма и классицизма науки терминов «позитивный», «анализ» и других. А. Маршалл полагал, что отказ от «политической экономии» в пользу «экономикс» должен был позволить уйти от неудобных социально-политических вопросов и получить «чистую» науку [55, с. 79; 128, т. I, с. 100; 327, с. 53]. Замена терминов на некоторое время, действительно, дала возможность уйти от проблемы ценностей, создала видимость этической нейтральности экономической теории, однако уже в 1970-е гг. термин «политическая экономия» снова вошел в моду, что указывает на изменения в представлениях ученых-экономистов о мировоззренческом значении их профессии [206, т. 1, с. 52].

Эвфемизация – типичная черта инженерного подхода (Дж. Коммонс, А. Сен) в экономической теории, который связан с крайне узким пониманием этики и исследованием логистических вопросов распределения материальных ресурсов и функционирования рынков нередко именно инженерами [236, с. 20, 76].

В отличие от социально-ориентированного подхода инженерный подход не предполагает решение типично этических вопросов о целях человека, о том, что есть благо. Цели человека считаются заданными. Задача состоит лишь в том, чтобы найти средства для их достижения [236, с. 19]. По мнению Дж. Коммонса, именно по причине отказа от исследования целей экономического поведения и происходит «сползание» экономической теории «в физику или метафизику» [104, с. 145]. Инженерный подход также, как правило, сочетается с высокой степенью формализации экономико-теоретических построений. Включение этических факторов в экономический анализ лишает экономическую теорию точности и строгости математических выкладок, благодаря которым она особо отличается от других социально-гуманитарных наук, однако позволяет приблизить экономическую теорию к реальности и потребностям хозяйственной практики. Некоторые разделы современной постнеклассической математики уже сегодня могут внести вклад в формализованное описание ряда явлений действительности [18, с. 13, 14; 26, с. 110; 206, т. 1, с. 20]. Отказ от исследования некоторых явлений по причине их неэкономичности и нематематизируемости представляется неплодотворным для развития самой науки. В то же время, несмотря на прогресс математики, крупнейшие открытия в экономической теории делались, как правило, без ее помощи, хотя и могли быть впоследствии в упрощенной форме переведены на математический язык [76, с. 136].

По мнению А. Сена, отказ от этики как онтологического основания экономической теории имел весьма негативные последствия для развития науки [236, с. 23], в результате чего неформализуемые явления в экономических моделях стали рассматриваться как неэкономические, случайные, несущественные. Экономическую теорию наводнили сверхъестественные объяснения [134, с. 135, 137, 296]: если причины экономических явлений нельзя найти в природе и поведении человека, то их приходится искать в «невидимой руке», нескольких «естественных» склонностях, «судьбе», «духах», «шоках» и «случайностях». Из этого вытекает мысль о превосходстве последнего по времени возникновения порядка вещей как самого «прогрессивного», поскольку он

формировался «спонтанно», «естественным», эволюционным или случайным путем [45, с. 367, 370; 77, с. 299; 101, с. 28; 275, с. 18; 303, с. 15; 309, с. 12]. Таковы, по мнению Т. Веблена, проявления архаических анимистических онтологических представлений [46, с. 276; 334, с. 98, 100-103, 112].

В этом плане даже математическое моделирование не решает проблему свободы от ценностей и этики, так как ответ на вопрос, что считать причиной и следствием, существенным и решающим, собственно экономическим, а что оставлять на откуп другим наукам, считать социологическим, психологическим или вообще случайным, несущественным, какие факторы включать в модель, а какие – нет, становится произвольным, субъективным, ценностно окрашенным [137, т. I, с. 382; 147, с. 157]. В результате возникает противоречие. То, что традиционно считается субъективным, этическим, выбрасывается из теоретических экономических рассуждений, хотя именно этика в своей когнитивной функции привносит в экономическую теорию гораздо больше объективности. Действительно, любая модель экономического поведения есть сознательное упрощение реальности. Однако, что мы положим в ее основу, какой мотив человека признаем в качестве наиболее распространенного, типичного, а следовательно, достойного внимания ученого, подспудно означающего нечто допустимое, приемлемое, нормальное, – все это зависит от этических предпочтений конкретного ученого, то есть весьма субъективно. Если же мы признаем, что человеком в разных ситуациях движут разные мотивы, что его ценности могут меняться, что он является обладателем различных свойств и характеристик, то есть если мы признаем сложность и многофакторность экономического поведения и относительную равнозначность всех характеристик человека, которые находят выражение в его хозяйственной деятельности, мы получаем гораздо более объективную и полную, хотя и менее формально удобную модель человека как сложного целого. Более субъективной и этически окрашенной модель человека становится как раз тогда, когда мы собственные убеждения представляем как всеобщие (М. Вебер) или все многообразие этических свойств человека сужаем до одно-двух. Кладя эти немногие свойства в

основу модели человека, мы тем самым подспудно заявляем о том, что они являются наиболее распространенными, средними, нормальными, допустимыми, типичными, мы признаем их значимость, даем их этическую оценку. Отсюда вытекает вопрос об идеалах и нормах научности. Если мы, ориентируясь на достижения естественных и точных наук, стремимся к простоте, непротиворечивости и повышению степени формализации, модель человека будет одной. Если же наша цель – повышение полноты, реалистичности и объективности экономического анализа даже ценой его усложнения, то модель человека будет другой.

Таким образом, своеобразный парадокс состоит в том, что, чем больше мы стремимся сделать онтологические предпосылки экономической теории¹⁸ этически нейтральными, тем более ценностно окрашенной и субъективной становится модель человека экономического, определяющая объяснительные возможности экономической науки, что соответствует второму, гносеологическому, уровню взаимопроникновения экономической теории и этики. Гносеологический уровень имеет непосредственное отношение к теории познания, тенденциям и перспективам развития экономической теории во взаимодействии различных форм общественного сознания. Диссертационная работа базируется на широком (диалектическом и культурно-историческом) подходе к пониманию истории и методологии экономической теории, что соответствует критериям постнеклассицизма, когда каждая научная дисциплина рассматривается как сложная саморазвивающаяся в определенном историческом контексте система. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что гносеология как теория познания исследует процесс получения знания, а не только конечный результат этого процесса, а также субъектно-объектные отношения, возникающие в науке. Наука в гносеологии трактуется как социальный институт, в котором неизбежно отражаются исторические особенности развития соответствующей эпохи [265, с. 455; 266, с. 650-652]. Когда-то экономическая теория (политическая

---

¹⁸ Для социально-гуманитарных наук, то есть наук о человеке и обществе, ключевым элементом дисциплинарной онтологии является модель человека (подробнее: п. 4.1 диссертации).

экономия) зародилась в недрах этики, сегодня, с гносеологической точки зрения, их взаимосвязь может быть очень плодотворной. Речь идет как о развитии предмета исследования, так и о расширении возможностей объяснения явлений экономической реальности. В рамках междисциплинарного взаимодействия на стыке различных наук о человеке и обществе складываются условия для решения многих застарелых социально-экономических и экономико-теоретических проблем. В результате экономическая теория становится все более ориентированной на практику, на потребности человечества и даже счастье людей, в том числе будущих поколений. Постнеклассическая наука в целом характеризуется как междисциплинарная. Именно путем междисциплинарных и межпарадигмальных прививок в социально-гуманитарных науках осуществляются коренные изменения [249, с. 12]. Как показано в диссертации, изменения в экономической теории при переходе к неклассицизму и постнеклассицизму науки всегда сопровождались обращением к истокам экономической теории, к этике. По мнению автора, также немаловажно подчеркнуть, что обращение к этике позволяет выявить особенности эволюции экономической теории и обосновать перспективы ее дальнейшего развития.

Повышение объяснительных и прогностических возможностей экономической науки может быть связано с развитием модели человека, на которую опирается большинство ученых в своих исследованиях. Как было упомянуто выше, признание сложности и многогранности природы человека лишь способствует объективности научного исследования. Ряд ученых полагали и полагают, что включение этических ценностей в экономический анализ как характеристик реального поведения людей способствует повышению эвристического потенциала экономических теорий [9, с. 88]. В частности, по мнению А. Сена, этически ориентированный подход к моделированию поведения человека (то есть включение в экономический анализ ценностей, которых придерживаются экономические субъекты) мог бы быть очень продуктивным. Отказываясь от изучения этических аспектов экономического поведения (точнее, представляя, что они являются искажающими факторами или не относятся к

компетенции экономической науки), мы концентрируемся на изучении только результата выбора, а не процесса выбора. Как следствие, все, что предшествует результату выбора, оказывается за пределами исследования [236, с. 23, 25, 68]. Между тем, этические аспекты содержатся в любом человеческом поступке, на любом этапе деятельности хозяйствующего субъекта при принятии управленческих решений: анализ деловой среды, выбор целей и средств их достижения, оценка эффективности хозяйственной деятельности неизбежно связаны с этическими вопросами [101, с. 174].

В этом плане А. Сен различает два аспекта экономического поведения – аспект деятельности и аспект благоденствия. Деятельностный аспект подразумевает анализ мотивов, целей, последствий экономических решений, а также ценностных суждений экономического субъекта и других людей, что требует гораздо более широкого понимания природы человека. Последнее напрямую связано с когнитивным аспектом взаимосвязи экономической теории и этики и этикой как наукой о природе человека, личности. В противном случае возникает угроза выплеснуть «аналитического «ребенка» вместе с философской «водой»», появляется искушение и возможность превратить социально-гуманитарную науку экономическую теорию в техническую дисциплину, а отношения людей свести к отношениям вещей (то есть результатам выбора). Этически ориентированный и деятельностный подходы способствуют повышению степени реалистичности, расширению сферы применимости и прогностических возможностей экономической теории [236, с. 85, 87; 294, с. 141].

Важно подчеркнуть, что учет в экономическом анализе ценностных установок экономических субъектов вовсе не означает, что исследователь разделяет эти ценности [235, с. 277; 236, с. 66], то есть можно не выносить ценностное суждение, а изучать влияние идеалов, ценностей и представлений о должном на экономическое поведение [78, с. 127; 327, с. 44-46]. Как указывал М. Блауг, признание наличия индивидуальных ценностей и предпочтений и учет их в экономическом анализе – это не ценностное, а методологическое суждение [24, с. 210]. При этом под ценностным суждением понимается определенная

этическая позиция, занятая ученым по отношению к некоторому объекту исследования [45, с. 450].

Третий уровень взаимосвязи экономической теории и этики относится к праксеологии – теории эффективной организации деятельности с точки зрения этического выбора и ценностных аспектов взаимодействия людей [298, с. 384]. Соответственно праксеологический уровень взаимосвязи экономической теории и этики проявляется в том, что экономическая теория является не только видом практической деятельности, но и оказывает непосредственное влияние на хозяйственную жизнь общества через систему образования, публикации, консультирование.

Рост постнеклассического научного знания происходит за счет гуманизации самой науки, в которой как никогда ранее повышается роль этики ученых, обязанных принимать во внимание социально-экономические последствия предлагаемых ими теорий в области качества жизни населения, психологических, экологических и демографических последствий хозяйственной деятельности, социальной политики, долгосрочного прогнозирования. Ведь, как уже было сказано, принятие во внимание этических установок людей (в том числе ученых) не только не препятствует, но и способствует продвижению к объективно-истинному научному знанию [10, с. 23; 266, с. 395].

При этом необходимо не забывать о специфике объекта и предмета экономической теории, которые самым тесным образом касаются каждого человека, связаны с денежными, финансовыми вопросами и, следовательно, с этическим выбором. Определение тем, методов научных исследований и направлений практического применения их результатов также этически обусловлено. Можно сказать, что экономические отношения, складывающиеся в обществе, неизбежно проявляют себя и в научной среде. Поэтому на праксеологическом уровне рассматриваются вопросы отношений внутри научного сообщества и отношений с пользователями и заказчиками научных результатов, вопросы выбора тематики и методов исследования с точки зрения материальных и репутационных критериев [11, с. 41, 42; 28, с. 50; 264, с. 34; 301].

Особенно остро проблема взаимосвязи экономической теории и этики встает при использовании научных результатов в практике хозяйствования, так как измышления ученого-экономиста становятся не только его личной удачей или неудачей, но и затрагивают судьбу очень многих людей. В данном случае ученому нередко приходится делать этический выбор между репутацией, совестью и материальными соображениями. В экономической теории есть немало примеров того, как этические предпосылки теорий и ценности ученых менялись в зависимости от разнообразных институциональных и организационных факторов. Некоторые примеры взаимозависимости этических и экономических взглядов ученых приводят А. Г. Худокормов и Дж. Ходжсон [235, с. 101; 279, с. 27; 281, с. 25]. Поскольку ученые всегда пользуются особым доверием общества, по сравнению с представителями других профессий, это накладывает на них дополнительную ответственность [28, с. 49].

Праксеология взаимосвязи экономической теории и этики проявляется и в сфере экономического образования, благодаря которому экономические теории проникают в культуру молодого поколения как наиболее экономически активного в будущем населения и влияют на принятие управленческих решений, поэтому без преувеличения можно сказать, что экономическое образование конструирует экономическое поведение. Большое праксеологическое значение имеет подготовка будущих ученых, которые изучают не только приемы и методы научной работы, но и усваивают ценностные ориентации научного сообщества, в котором они воспитываются [249, с. 53, 230].

На праксеологическом уровне возникает проблема экономической эффективности, которая имеет этическое измерение, так как связана с выгодой и нравственностью тех, кто получит эту выгоду, с частными и общественными интересами [5, с. 10, 66; 101, с. 10, 11, 26, 118-121, 147, 310; 236, с. 73-74]. Указанная проблема актуализируется на поворотных этапах экономической истории, когда требуется пересмотр критериев экономической эффективности, когда существующие критерии исчерпали свои возможности, перестали отвечать потребностям человека. В этот момент остро встает проблема ценностных

суждений, так как любой критерий экономической эффективности (как этической категории), – это всегда отражение верований и убеждений людей, принятой в обществе системы ценностей [11, с. 185; 147, с. 153-154; 309, с. 8, 9].

Таким образом, видно, что проблема этической нагруженности экономического знания возникает на онтологическом и гносеологическом уровнях при формулировании предпосылок теории, выборе предмета и методов научного исследования, а также в процессе применения его результатов на праксеологическом уровне, то есть имеет место тесная взаимосвязь экономической теории и этики, что и отражает выявленная в диссертации философско-методологическая структура этой взаимосвязи. Ценности, идеалы и этические ориентиры являются составной частью предмета и процесса познания. Поэтому отечественные и зарубежные ученые (в том числе М. И. Туган-Барановский; Дж. Н. Кейнс, Дж. Коммонс, М. Вебер, Й. Шумпетер, Г. Мюрдаль) полагали и полагают, что гораздо объективнее не изгонять ценности и этику в целом из экономического анализа, а открыто признать их влияние на экономическое поведение и учитывать их причинный характер, что обусловлено спецификой социально-гуманитарных наук [24, с. 202; 27, с. 68; 114, с. XVI; 138, с. 189, 196, 197; 235, с. 407, 408, 533; 327, с. 44-46]. Причем признание в явном виде ценностных установок ученого или объекта познания (человека) не препятствует росту научного знания, не снижает объективность теории и не делает ее сразу ложной [122, с. 9, 23; 235, с. 472; 294, с. 23, 43]. По словам М. Вебера, за «наивным самообманом» свободы от ценностных суждений может скрываться попытка избегать «неприятных фактов» и «маскировка» собственных ценностей. Часто это проявляется в том, что под средним, нормальным, распространенным поведением прячется собственная ценностная позиция, так как наиболее распространенным, безусловным, очевидным человеку кажется то, что соответствует его системе ценностей. Объективной и методически корректной является та научная аргументация, которая не отказывается от идеалов и не пытается избежать конфликтов, а соответствует нашей потребности упорядочивать явления действительности так, чтобы согласовываться с

эмпирическими фактами и быть понятной другому человеку [45, с. 353-356, 380; 235, с. 438].

Экспликация этических ориентаций ученого дает экономической теории большие преимущества и стимулы для развития. Обмен мнениями необходим науке для ее собственного совершенствования. Наука, в которой одна школа (направление) провозглашает себя единственно верной, не может развиваться. Добросовестная, открытая полемика способствует появлению новых идей, оттачиванию собственной аргументации, научной объективности и росту научного знания. Приращение научного знания во многом происходит за счет поисков компромисса, иногда взаимной критики представителей различных направлений экономической мысли, которые в ответ на эту критику ищут пути совершенствования собственных теорий и методологии, что позволяет продвигаться по пути научной истины [24, с. 218; 45, с. 554; 124, с. 8; 125, с. 17, 31; 143, с. 136]. Таким образом, мы возвращаемся к высказанной автором ранее идее о том, что, чем больше мы пытаемся учесть этическое разнообразие факторов экономического поведения и типов экономических субъектов (в исконном значении этики в рамках когнитивного аспекта), признаем ценности субъектов и объектов познания, их мотивы, цели, интересы, потребности, привычки, то есть говорим, казалось бы, о вещах, которые традиционно относятся к сфере субъективного, тем объективнее, полнее, реалистичнее становится наше знание по сравнению с тем случаем, когда мы предполагаем, что ценностей можно избежать, рассматривать их как случайные, искажающие или не относящиеся к сфере экономики факторы, когда чей-либо образ жизни выдается за общераспространенное поведение или вместо многообразия черт человека анализируются всего одна-две очевидные для кого-либо склонности, принимаемые за предпосылки, не требующие доказательства. История экономической мысли показывает, что признание тех или иных предпосылок не требующими доказательств может быть источником многих методологических проблем [206, т. 1, с. 121]. Не спасает положение и использование формальных методов, ведь, как было показано ранее, выбор того, что считать существенным и

что включать в модель, также является субъективным (даже если опустить трудности, связанные с математическим моделированием, а также проблемы генерирования и доступности статистических данных).

Выявленная в диссертации философско-методологическая структура взаимосвязи экономической теории и этики позволяет выделить диапазон подходов к проблеме взаимосвязи двух наук, сложившихся в отечественной и зарубежной историографии и методологии экономической теории. Данные подходы можно расположить между условными полюсами 1) полного отрицания роли этики в экономическом теоретизировании и 2) всестороннего признания неотъемлемой многоаспектной взаимосвязи экономической теории и этики. Между этими полюсами расположены подходы, с помощью которых анализируются отдельные грани взаимосвязи экономической теории и этики.

Причем выбор того или иного подхода, которого придерживается ученый (теоретик или методолог), зависит от того, как он понимает этику. Как уже не раз отмечалось, чаще всего этика ассоциируется с моралью, должным, правильным, идеальным поведением как противоположностью аморального поведения в рамках дихотомии «эгоизм – альтруизм» (Дж. Н. Кейнс, М. Вебер, Дж. Бьюкенен, А. Сен), поэтому в экономической теории и получили наибольшее развитие прикладной и императивный аспекты [78, с. 91; 236, с. 19, 22, 33; 327, с. 35, 37]. Неудивительно, что проблемы взаимосвязи экономической теории и этики, блага для общества и индивида, этических последствий экономического поведения в методологическом плане сводятся к анализу соотношения нормативной и позитивной науки, а также к проблеме свободы экономических теорий от ценностных суждений. Когнитивный аспект взаимосвязи экономической теории и этики проявляется через разнообразие этической природы экономических субъектов и явно не эксплицируется. В лучшем случае может идти речь о ценностях экономических субъектов как предпосылках теории, в частности в рамках теории общественного благосостояния (А. Сен), но не о целостной этической природе человека (а это и есть когнитивный аспект, соответствующий исторически первому значению этики). Споры по поводу роли

этики в экономической теории часто возникают по причине того, что ведутся о разных вещах. Ярким примером служит критика М. Вебером позиции Г. Шмоллера. Если для первого вопросы этики в экономической теории – это вопросы соотношения сущего и должного, объективной науки и ценностных суждений, идеалов и норм, то для второго этика (помимо перечисленного) – также наука о человеке, тесно связанная с психологией, изучающая психо-этические причины хозяйственных явлений, индивидуальные и коллективные духовные силы человека (чувства, представления, добродетели, привычки, цели), которые создали хозяйственную культуру. Это соответствует характеристике Г. Шмоллером науки о народном хозяйстве как науки этической [45, с. 350; 290, с. 72, 74]. Удивительным образом оппонент Г. Шмоллера в «споре о методах», К. Менгер, также называл все человеческие, социальные, в том числе народнохозяйственные, явления этическими, однако при этом австрийский ученый не считал возможным существование «этического направления» в национальной экономике. Причина этого противоречия во взглядах основателя австрийской школы, как видно из рассуждений самого К. Менгера, по всей видимости, кроется в смешении науки этики с ее предметом – моралью, в сведении этического направления экономической науки к моральным суждениям по поводу хозяйственных явлений, например, с точки зрения справедливости [131, с. 380, 492-493].

Итак, первый подход к взаимосвязи экономической теории и этики предполагает полный декларативный отказ от этики во всех ее трех трактовках, а следовательно, отказ от изучения роли ценностей (и в целом многообразия элементов этической природы) экономических субъектов и ученых-экономистов. Этот подход выносит вопросы этики за пределы экономической науки (его приверженцами являются большинство представителей классической политической экономики XIX века, а также маржинализма и неоклассики, например, Л. Роббинс и М. Фридмен) [235, с. 341, 342, 455; 264; 269]. Парадоксально, но подход с точки зрения этической нейтральности экономической теории представляет собой не что иное, как этическую позицию,

императив, нормативное требование, предъявляемое в рамках позитивной экономической теории [122, с. 16].

Второй подход (соответствующий онтологическому уровню структуры взаимосвязи экономической теории и этики) означает рассмотрение экономической науки как социального института, в результате чего этика в виде ценностных установок, мировоззрения ученого проникает в теоретические рассуждения, в науку как часть культурного пространства. К представителям данного подхода можно отнести таких зарубежных и отечественных ученых, как М. Вебер, Й. Шумпетер, Дж. Бьюкенен, А. Сен; О. И. Ананьин, Н. А. Макашева, И. Г. Чаплыгина.

Третий подход соответствует гносеологическому уровню философско-методологической структуры взаимосвязи экономической теории и этики. Он обусловлен учетом ценностных ориентаций экономических субъектов, а также их неэгоистической мотивации (при обыденном понимании этики как сферы должного) как предпосылок экономического анализа (Дж. Н. Кейнс, А. Сен, А. Этциони, Д. Хаусман, М. МакФерсон; М. И. Туган-Барановский, О. И. Ананьин, И. Г. Чаплыгина). Однако предпосылками экономической теории могут быть не только ценности экономических субъектов, но и все многообразие элементов этической природы личности, что соответствует когнитивной функции этики в развитии экономической теории и методологии и новому предметному полю взаимосвязи экономической теории и этики, о котором идет речь в п. 1.2 диссертации и развитие которого является одной из ключевых особенностей эволюции экономической науки.

Четвертый подход соответствует праксеологическому уровню структуры взаимосвязи экономической теории и этики и основан на учете влияния ценностей ученого как члена профессионального сообщества при использовании заключений теории на практике (Дж. С. Милль, Г. Мюрдаль, Д. Хаусман, М. МакФерсон; О. И. Ананьин, И. Г. Чаплыгина).

Наконец, пятый подход можно назвать интегральным, он означает всестороннюю, многоаспектную и многоуровневую взаимосвязь экономической

теории и этики при широком понимании этики как науки о человеке, а не только сферы идеалов и ценностей. Наиболее яркими представителями данного подхода в истории экономической мысли, по мнению автора, являются А. Смит, К. А. Сен-Симон, Г. Шмоллер, Т. Веблен, Дж. Коммонс и Дж. М. Кейнс.

Выявленные в диссертации характер взаимосвязи экономической теории и этики и философско-методологическая структура взаимосвязи двух наук образуют концептуально-методологический фундамент исследования этических аспектов развития экономической теории и методологии (приложение Б), позволяют не только выделить различные подходы к проблеме взаимосвязи экономической теории и этики, сложившиеся в историографии и методологии экономической теории, но и проследить эволюцию дисциплинарной онтологии экономической теории.

3.2 Эволюция дисциплинарной экономической онтологии во взаимосвязи с этикой

Состояние современной постнеклассической экономической теории характеризуется повышенным вниманием к этическим аспектам хозяйственной деятельности человека, а также возрастанием роли этики как науки о человеке в экономических исследованиях. Своеобразным отражением и подтверждением этих особенностей постнеклассического теоретического знания является формирование в конце XX века гуманистической онтологии экономической теории, связанной с изучением сверхсложных человекообразных систем.

Современная экономическая теория все в большей степени может быть охарактеризована активизацией использования качественных методов исследования, которые долгое время считались более традиционными для других наук о человеке и обществе [216, с. 109; 231, с. 50]. Так, экономическая теория заимствует из антропологии, социологии и психологии методы включенного наблюдения, массовых опросов [24, с. 97]. Наряду с математическими

доказательствами все более популярными становятся логические, вербальные доказательства, так называемое «рассказывание историй» (в котором «обвинялись» представители исторической школы и традиционного институционализма, а сегодня его используют (использовали) признанные авторитеты экономической теории: Д. Норт, А. Грейф, Д. МакКлоски). «Рассказывание историй» можно рассматривать как вариант метода исторической реконструкции, который проник даже в естествознание, например, в биологию, геологию и космологию [25, с. 67; 143, с. 138; 252, с. 28].

Исследование человекоразмерных систем обуславливает необходимость применения междисциплинарного и даже мультидисциплинарного подходов, интеграции теоретических и прикладных исследований, поскольку благодаря этому можно учесть различные особенности поведения человека (а не только человека экономического), а также социально-экономические последствия хозяйственной деятельности, в то время как сложность, нелинейность, стохастичность экономической реальности превращает узкодисциплинарные исследования в фрагментарные [251, с. 72].

Развитие экономической теории и методологии в рамках гуманистической онтологии предполагает отказ от жестких аксиом о природе человека в пользу разнообразия факторов и типов экономического поведения. Гуманистическая картина экономической реальности также означает принятие того очевидного факта, что не будь человека, не было бы ни экономической науки, ни самой экономики, что свойства социальных систем возникают вследствие взаимодействия этически гетерогенных экономических субъектов [72, с. 47; 134, с. 135, 168; 218, с. 275; 278, с. 408; 303, с. 24].

Гуманистическая онтология предполагает рассмотрение поведения целостного человека в его взаимодействии с другими людьми и окружающим миром. В экономике и экономической теории функционирует не просто индивид, а человек как личность, продукт истории и общественной эволюции, источник изменений и в то же время член коллектива, общества, человеческого рода. Соответственно, эффективность управленческих решений и социально-

экономической политики достигается не столько путем «совершенствования» формальных норм или некритичного заимствования чужих рецептов, сколько пониманием этической природы человека. При этом и само общество нельзя рассматривать как самостоятельное образование, существующее вне и над индивидами, в противном случае происходит «уход в мистицизм», а поведение индивидов начинают объяснять действием сверхъестественных сил, «духов». Общество в действительности – объединение индивидов, но не однообразных и атомизированных, а действующих в условиях, созданных предыдущими поколениями, но прошедших через индивидуальное сознание и опыт. В социологии и психологии эти процессы получили названия социализации и интернализации [32, с. 55, 57; 42, с. 122; 132, с. 205-212]. Историю творят конкретные люди, но в некоторых обстоятельствах, созданных и изменяемых людьми, в том числе предшествующими поколениями [127, т. 3, с. 37].

Поскольку гуманистическая картина мира формирует представления о взаимодействии этически гетерогенных экономических субъектов, обладающих разными мотивами, потребностями, привычками, целями, интересами, то экономика предстает в виде многомерного пространства-времени, в котором большое значение приобретают ценностные ориентации людей. В рамках гуманистической онтологии основные индикаторы экономической эффективности связываются с самим человеком, его развитием, качеством его жизни, а не только представлениями о материальном богатстве как мере всех вещей [16, 151]. По словам А. Риха, в гуманной экономике ставится цель реализации потребностей человека как многогранной личности без ущерба интересам других людей, всего человечества [218, с. 278].

Большое значение, с точки зрения современного постнеклассического этапа развития теоретического знания, придается единству субъекта и объекта познания и учету их ценностных ориентаций. Для профессионального ученого-экономиста эпохи постнеклассицизма учет этики хозяйственной деятельности и социальных последствий внедрения результатов науки становится само собой разумеющимся, неотъемлемым элементом научного поиска, а не чистого любопытства или

обеспечения определенного материального и социального положения. Таким образом, гуманистическая онтология соответствует такому признаку постнеклассицизма науки, как взаимодействие субъекта и объекта познания, то есть субъект-субъектный характер познавательного процесса. Гуманистическая картина экономической реальности фокусирует экономические исследования на взаимозависимости явлений окружающей действительности в действиях человека [249, с. 634-636, 668-697].

Проведенный в ходе исследования анализ работ ведущих отечественных и зарубежных ученых позволил автору очертить тематику экономических исследований, которые базируются на гуманистической онтологии. Эта тематика связана с изучением социально-культурных факторов экономического поведения в рамках классического институционализма, социэкономии, гуманомики, экономической антропологии и других направлений (течений) современной экономической мысли. Наиболее видными представителями указанных направлений экономической мысли можно считать С. Боулза, Д. МакКлоски, Т. Седлачека, А. Сена, Дж. Стиглица, Д. Хаусмана, Дж. Ходжсона, А. Этциони [31, 78, 234, 236, 255, 256, 264, 278, 310, 320, 331]. Исследования, осуществляемые на основе гуманистической онтологии, проводятся в русле интеграции экономических, этических, социальных, культурных, исторических факторов развития общества, акцента на практической и мировоззренческой функциях экономической методологии, а также долгосрочных последствиях хозяйственной деятельности человека.

Таким образом, гуманистическая онтология символизирует активное обращение к фундаментальным этическим ценностям, повышение роли природы человека в экономической теории и ее практической, социальной ориентации. В философии гуманизм означает ценность человеческой личности, уважение его права на творческое развитие, а также принципов социальной справедливости и человечности [266, с. 139]. Определение дисциплинарной экономической онтологии как гуманистической отражает движение к экономической теории, которая предполагает не материальный, а духовный рост человечества,

повышение значимости неэкономических факторов и междисциплинарных взаимодействий в экономических исследованиях [16, 151]. На этой основе российские ученые предлагают модифицировать экономическую теорию путем привнесения в нее социальных, экологических, гуманитарных составляющих, принятия развития человека как высшей цели прогресса [37, 39]. Г. Б. Клейнер отмечает острую необходимость создания «другой» экономической теории, основанной на альтруистической, а не эгоистической мотивации экономической деятельности [95, с. 25-26].

Наряду с гуманистической онтологией в настоящее время в экономической теории можно говорить о формировании системной и самоорганизационной (синергетической) онтологий, отвечающих признакам постнеклассицизма науки и возникших в экономической теории как отклик на проблемы фрагментации и релятивизации теоретического экономического знания и необходимость поиска целостного подхода к исследованию экономических феноменов [72, с. 51-53; 89, с. 20; 305, с. 10]. Подробный анализ некоторых онтологий современной экономической теории содержится в работах С. Г. Кирдиной-Чэндлер [89, 305].

Системная онтология основывается на работах А. Богданова, Н. Винера, Л. фон Берталанфи, У. Эшби и применительно к экономике предлагалась в том числе Я. Корнаи. Системная онтология (парадигма), по его мнению, предполагает [107, с. 10-12]: 1) рассмотрение общественной системы в целом и в историческом контексте; 2) проведение комплексных междисциплинарных исследований; 3) широкое изучение институтов и их трансформации; 4) применение качественных сравнительных методов исследования как основных; 5) анализ взаимовлияния типа общества и экономики (причем тип общества определяет тип экономики).

Среди российских ученых системной онтологии придерживаются А. В. Бузгалин, Г. Б. Клейнер, А. И. Колганов, Д. Ю. Миропольский и другие исследователи. В их видении экономика – это совокупность процессов создания, взаимодействия, трансформации и ликвидации экономических систем, а также n -мерное пространство-время с экономическими системами как векторами

пространства [35, с. 46; 139]. При этом система – это часть окружающего мира, совокупность взаимосвязанных элементов, характеризующаяся определенным положением во времени и пространстве, а сами пространство и время – первичные ресурсы жизнедеятельности экономических субъектов [95-97]. В качестве системы может рассматриваться и индивид. Системность означает единство, интегрированность, взаимообусловленность, целостность, упорядоченность и в то же время расчлененность, дифференцированность, нестабильность, многофакторность [95, с. 5, 6].

Самоорганизационная (синергетическая) онтология предполагает исследование динамических, эволюционных процессов в сложных, нелинейных, саморазвивающихся, эмерджентных, открытых, иерархических и диссипативных системах, которые характеризуются неоднозначностью перехода из одного состояния в другое (бифуркации, полифуркации), непредсказуемостью поведения, динамическим хаосом [65, с. 38; 217; 305, с. 11-12]. Синергетика, с точки зрения онтологии и методологии, рассматривается учеными как ключевое достижение постнеклассицизма науки. В рамках синергетической онтологии становится возможным описывать взаимодействие системы с внешней средой, проникать в эволюционные процессы усложнения системы в ходе образования на фазовых переходах новых уровней самоорганизации и их взаимодействия. Благодаря синергетике то, что Г. Гегель называл скачками и перерывами постепенности, теперь стало объектом специального изучения в науках о природе и науках о человеке. Исследования фазовых переходов выявили роль кооперативных эффектов и формирования множества сценариев развития в точках полифуркации при становлении нового порядка из хаоса [250, с. 51, 52].

В результате в свете синергетической онтологии экономика предстает как неравновесная структура, в которой имеют место процессы самовоспроизведения, кооперативные эффекты, кумулятивная причинность. Некоторые ученые связывают будущее экономической теории именно с теорией хаоса, синергетической онтологией, которая может стать базисом нового «мейнстрима»,

используя достижения математики XX-XXI вв. [18, с. 13, 14; 26, с. 110; 70, с. 106-107; 206, т. 1, с. 20, 74-76].

Таким образом, сегодня в экономической теории происходит онтологический поворот к рассмотрению сверхсложных систем, которые требуют учета их эмерджентных свойств, окружающего контекста и предшествующего развития, а потому не могут изучаться только через свойства их элементов. Словом «эмерджентный» обозначают особые свойства сложных (особенно социальных) систем, не сводимые к свойствам элементов системы и возникающие в результате качественных изменений, обусловленных структурой элементов. Данные положения в некоторой степени развивает Д. Коландер и другие ученые (в том числе российские) в рамках теории сложности [102, 296].

В русле этих тенденций развития экономической теории, но раньше по времени был сформулирован принцип круговой кумулятивной причинности, восходящий к Т. Веблену, Дж. Коммонсу и развитый Г. Мюрдалем, Н. Калдором и представителями неомарксизма. В соответствии с ним экономика рассматривается как открытая, постоянно изменяющаяся в ходе прохождения точек полифуркации система, в которой нет второстепенных элементов. При анализе экономических явлений учитываются этические и культурные факторы: идеология, ценности, привычки, нормы, уровень образования, которые воздействуют кумулятивно, многократно усиливая друг друга [202, с. 43-45; 303, с. 14, 28].

Помимо работ таких выдающихся ученых прошлого, как К. А. Сен-Симон, Ш. Фурье, К. Маркс, Ф. Энгельс, Т. Веблен, Г. Мюрдаль, различные грани синергетической онтологии находят (нашли) отражение в работах Дж. Бьюкенена и В. Ванберга, Д. Коландера, Дж. Ходжсона, Л. П. и Р. Н. Евстигнеевых, В. И. Маевского, С. Г. Кирдиной-Чэндлер, С. Ю. Малкова, Л. А. Карасевой, С. Ю. Румянцевой и других ученых [71, 85, 102, 203, 228, 264, 279, 296, 305].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. На этапе классицизма науки экономическая теория развивалась преимущественно под углом зрения продуктовой онтологии. Другие варианты картины экономической реальности, как показано на рисунке 5, сосуществовали в свернутом виде (СВ).

По мере усложнения экономической реальности и повышения степени человекообразности объектов экономического исследования новые альтернативные онтологии предстают в развернутом (РВ), а затем в снятом виде (СН)¹⁹.

Уровень сложности системных объектов исследования	Классицизм	Неклассицизм	Постнеклассицизм
	Гуманистическая онтология	СВ	СВ
Синергетическая онтология	СВ	СВ	РВ
Системная онтология	СВ	СВ	РВ
Институционально-эволюционная онтология	СВ	РВ	СН
Поведенческая онтология	СВ	РВ	СН
Продуктовая онтология	РВ	СН	СН

Степень человекообразности системных объектов исследования

Рисунок 5 – Эволюция дисциплинарной картины мира (экономической онтологии) при переходе от классической к постнеклассической науке

Источник: построено автором на основе исследования трансформации онтологических оснований экономической теории.

¹⁹ Существование дисциплинарной онтологии в свернутом виде означает, что те или иные характеристики экономической реальности не отрицаются учеными-экономистами, но не находят отражение в картине исследуемой реальности, крайне редко или вовсе не учитываются в экономических исследованиях, чаще рассматриваются как внешние, несущественные, случайные, «искажающие факторы». В развернутом виде те или иные онтологические представления являются базовыми, общепринятыми на определенном этапе развития науки. Снятие дисциплинарной онтологии в диалектическом смысле слова [52, т. 1, с. 168; 77, с. 243, 244, 257] предполагает, что предшествующие онтологические представления не отвергаются, а включаются в новые с сохранением своего методологического потенциала, но для исследования более ранних и менее сложных пластов экономической реальности.

На этапе неклассицизма продуктовая онтология сохраняется, но уступает лидирующие позиции поведенческой и институционально-эволюционной онтологиям, которые предстают в развернутом виде и включают продуктовую онтологию как частный случай. Направлениями экономической мысли, наиболее ярко отражающими природу поведенческой и институционально-эволюционной онтологий, стали традиционный институционализм, кейнсианство, шumpетерианство (как направления экономической мысли, отвечающие признакам неклассицизма науки), а также марксизм (как направление экономической мысли, несущее в себе признаки и классицизма (соответственно продуктовой онтологии), и неклассицизма науки, то есть поведенческой и институционально-эволюционной онтологий). Указанные направления экономической мысли выступили в роли базиса неклассического теоретико-методологического синтеза и во многом определили лицо неклассической экономической теории. К общим теоретико-методологическим характеристикам (в соответствии с результатами исследования в п. 2.2 диссертации) указанных направлений, позволяющим говорить о неклассическом синтезе, относятся:

– расширение модели экономического субъекта (человека экономического) (по сравнению с классицизмом науки) за счет так называемых неэкономических факторов экономического поведения, учет в анализе экономического поведения большой роли инстинктов, привычек, эмоций человека, взаимосвязи формальных и неформальных (в том числе этических) норм поведения; значительное внимание к коллективным, групповым, массовым, взаимообусловленным действиям людей, а не индивидов-отшельников;

– исследование как абсолютно, так и ограниченно рационального поведения с акцентом на различных факторах, ставящих пределы экономической рациональности человека; экономическая рациональность определяется как индивидуальными характеристиками человека, так и состоянием экономической среды, предшествующим развитием (кумулятивная причинность);

– рассмотрение факторов производства (производительных сил, технологических факторов) как непосредственно связанных с человеком и

отношениями между людьми (предпринимательские способности, труд, «animal spirits»), новаторство, творческий и духовный потенциал человека);

– исследование неопределенности, динамики, неравновесных состояний экономики, признание наличия разнообразных экономических систем и порядков, эволюционирующих и сменяющих друг друга, как следствие, скептическое отношение к возможности точных предсказаний будущего и опора на качественные методы исследования, использование количественной информации преимущественно для иллюстрации теоретических построений;

– анализ долгосрочных тенденций экономического развития, этико-гуманистических последствий хозяйственной деятельности;

– взаимодействие с другими социально-гуманитарными науками, в том числе этикой, психологией, историей, антропологией, правоведением;

– признание важности ценностных ориентаций, идеологических пристрастий ученых-экономистов и социального контекста в процессе генерирования научного знания.

Общность теоретико-методологических взглядов представителей традиционного институционализма, кейнсианства и марксизма, а также Й. Шумпетера обусловила их близость и с точки зрения подходов к государственному и корпоративному управлению, экономической политике, отношениям собственности, несмотря на существенные отличия по ряду вопросов. В этом плане следует отметить такие области пересечения взглядов представителей указанных выше направлений экономической мысли, как критика идеологии экономического либерализма, выявление внутренних противоречий капиталистического механизма, роль государства в экономике и практическая ориентация теоретической экономической науки, соотношение планомерности и товарности, рыночного саморегулирования и централизованного планирования, конкуренции и кооперации. Близость взглядов Дж. М. Кейнса и традиционных институционалистов отмечают некоторые российские ученые (классический институционализм также оценивается как «предшественник кейнсианства»), так как именно представители традиционного институционализма, а также

Дж. М. Кейнс и Й. Шумпетер привнесли в XX веке в экономическую науку то, что не смогли сделать экономисты – математики и инженеры, а именно прорывные идеи (с использованием эволюционного подхода и достижений психологии), новые направления исследования, этический контекст [46, с. 8; 60, с. 120-121; 76, с. 136; 120, с. 18; 121, с. 14; 235, с. 100, 331, 498]. Фактически именно они разработали концепцию ограниченной рациональности (п. 2.2 и п. 4.3 диссертации). Нельзя также забывать о том, что работа, начатая У. Митчеллом, создала информационную базу для развития макроэкономики. Ряд отечественных и зарубежных ученых признают общность взглядов 1) традиционных институционалистов и посткейнсианцев, 2) традиционных институционалистов и марксистов, 3) посткейнсианцев и марксистов, отдавая приоритет (в зависимости от степени обобщения теоретических идей) тому или иному направлению экономической мысли [36; 89, с. 42-43; 206, т. 1, с. 219; 220; 223, с. 44; 224; 235, с. 64, 477, 478, 484, 500, 502, 503, 585]. Работы некоторых ученых вообще выполнены на стыке институционализма, кейнсианства и марксизма. Наиболее яркими примерами в этом смысле являются П. Сраффа, Дж. Робинсон, Н. Калдор, П. Суизи [206, т. 1, с. 219; 294, с. 1168; 326, с. 172], а К. Маркса нередко называют первым институционалистом [36, с. 9; 235, с. 98, 514].

В эпоху постнеклассицизма науки имеет место формирование и распространение гуманистической, системной и синергетической онтологий, которые снимают предшествующие онтологии, сохраняя их для рассмотрения менее сложных системных объектов. Гуманистическую, системную и синергетическую онтологии объединяют следующие теоретико-методологические признаки, свидетельствующие о формировании в настоящее время постнеклассического синтеза в экономической теории:

- рассмотрение объектов исследования экономической науки как сверхсложных систем;
- человекообразный и кооперативный характер объектов исследования;
- многомерный и многофакторный подход к анализу экономического поведения гетерогенных экономических субъектов;

- взаимообусловленность состояния объекта исследования, направлений его развития и характеристик элементов;
- многовариантность, многофакторность, открытость, нелинейность, сложность, стохастичность исследуемых экономических процессов;
- учет эволюционно-исторического контекста при изучении экономических явлений и процессов;
- междисциплинарный и мультидисциплинарный подход и ориентация на качественную методологию;
- значительная роль познающего субъекта, его ценностных ориентаций в формировании научной картины мира (дисциплинарной онтологии) экономической теории.

Практическим воплощением постнеклассического синтеза в экономической теории можно считать следующие изменения в хозяйственной практике человека:

- 1) переосмысление целей и критериев экономической эффективности, экономических индикаторов в сторону их гуманизации и этизации;
- 2) комплексный, системный, интегрированный характер социально-экономических проектов на различных уровнях управления экономикой, предполагающий учет этических, гуманистических, социальных, экологических последствий управленческих решений в долгосрочной перспективе.

Наиболее ярко постнеклассический синтез гуманистической, системной и синергетической онтологий проявляется в таких течениях экономической мысли, как неомарксизм, социэкономика, гуманомика, системная экономика.

В истории экономической теории уже имели место два так называемых синтеза. П. Самуэльсон, Дж. Хикс, Э. Хансен, Л. Клейн провозгласили неоклассический синтез, объединив неоклассические и кейнсианские идеи. Однако, как хорошо известно, это был не результат развития самой науки, а попытка соединить теории, основанные на разных предпосылках [206, т. 1, с. 174; 235, с. 274, 560]. Не так давно был объявлен новый неоклассический синтез (и снова в рамках одного из направлений экономической мысли, а не теоретической экономической науки в целом), состоящий в единстве взглядов ведущих

макроэкономистов по фундаментальным вопросам и дополнении неоклассического синтеза теориями рациональных ожиданий, реального делового цикла и монетаристской теорией инфляции, чему способствовали развитие компьютерных технологий и появление новых данных [50].

Диалектический характер развития экономической теории через периодические синтезы можно рассмотреть с точки зрения современных синергетических представлений. Дело в том, что теоретико-методологический синтез является аналогом завершения прохождения точки полифуркации²⁰, фазового перехода, в ходе которого активизируются кооперативные эффекты и, следовательно, возникают условия для перехода к качественно новому состоянию, на более высокий уровень сложности системы при сохранении более ранних уровней самоорганизации (в снятом виде) и взаимном влиянии всех уровней друг на друга. Перед наступлением фазового перехода система генерирует множество альтернативных вариантов (из предшествующих и новых онтологических представлений), взаимодействие которых и есть кооперативный эффект (синтез). Тем самым, экономическая теория как наука предстает в виде многоуровневой, иерархической, саморазвивающейся системы, в которой происходит постоянное возникновение новых уровней, дифференциация и усложнение системы, имеются прямые и обратные связи между уровнями самоорганизации [245, с. 21; 250, с. 51, 52]. В этом плане следует отметить, что постнеклассический синтез является преемником неклассического синтеза. Отдельные черты постнеклассического синтеза, выделенные в диссертации, прослеживаются и в рамках неклассического синтеза, но в свернутом виде. По мере развития теоретической экономической науки и экономической реальности эти черты получают все большее признание и развитие, предстают в развернутом виде.

Таким образом, в единстве исторического и логического и в соответствии с предлагаемой в диссертации авторской моделью эволюции экономической теории

---

²⁰ По В. С. Степину, переходы от классицизма к неклассицизму и от неклассицизма к постнеклассицизму теоретической экономической науки являются такими точками полифуркации.

и методологии во взаимосвязи с этикой можно видеть, как, проходя через периодические синтезы, в буквальном смысле слова множатся представления ученых об экономике (альтернативные онтологии), что свидетельствует о том, что экономическая реальность становится слишком сложной, многомерной, ее все труднее охватить как целое, если придерживаться строгих методологических стандартов или оставаться в рамках какого-либо одного направления экономической мысли. В результате экономическое знание становится все более фрагментарным, несопоставимым, хотя и позволяющим видеть экономическую реальность с различных точек зрения [64, с. 16, 18].

При этом следует обратить внимание на факт, который, по мнению автора, имеет чрезвычайно большое значение. Несколько веков назад экономическая теория в лице некоторых течений и направлений обособилась от этики как науки, от исследования роли природы человека и сконцентрировалась на материальных, продуктовых сторонах экономики. Однако, чем дальше по времени от момента отделения от этики как науки о человеке, тем больше экономическая теория вновь возвращалась к ней сначала в лице поведенческой и институционально-эволюционной онтологий (экономическая теория начала исследовать поведение человека и институты, созданные людьми, в круг ее интересов постепенно вошли привычки, образ действия, убеждения и отношения людей), а сегодня в лице гуманистической, системной и синергетической онтологий, на базе которых исследуются сверхсложные человекообразные системы, следовательно, снова возникает необходимость в этике как науке, изучающей природу человека.

Таким образом, изменение онтологических оснований экономической теории в развитой науке происходит в тесной взаимосвязи с этикой, а смена онтологий экономической теории сопровождается актуализацией когнитивного аспекта взаимосвязи экономической теории и этики, то есть усилением роли этики как науки о человеке (рисунок 6). Содержание эволюции экономической теории и методологии, в том числе в свете изменения онтологических оснований, при переходе от классической к постнеклассической науке представлено в приложении В.

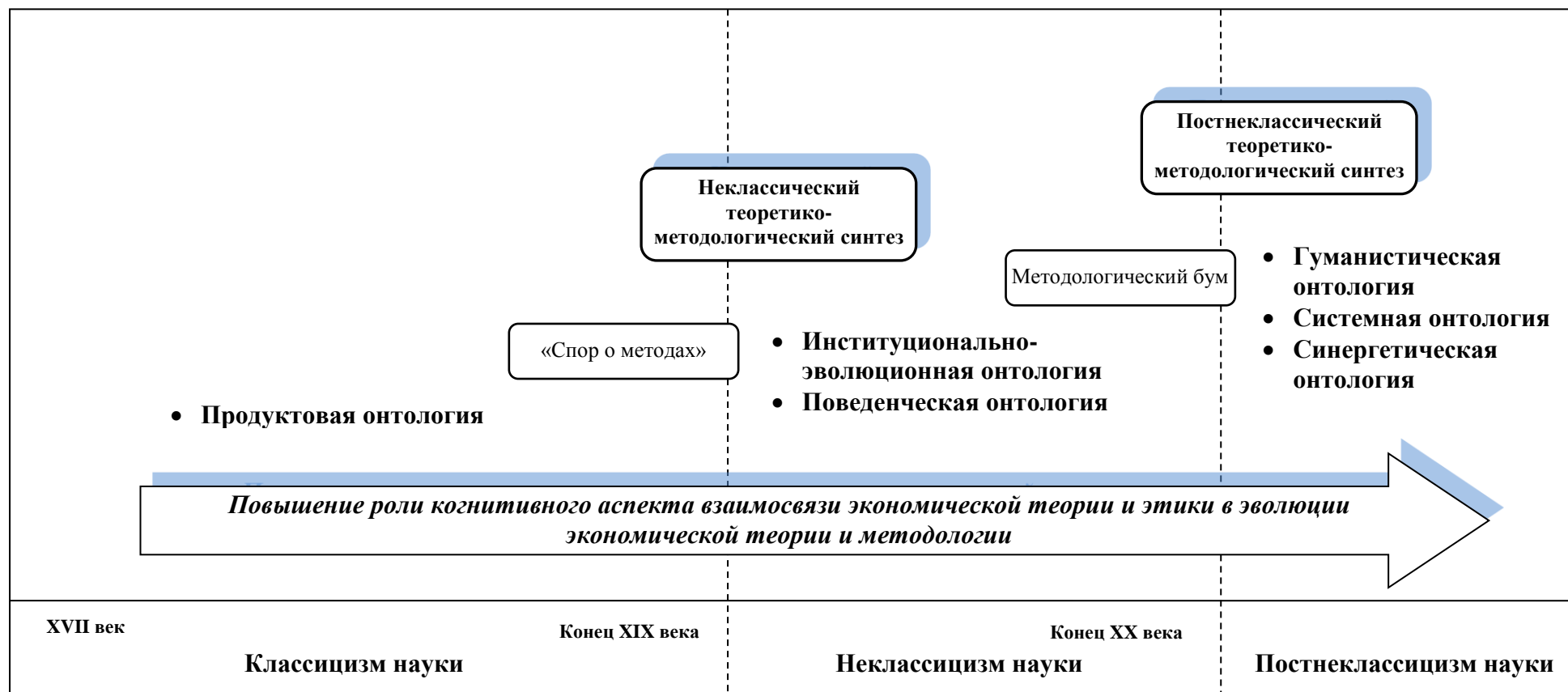

Рисунок 6 – Модель эволюции экономической теории и методологии с точки зрения взаимосвязи с этикой

Источник: разработано автором по результатам исследования эволюции экономической теории и методологии с позиций философии науки и взаимосвязи с этикой.

Как показано в диссертации, экономическая теория во взаимосвязи с этикой как наукой с самого начала стояла на позициях междисциплинарности, нелинейности, разнообразия, многофакторности и сложности экономической реальности. Сохраняя эти идеи, усиливая и развивая их по мере трансформации экономической реальности, ученые обеспечивали приращение научного экономического знания. При этом в единстве исторического и логического преимущественное развитие получали те онтологии, которые в наибольшей степени соответствовали изменениям в экономической реальности, другие онтологии продолжали существовать в свернутом виде, чтобы получить более полное раскрытие по мере эволюции экономики и изучающей ее науки.

Однако ни одна дисциплинарная онтология не может претендовать на полное и всеобъемлющее отражение реальности, поэтому при конкретных изменениях предметной области и возникает необходимость своеобразного склеивания фрагментов реальности на основе широкого метатеоретического подхода [11, с. 218]. Философско-методологическая структура взаимосвязи экономической теории и этики, раскрытая в диссертации, свидетельствует о том, что этика как наука о человеке может стать основой такого координирующего и интегрирующего метаподхода, обеспечивающего целостное видение экономической реальности, в которой действует и которую создает человек. Это предполагает переосмысление основных методологических принципов экономической теории.

3.3 Методологические принципы индивидуализма и коллективизма как альтернативные варианты построения дисциплинарной экономической онтологии

Альтернативные дисциплинарные онтологии, видения экономической реальности, существовавшие и существующие в экономической теории, могут

быть рассмотрены с точки зрения так называемых бинарных оппозиций. Характерными для экономической науки бинарными оппозициями, нередко связанными между собой или даже вытекающими друг из друга, являются «индивидуализм – коллективизм», «микроуровень – макроуровень», «эгоизм – альтруизм», «нормативное – позитивное», «рациональное – иррациональное», «субъективное – объективное», «реализм – идеализм», «оптимизм – пессимизм», «статика – динамика», «экзогенные факторы – эндогенные факторы». Некоторые из перечисленных дихотомий имеют прямое отношение к этике в ее когнитивной функции. Они представляют собой различное миропонимание, разные ценности и идеалы, а также своеобразную систему координат, внутри которой могут быть построены различные картины экономического мира. Г. Шмоллер называл их «великими противоположностями мысли» [26, с. 106; 104, с. 78; 289, с. 27; 290, с. 25]. Особое место в ряду указанных дихотомий занимают методологические принципы индивидуализма и коллективизма как два главных постоянно противоречащих этических начала социально-гуманитарных наук [135, с. 468].

Принцип методологического индивидуализма соответствует философскому редукционизму, его фактическое введение в экономическую теорию связано с именем К. Менгера (который называл свой метод «атомистическим» или «композитивным»), детальная методологическая проработка была осуществлена М. Вебером, а само название принципа было дано Й. Шумпетером, который различал политический, социологический и методологический индивидуализм [2, с. 15; 45, с. 589; 131, с. 27, 50; 294, с. 1171]. По мнению К. Менгера, исходными, «первичными» элементами исследования в общественных науках являются «человеческие индивидуумы», их потребности и стремления. Соответственно сложные социальные явления необходимо изучать путем сведения их к «индивидуальным факторам» и выяснения законов, по которым простые элементы образуют сложные хозяйственные феномены. Таким путем может быть достигнута точность исследования, а также успешный переход к изучению более сложных народнохозяйственных явлений как результата

«взаимодействия факторов их возникновения» [131, с. 62, 118, 207, 327, 356, 391, 396, 418].

Значительное развитие методологический индивидуализм получил в трудах Л. Мизеса, который был сторонником индивидуального начала любой деятельности. Он полагал, что отдельные поступки совершаются только индивидами, а не коллективами, а сам коллектив не может существовать отдельно от составляющих его индивидов [24, с. 100; 92, с. 102; 132, с. 211; 134, с. 42-44; 278, с. 97]. В настоящее время принцип методологического индивидуализма трактуется как инструмент объяснения социально-экономических явлений через понимание индивидуального поведения [278, с. 98]. При этом индивидуализм в экономической теории, в отличие от других наук, в том числе естественных (из которых он и пришел в экономическую теорию), используется в своей крайней форме как концептуальный редукционизм. В других науках индивидуализм имеет более широкий смысл: он предполагает исследование поведения не отдельной частицы (атома, корпускулы, индивида), а взаимодействия частиц, что дает возможность для появления так называемых эмерджентных свойств [267, с. 18; 313, с. 34].

В основе принципа методологического индивидуализма лежат представления [74, с. 167; 87, с. 67]:

- 1) о поведении рационального экономического субъекта с неизменными предпочтениями и мотивами, ключевым из которых является мотив максимизации индивидуальной полезности;
- 2) возможности познания рационального поведения;
- 3) наличии целей только у индивидов, а не их коллективных образований;
- 4) конкуренции между ними за редкие ресурсы и достижении равновесия в условиях убывающей отдачи.

Столь нередко далекие от реальности положения и составляют основу методологического индивидуализма. Тем не менее он продолжает активно использоваться, несмотря на критику с разных сторон, которую стараются нивелировать путем создания множества частных, не связанных между собой

моделей ограниченно рационального поведения. Устойчивость методологического индивидуализма также объясняется приверженностью индивидуалистским ценностям и стремлением упростить процедуры исследования, обращаясь к более понятным индивидам, а не другим более сложным и многофакторным понятиям, например, таким как институты [270, с. 148, 149].

В методологическом индивидуализме существование групп субъектов не отрицается, просто объяснение явлений так называемого макроуровня выводится из микроуровня [257, с. 83]. Чтобы это стало возможным, типично коллективные образования (фирмы, государство, домохозяйства) рассматриваются в качестве индивидов, имеющих неизменные предпочтения, но не имеющих ценностей [89, с. 9]. Как следствие, к коллективным образованиям становится возможным применять формальные, количественные методы исследования индивидуального поведения. Это и позволяет принципу методологического индивидуализма удерживать свои позиции и обеспечивать «защитный пояс» для неоклассики путем формализации идей неокейнсианства, неоинституционализма, новой политической экономии и других направлений (течений) экономической мысли. Однако для исследования долгосрочной динамики экономики в условиях неопределенности методологический индивидуализм не пригоден [92, с. 100, 102, 106]. Кроме того, сведение интересов коллективных образований (государства, общественности) к интересам отдельных индивидов возможно только в условиях этической нейтральности. Если же рассматривать государство как специфического экономического субъекта, функционирующего не только на рынке голосов избирателей, но и отстаивающего интересы людей и будущих поколений, то приходится считаться с тем, что жесткий редукционизм трудно осуществим на практике, и даже человеческое «я» можно понимать как холистическое образование [94, с. 128; 278, с. 116, 117].

Несмотря на свое название, принцип методологического индивидуализма почти ничего не говорит о самом индивиде, поэтому и служит, по сути, не только и не столько для понимания индивидуального человеческого поведения [286, с.

55], сколько для уподобления поведения организаций и групп поведению репрезентативного индивида, что удобно с точки зрения формализации и агрегирования, но это, как показал Г. Гегель, – тавтология [2, с. 28, 30; 52, т. 1, с. 265; 313, с. 34]. В результате принцип методологического индивидуализма никогда не используется для того, для чего он предназначен, то есть для понимания общественных явлений посредством объяснения индивидуального поведения. Напротив, он применяется для исследования отношений между вещами и (квази)индивидами, но тогда само наименование принципа не соответствует практике его применения [277, с. 46]. В связи с этим Й. Шумпетер отмечал, что термин «индивидуализм» – один из самых противоречивых и многозначных в экономической теории. С ним дела обстоят «еще хуже», чем с терминами «классический», «эмпирический», «экспериментальный», «рациональный», «рационалистический» [294, с. 564]. По Дж. Ходжсону, термин «методологический индивидуализм» настолько сложный и противоречивый, что вообще должен быть отвергнут [337].

Кроме того, термин «индивидуализм» имеет ярко выраженный негативный оттенок, ассоциируется с автономностью и эгоизмом индивида. По словам ряда отечественных и зарубежных исследователей, проблема заключается в том, что, как и модель человека экономического (*homo oeconomicus*), принцип методологического индивидуализма перестал быть только научным инструментом, превратился в желаемый образец поведения; его преподнесение как соответствующего реальному, естественному положению вещей стало своеобразным оправданием хозяйственного эгоизма, максимизации индивидуальной выгоды без учета интересов других людей. Методологический индивидуализм превратился в индивидуализм онтологический как отражение свободы, воли, самостоятельности личности, до этого скованной идеологическими рамками коллективизма. Представление об индивиде, который двигает прогресс, генерирует инновации, организует производство, легло в основу оправдания ряда негативных последствий предпринимательской деятельности.

Как оказалось, жестокость и алчность, стремление задавить противника любой ценой являются «процедурой открытия» [144, с. 70; 275, с. 38].

В связи с этим выделяют две формы методологического индивидуализма: только как метода исследования (минимальная версия) и как метода исследования и характеристики реального поведения (максимальная версия). В настоящее время методологический индивидуализм применяется в своей максимальной версии, хотя изначально экономическая теория, скорее, была наукой холистической [339, с. 15-17]. Не случайно политическая экономия имела именно такое «общественно-хозяйственное» название, рассматривала социальную структуру общества и распределение доходов между слоями населения, ставила задачу увеличения богатства государства, нации [1, с. 10]. Многие экономические категории первоначально рассматривались с этической точки зрения, с позиций морали, нравственности и благосостояния общества (яркий пример – категория справедливой стоимости), хотя, безусловно, это не означало отсутствие несправедливости и социальных противоречий [121, с. 16].

Коллективистская трактовка социально-экономических процессов предполагает, что общественные, групповые образования не могут быть сведены к сумме составляющих их индивидов. Общество есть самостоятельная целостность, состоящая из индивидов, но имеющая особые эмерджентные свойства [89, с. 35]. Как писал Дж. Коммонс, целое является «удивительным произведением» своих частей [104, с. 52]. Таким образом, в случае следования методологическому индивидуализму исследователь изучает аддитивные системы, а в случае следования холистическому принципу – целостные, эмерджентные системы, каковыми являются все социальные образования [87, с. 75; 92, с. 106; 259, с. 132].

Согласно Ф. Тобозо, различают два варианта методологического коллективизма (холизма). В первом из них объяснение поведения индивидов происходит исходя из их принадлежности к той или иной социальной группе. Второй вариант коллективизма связан с наличием метасубъектов (общества, макрогенераций, популяций) со своими собственными интересами и однородной

внутренней природой, которая, соответственно, отпадает как объект исследования [90, с. 64-65]. В любом своем варианте принцип методологического коллективизма критикуется за игнорирование роли человека в формировании социальных систем или институтов. Институты рассматриваются как нечто противостоящее человеку, существующее независимо от него [270, с. 148, 151].

Принцип методологического коллективизма, как и принцип индивидуализма, имеет несколько версий. Одна из них носит название методологического институционализма²¹. Он предполагает объяснение общественных явлений не через поведение индивидов, а с помощью изучения институтов как причины общественных явлений [91, с. 57-58; 92, с. 106, 107]. Однако принцип методологического институционализма как одна из версий коллективизма, с точки зрения когнитивного аспекта взаимосвязи экономической теории и этики, имеет те же недостатки, что и принцип коллективизма вообще. Используя в качестве объясняющих причин не индивидов или группы, а институты, исследователь тем самым снижает роль индивидуального поведения и ответственности человека за свои поступки, перенося ее на некие институты [270, с. 151]. Любое действие может быть санкционировано или оправдано влиянием институциональной среды, а сам человек превращается в пассивное существо, слепо подчиняющееся институциональному влиянию [89, с. 40]. Человек перестает быть инициатором и носителем изменений, а вопрос о появлении самих институтов прямо не ставится. В этом заключается функциональный недостаток принципа методологического институционализма: в рамках данного принципа невозможно выяснять причинно-следственные связи и таким образом определять направления деятельности экономических субъектов для достижения их целей [257, с. 84].

Весьма показательным примером являются социально-экономические рекомендации, вытекающие из всевозможных версий принципа методологического институционализма, когда в развивающихся странах достаточно внедрить новые институты и все пойдет на лад [331, с. 1, 10]. При

---

²¹В своих недавних работах С. Г. Кирдина-Чэндлер позиционирует принцип методологического институционализма как срединный подход между индивидуализмом и коллективизмом, соответствующий мезоуровню экономического анализа [91, с. 57-58].

этом чаще всего имеются в виду заимствованные у других стран «институты» без учета культурно-исторической специфики той или иной страны. Наведение порядка в области прав собственности (их четкая спецификация) вообще рассматривается как панацея от всех социальных болезней. Однако заимствованием или выращиванием собственных институтов должен кто-то заниматься; любые изменения санкционируют конкретные люди [134, с. 135], что соответствует общенаучному принципу антропности [249, с. 649]. В то же время, как показали еще французские просветители, а также К. Маркс, человек появляется на свет в сложившемся до него институциональном пространстве, но как человек он может влиять на него [127, т. 23; 278, с. 12].

Таким образом, принципам методологического индивидуализма и коллективизма присущи общие ограничения, представленные на рисунке 7:

1) низкая оценка значимости разнообразия этической природы человека [144, с. 70; 218, с. 58];

2) противопоставление целей индивида и общества [134, с. 137], индивидуального и коллективного начала в человеке (в единстве и взаимодействии которых заключается одно из условий выживания человека) [100, с. 13], бесплодные споры о первичности индивидов или институтов. Ответ на вопрос о первичности индивидуального или коллективного начала в человеке, индивидов или институтов – это, скорее, предмет веры, ценностная позиция, заложенная в видении, чем поддающийся доказательству тезис [135, с. 468];

3) ситуативная и историческая ограниченность эффективного применения [100, с. 8];

4) идеологическая нагруженность [313, с. 29]. Следует учитывать, что каждый из принципов является онтологическим, формирующим представления ученого об экономической реальности, поэтому несет в себе определенное этическое содержание в виде ценностей свободы, независимости, иногда вседозволенности или, напротив, коллективизма, безволия, ущемления интересов личности.

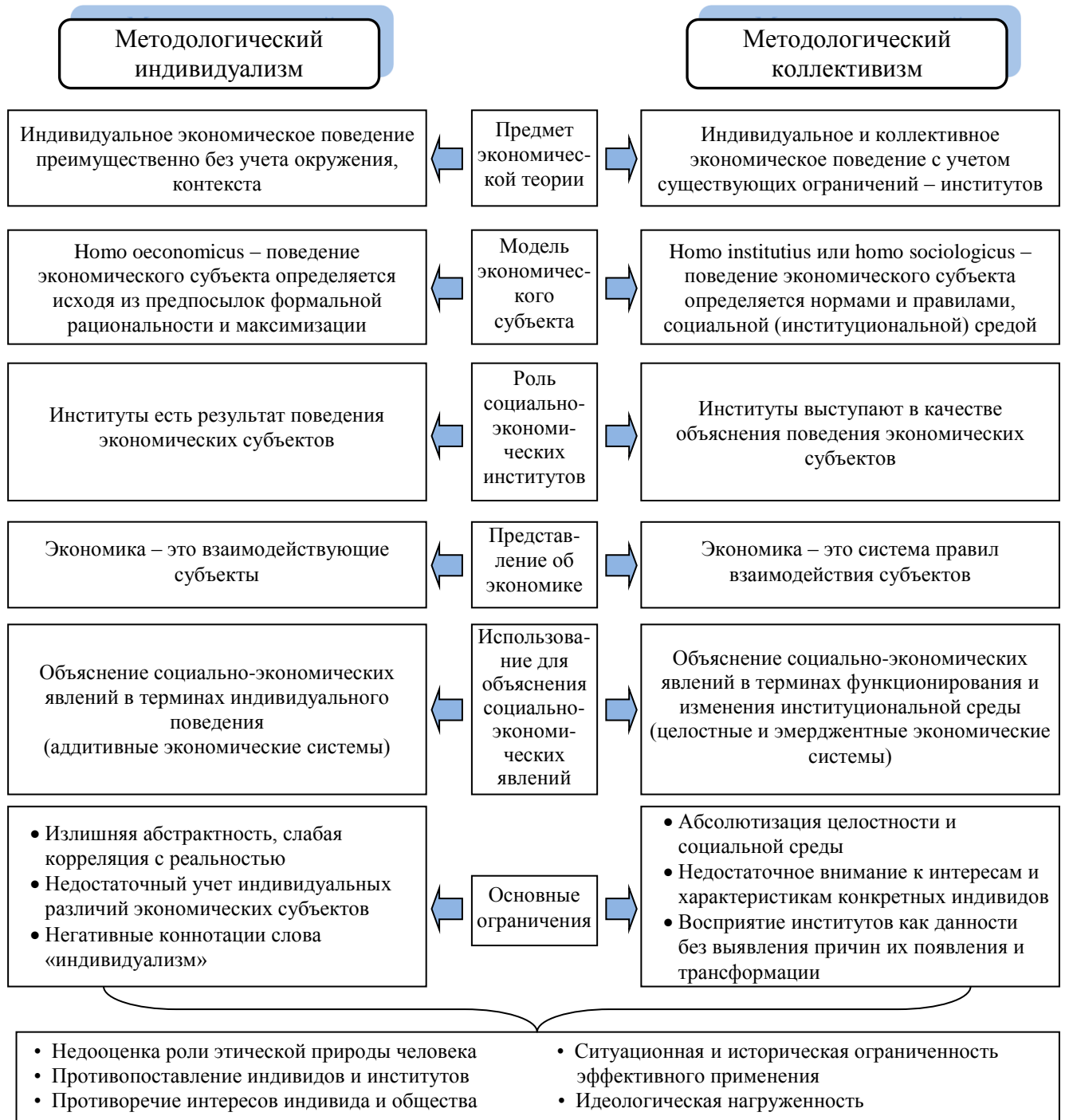

Рисунок 7 – Сравнительная характеристика принципов методологического индивидуализма и методологического коллективизма

Источник: составлено автором по результатам исследования практики применения принципов методологического индивидуализма и методологического коллективизма в отечественной и зарубежной экономической теории и методологии²².

²²При характеристике принципов методологического индивидуализма и методологического коллективизма, как она представлена на рисунке 7, автор диссертации преимущественно опирался на работу С. Г. Кирдиной-Чэндлер [87].

Принимая во внимание преимущества и ограничения обоих принципов, следует отметить, что в истории экономической мысли в условиях развитой науки есть примеры преодоления дихотомии индивидуализма и коллективизма на основе когнитивной функции этики, то есть признания и учета разнообразия этических предпосылок экономического поведения, тесной взаимосвязи индивидуального и коллективного начала в человеке. Такими примерами являются работы К. А. Сен-Симона, К. Маркса, Т. Веблена, Дж. Коммонса, Й. Шумпетера, Дж. М. Кейнса, Ф. Найта.

Этих ученых объединяет признание активной роли экономического субъекта, его ценностей, мотивов, интересов, потребностей, инстинктов, привычек, взаимного влияния индивидуального поведения и институтов, социальной обусловленности потребностей человека, понимание человека как продукта истории, предшествующего развития, общественной эволюции, выполняющего разные социальные роли, а не безвольного, пассивного атома. Работы указанных ученых отличает принятие во внимание большой роли этической природы человека как фактора социально-экономического развития, человека как источника изменений, широкий комплексный подход к исследованию экономических явлений и, как следствие, опережение своего времени, предвосхищение многих идей, которые впоследствии стали общепризнанными.

Работы К. А. Сен-Симона, К. Маркса, Т. Веблена, Дж. Коммонса, Й. Шумпетера, Дж. М. Кейнса, Ф. Найта являются методологическим подтверждением возможности нивелирования таких ограничений принципов методологического индивидуализма и методологического коллективизма, которые образно можно охарактеризовать как «индивидуализм без индивида» и «общество без индивидов» [2, с. 28, 40].

Описание поведения многогранного экономического субъекта в сложном культурно-историческом окружении предполагает меньшую степень упрощения экономической реальности, а также опору на диалектическую логику и качественные методы исследования. Согласно диалектической логике в реальной

действительности нет жестких разграничительных линий. Кажущиеся противоположности (в данном случае индивидуализм и коллективизм) являются необходимыми сторонами одного целого, обуславливающими друг друга и не отделимыми друг от друга, только взятые вместе они одинаково истинны [52, т. 1, с. 472, 473; т. 2, с. 154-157; 127, т. 20, с. 13, 527, 528; 135, с. 497].

В современной экономической мысли одна из альтернатив принципов индивидуализма и коллективизма связана с принципом институционального индивидуализма. В соответствии с этим принципом цели индивидов диктуются институтами, которые выступают как причины, а не результат поведения людей. Институты становятся внутренними детерминантами человеческой деятельности, используются как эндогенные переменные в моделях оптимизации, хотя по-прежнему фактически исследуются как внешние. Как следствие, институциональный индивидуализм остался лишь вариацией на тему индивидуализма [87, с. 76-78; 313, с. 36].

Модификацию методологического институционализма предлагает Д. П. Фролов на основе концепции институциональных конфигураций и учета поведения стейкхолдеров [270, с. 150-154]. А. Я. Рубинштейн придерживается принципа комплементарности и точки зрения, согласно которой спор о первичности индивидуализма или коллективизма не имеет смысла. В результате в модели рыночного равновесия появляется еще один субъект – государство как выразитель общественных интересов [225]. Большой научный потенциал связан с предлагаемым Г. Б. Клейнером принципом методологической систематики, в соответствии с которым основой экономического анализа должна быть система, частными случаями которой становятся индивид и институт [95, с. 5, 7]. Это представление содержится уже у Г. Гегеля: все сложное можно свести к простому, которое, в свою очередь, также является сложным [52, т. 1, с. 265].

Альтернативы дихотомии индивидуализма и коллективизма предлагаются и в других науках о человеке. В частности, в социологии придерживаются расширительной трактовки индивидуализма, дополненного представлениями о культурной обусловленности индивидуального поведения, существующих в

обществе нормах, мотивах индивидов [205, с. 36-37]. Этот подход можно рассматривать как весьма плодотворный, так как он соответствует междисциплинарному характеру современной постнеклассической науки, многомерному подходу к моделированию человеческого поведения и тенденциям сближения наук о человеке. Как следствие, противостояние индивидов и институтов теряет смысл, так как они постоянно взаимодействуют и обуславливают друг друга. В связи с этим Дж. Ходжсон говорит о прямой и обратной («восходящей» и «нисходящей») причинной обусловленности индивидов и институтов [277, с. 57]. Это очень близко к тому, о чем в свое время писали Г. Шмоллер и Дж. Коммонс. Так, Г. Шмоллер полагал, что хозяйственная организация общества находит выражение в этических правилах, хозяйственных нравах и праве. Повторяющиеся народнохозяйственные явления и действия формируют определенные правильности, нравы. Приобретая «твердую форму» или даже закрепляясь в формальных правилах, нравы начинают влиять на хозяйственную жизнь. Возникает то, что позднее будет названо кольцевой причинностью (по Т. Веблену) [289, с. 123-124]. В свою очередь Дж. Коммонс указывал на то, что этические, правовые и политические основы экономического поведения определяются как индивидуальной, так и массовой психологией, а коллектив людей не может быть рассмотрен только как сумма индивидов. Коллектив, человеческое поведение в обществе есть уникальный феномен, в котором меньшая в процентном отношении часть может играть бóльшую роль [104, с. 19, 50, 52], в котором действие того или иного фактора не обязательно пропорционально его доле в общей сумме. Любой элемент системы может стать ограничивающим фактором. По мысли Дж. Коммонса, экономическую реальность следует рассматривать как многоуровневую, когда каждый уровень представляет собой самостоятельное целое и одновременно выступает в качестве элемента целого более высокого порядка, поэтому Дж. Коммонс писал о «восходящей гамме экономики» от природы к человеку и далее к обществу [104, с. 53, 403].

Необходимо разъяснить, что приверженность одному из методологических принципов (индивидуализму или коллективизму) обозначается термином

«методологический монизм». Методологический релятивизм означает следование тому или иному принципу в зависимости от задач исследования. Принцип комплементарности подразумевает, что оба принципа неразделимы и дополняют друг друга. Поэтому в философии науки и экономической методологии ученые предлагают не противопоставлять индивидуализм и коллективизм, редукционизм и холизм, а придерживаться «реляционной методологии», «системизма», методологического «дрейфа», то есть использовать разные принципы и подходы для решения разных исследовательских задач [121, 144, 277, 278, 314]. Подобный гибкий подход ранее предлагался Г. Шмоллером. Он считал, что сама постановка вопроса «или индивидуализм», «или коллективизм» неверна. В каждом конкретном исследовании необходимо отталкиваться не от индивидуальных или коллективных явлений, а от известного к неизвестному. В качестве известного может выступать все – от психических свойств человека до массовых общественных явлений. Даже единичный случай может быть представлен как комплексное явление, а человеческий индивид, действующий как член общества, – как «бесконечно сложное» целое [290, с. 76, 77], поэтому любое народнохозяйственное явление при более глубоком наблюдении выступает как результат и индивидуального, и социального действия. С описанных методологических позиций Г. Шмоллер подходил к исследованию явлений народного хозяйства, которое он рассматривал как одновременно и «собирательное», и «индивидуальное» понятие, результат действия и индивидуальных, и коллективных сил [289, с. 168; 290, с. 3, 7].

Схожие идеи высказывал В. В. Леонтьев: одновременное применение различных методологических принципов невозможно, поэтому по причине ограниченности наших познавательных способностей ученый может переходить от одного принципа к другому («методологический эклектизм») [115, с. 29]. В наши дни В. С. Автономов делает важное замечание об обреченности экономической науки (как науки не точной, объект исследования которой слишком сложен) на методологический плюрализм [1, с. 5].

В настоящее время Д. П. Фролов видит перспективы нивелирования дихотомии индивидуализма и коллективизма в «переключающемся режиме» использования разных подходов в зависимости от целей исследования [270, с. 156]. На бесперспективности противопоставления коллективизма и индивидуализма настаивают Г. Б. Клейнер и В. М. Полтерович, так как это противопоставление имеет вненаучные основания и может быть заменено рассмотрением взаимодействия индивидов в том или ином институциональном пространстве [94, с. 128; 216, с. 107].

Методологический релятивизм – характерная черта эпохи постнеклассицизма [242, с. 135, 152]. Однако опасность состоит не только во вседозволенности в теоретико-методологической сфере, но и в отсутствии стандартов эффективного исследования, деформации взаимоотношений носителя знания и потенциального пользователя, что еще больше повышает роль этики ученого [301]. Нивелирование ограничений принципов индивидуализма и коллективизма (прежде всего таких, как абстрагирование от многогранной природы личности, взаимосвязанности поведения людей, всеобщей универсальной связи, необходимость рассматривать либо институты, либо индивидов как нечто заданное и неизменное) приводит к необходимости переосмысления онтологических представлений об экономической реальности.

Выводы по главе 3

Исследование этических аспектов эволюции экономической теории и методологии подтверждает, что экономическая теория фактически никогда не теряла связь с этикой, поскольку связь эта заложена в самом человеке и имеет сложную философско-методологическую структуру, в которой автор предлагает выделить три взаимосвязанных уровня (онтологический, гносеологический и праксеологический), исходя из функций экономической методологии, функций этики в развитии экономической теории и методологии и структуры диалектики.

Вопрос о роли этики в процессе формирования дисциплинарной онтологии экономической теории в настоящее время является чрезвычайно актуальным. В связи с этим большой научный интерес представляет обращение к трудам А. Смита. Его идеи о роли привычек мышления, предрассудков, моды, здравого смысла, воображения и фантазии ученого, пропитанных этическими ценностями, нашли продолжение при переходе к неклассической науке в работах таких ученых, как Г. Шмоллер и Й. Шумпетер, а также Т. Веблен и Дж. Коммонс. Они раскрыли значение целей, ценностей, идеалов и идеологии в процессе формирования дисциплинарной картины мира, показали, как стереотипы и предрассудки эпохи определяют онтологические представления ученых, как состояние научного знания зависит от институциональной структуры и образа жизни общества.

Онтологически связь экономической теории и этики проявляется в функционировании человека в хозяйственной деятельности, что находит выражение в различных общих для экономической теории и этики категориях. В диссертации рассматривается проблема роли языка науки в формировании дисциплинарной картины мира с точки зрения эвфемизации, этической нейтрализации экономических терминов. Процессы эвфемизации затронули даже название самой теоретической экономической науки и оказывают непосредственное влияние на онтологические представления ученых и восприятие экономических теорий пользователями научных результатов.

В диссертации систематизированы функции дисциплинарной онтологии экономической теории. Прежде всего, онтологические представления об экономической реальности (дисциплинарная картина мира) оказывают влияние на выбор объектов, методов исследования и интерпретацию полученных результатов, поэтому крайне важно, какие представления о человеке и экономике лежат в основе экономической теории. Представляя человека либо в виде независимого, неизменного, одномерного индивида, либо в виде многомерного, диалектического существа, наделенного волей, сознанием, потребностями, ценностями, интересами, ученый получает совершенно разные научные

результаты. В этом плане этика как наука о человеке позволяет сформировать более близкую к реальности картину экономики. При этом в истории экономической мысли можно наблюдать следующий парадокс: чем больше ученые пытаются придать модели человека экономического этическую нейтральность, тем более произвольной, субъективной, ценностно окрашенной она становится. Напротив, признание и учет относительной равнозначности различных элементов этической природы человека способствуют повышению объективности и реалистичности экономических теорий и моделей.

В этом плане онтологический уровень взаимосвязи экономической теории и этики пересекается с гносеологическим и праксеологическим уровнями. Взаимосвязь с этикой позволяет повысить объяснительные и прогностические возможности экономической теории, раскрыть перспективы развития науки, способствует решению таких важных проблем, как выбор между экономической и социально-этической эффективностью хозяйственной деятельности, в том числе деятельности самого ученого-экономиста. Философско-методологическая структура взаимосвязи экономической теории и этики позволила автору выделить и описать ряд подходов, сложившихся в экономической методологии по вопросу взаимосвязи экономической теории и этики между полюсами полного отрицания роли этики в экономическом теоретизировании и признания неотъемлемой взаимосвязи экономической теории и этики. При этом выбор ученым того или иного подхода зависит от его понимания этики. Автор диссертации придерживается интегрального, многоаспектного подхода к решению проблемы взаимосвязи экономической теории и этики, прежде всего, с точки зрения когнитивного понимания этики как науки о человеке, его целях, ценностях, мотивах, потребностях, интересах, привычках.

На этапе классицизма науки в экономической теории преобладала продуктовая онтология, согласно которой экономика представляла как кругооборот материального богатства. По мере усложнения экономической реальности происходило расширение и в некоторой степени фрагментация представлений об экономике. В эпоху неклассицизма оформились поведенческая и

институционально-эволюционная онтологии, на базе которых в первой трети XX века в экономической теории сформировался неклассический теоретико-методологический синтез. Ключевыми течениями экономической мысли, олицетворявшими специфику этого синтеза, выступили марксизм, традиционный институционализм, кейнсианство, шumpетерианство. Результатом неклассического синтеза стал переход экономической теории от классических представлений об экономической реальности к исследованию ограниченно рационального экономического поведения в условиях неопределенности.

В постнеклассической науке, как показано автором, в результате повышения уровня сложности и человекоразмерности системных объектов исследования в развернутом виде предстают гуманистическая, системная и синергетическая онтологии, в то время как предыдущие представления об экономической реальности продолжают существовать в снятом виде для исследования менее сложных объектов. Диалектическое снятие означает сохранение накопленного теоретико-методологического багажа для исследования системных объектов различного уровня сложности. Сама экономика становится все более сложной, многоуровневой, иерархичной, в ней, как в системе, находящейся вблизи точки полифуркации, формируется множество сценариев экономического развития и вариантов экономического поведения, для изучения которых оказываются пригодными различные онтологические фильтры. Таким образом, усложнение экономической реальности выражается в нарастании плюралистичности научных представлений о ней. Однако поскольку ни одна дисциплинарная онтология не может отразить все многообразие реального мира, возникает необходимость комплексного подхода в рамках выявленного в диссертации постнеклассического синтеза гуманистической, системной и синергетической онтологий, предполагающих исследование сверхсложных человекоразмерных систем. Кроме того, эволюция онтологических оснований экономической теории сопровождается усилением роли этики как науки о человеке. Так, в продуктовой онтологии человек как субъект познания и многогранная личность практически отсутствует. Однако по мере своего развития

экономика становится все более человекоразмерной. Экономическая теория уже не может больше игнорировать этот факт, поэтому она переходит сначала к рассмотрению поведения экономических субъектов и созданных ими институтов, а затем – к исследованию разнообразия природы экономических субъектов, обуславливающей сложность и неопределенность окружающего мира. Благодаря этому, в соответствии с предлагаемой автором моделью эволюции экономической теории во взаимосвязи с этикой, разрешались крупнейшие методологические споры («спор о методах» и методологический бум), предшествовавшие неклассическому и постнеклассическому синтезам и актуализировавшие все три аспекта взаимосвязи экономической теории и этики.

Дисциплинарная онтология может быть определена с помощью базовых бинарных методологических принципов, через которые ученые описывают и изучают экономическую реальность. Для экономической теории такими базовыми принципами выступают методологические принципы индивидуализма и коллективизма. В соответствии с первым из них экономика представляет собой аддитивную систему одинаковых, одномерных индивидов. Согласно второму принципу акцент в экономических исследованиях делается на изучении коллективного поведения с учетом существующего институционального окружения. Однако и в том, и в другом случае (с точки зрения когнитивного аспекта взаимосвязи экономической теории и этики) из поля зрения ученого-экономиста выпадает многообразие этических предпосылок поведения человека. В этом состоит главное ограничение принципов методологического индивидуализма и коллективизма. В них ничего не говорится ни о сложности, постоянном развитии, изменении окружающего мира, ни о гетерогенной природе человека. Поэтому ученые-экономисты прошлого и современности делали и делают попытки преодоления дихотомии индивидуализма и коллективизма. Наиболее яркие примеры нивелирования этой дихотомии в истории развитой экономической науки связаны с именами К. А. Сен-Симона, К. Маркса, Т. Веблена, Дж. Коммонса, Й. Шумпетера, Дж. М. Кейнса, Ф. Найта. В своих работах эти ученые исходили из совершенно иного взгляда на природу человека,

анализировали экономическое поведение с точки зрения его двойственного индивидуалистского и коллективистского характера, зависимости от институционального контекста, созданного предыдущими поколениями. Человек в их работах представал не только как обладатель индивидуальных мотивов и потребностей, но и как продукт общественной эволюции, носитель господствующей в ту или иную эпоху системы ценностей, привычек, стереотипов. В настоящее время поиск альтернатив оппозиции индивидуализма и коллективизма продолжается. В целях повышения эффективности экономико-теоретических исследований этот поиск необходимо связан с переосмыслением онтологических оснований экономической теории в рамках модели человека и концепции экономической рациональности.

ГЛАВА 4**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВЛИЯНИЯ ЭТИКИ****4.1 Онтологические противоречия модели человека в основном течении
экономической мысли**

В экономической методологии сложилось мнение, согласно которому исходные предпосылки теории (или дисциплинарная онтология) имеют решающее значение. Они определяют наше восприятие реального мира, выбор тех или иных методов исследования, а также практику применения экономических теорий. В социально-гуманитарных науках, науках о человеке и обществе, к которым относятся экономическая теория и этика, безусловным ключевым элементом дисциплинарной онтологии является представление о природе человека и способах взаимодействия (координации действий) людей. По выражению ученых-экономистов как прошлого, так и современности, изучение любого экономического процесса начинается с определения действующих лиц, их моральной и психологической природы [2, с. 8, 57; 4, с. 3; 26, с. 101; 136, с. 998; 197, с. 120; 294, с. 726; 308, с. 70]²³.

---

²³ Вопросы эволюции модели человека в экономической теории и концепции экономической рациональности в истории экономической мысли, изложенные в четвертой главе диссертации, рассматриваются в работах автора диссертации, включая публикации по теме диссертационной работы, прежде всего: [57, 153-155, 157-172, 174, 176, 179, 181-189]; отдельные вопросы также упоминаются в научных работах, выполненных в соавторстве: [150, 152, 156, 173, 175, 177, 178, 180, 193, 196]. Проблемы взаимосвязи экономической теории и этики с точки зрения эволюции модели человека экономического и концепции экономической рациональности, рассматриваемые в четвертой главе диссертации, обсуждались на различных конференциях и других научных мероприятиях, в том числе в совместном с Р. М. Нуревым докладе «The history and prospects of ethical rationality: Toward XXI century economics» на 21-й ежегодной конференции Европейского общества истории экономической мысли (ESHET) «Рациональность в экономической теории» (Антверпен, Бельгия, Европейское общество истории экономической мысли, 18-20 мая 2017 г.).

Считается, что модель человека экономического (*homo oeconomicus*) впервые, хотя и в неявной форме, была описана А. Смитом и формализована маржиналистами. Однако представители классической политической экономии, как правило, были приверженцами более широкого подхода. Они принимали во внимание личностные, социальные, национальные и другие отличия экономических субъектов, утверждали, что человеком руководят разные мотивы, не всегда уподобляли экономического субъекта некоему среднему, типичному представителю. В своих теоретических построениях они в большой степени ориентировались на свой жизненный опыт. Их теории и модели, безусловно, не были лишены того недостатка, о котором писали А. Маршалл и У. Митчелл, – распространение собственных представлений о людях или о себе на всех людей во все эпохи (экономический субъект – житель большого города у Д. Рикардо и шотландец у А. Смита), но тем не менее предполагали различия между людьми [2, с. 68; 128, т. III, с. 197; 141, с. 84].

В связи с этим следует уточнить, что на выбор модели человека, которой придерживается тот или иной исследователь, оказывают влияние многочисленные факторы, в том числе социальное происхождение, личный жизненный опыт ученого, социально-исторический контекст времени, культурные особенности той или иной страны, профессиональные и репутационные соображения, принадлежность к определенной научной школе, возможности формализации модели, изменения в технике анализа, влияние других наук [2, с. 124; 4, с. 6-7].

В трудах А. Смита можно выделить несколько типов экономических субъектов, природа которых не сводится к одному-двум естественным свойствам. Следуя этическому подходу, А. Смит анализировал характер человека в его влиянии на состояние экономики, исходил из многоуровневой природы личности, которая включает вспыльчивую, вожделеющую и рассудочную составляющие, выделил общественные, антиобщественные и промежуточные страсти и чувства²⁴, а также страсти, исходящие из физиологии или воображения человека, признавал

---

²⁴ Примечательно, что эгоистические страсти А. Смит отнес к промежуточным страстям, а вовсе не общественно полезным, как принято считать. Польза эгоизма для общества определяется его характером и степенью [240, с. 60, 295].

влияние воспитания, склонностей, привычек, нравов, рода деятельности человека, его возраста, исторических условий, страновых особенностей и даже климатических различий на экономическое поведение, приводя многочисленные примеры из жизни современных ему Великобритании и других стран, а также примеры из истории. Благоразумный человек, по мнению А. Смита, соединяет в себе «превосходную голову с превосходным сердцем» и обладает бережливостью, осмотрительностью, скромностью, сдержанностью, самообладанием, искренностью, честностью, верностью, трудолюбием, человеколюбием, справедливостью, доблестью, самопожертвованием, чувством привязанности к обществу, стране («любовью к отечеству»). Перечисленный набор черт характера человека уже не согласуется с распространенным мнением о человеке А. Смита как олицетворении сфокусированного на себе, самолюбивого и независимого эгоиста, которому оставили удобный для формализации разум, но лишили его сердца. Фактически на представления А. Смита опираются современные модели этического, нравственного экономического субъекта. Однако большинство людей относится, скорее, к промежуточному типу, их поведение сильно подвержено настроению и окружающим обстоятельствам. Противоположностью благоразумного человека является «человек безнравственный и бесчестный», которым движет ярость, гнев, злоба, ненависть, он преследует только свои выгоды и удовлетворяет пустые и ненасытные желания [239, с. 121, 142, 330, 343, 345, 350, 353, 393, 455, 538, 559, 582, 608, 630, 656, 701, 856, 860; 240, с. 54-58, 97, 101, 104, 164, 165, 185, 187, 188, 200-215, 228, 263, 329].

При прочтении обоих главных произведений А. Смита становится понятно, что первопричиной того или иного экономического поведения оказывается не эгоизм, не просто стремление к улучшению материального положения, а тщеславие (которое А. Смит осуждал) [239, с. 213, 241, 410, 412; 240, с. 70, 126, 181]. То, что А. Смит написал еще в XVIII веке, пришлось доказывать Т. Веблену, Ф. Найту и другим ученым, а позднее нашло отражение в моделях *homo sociologicus* и *homo institutus*: для общественного человека важно внимание других людей, мы часто судим о вещах с точки зрения других людей [46; 147; 240,

с. 183]. Таким образом, в основе экономического, на первый взгляд, поведения лежат социально-этические факторы. Здесь крайне уместным может быть замечание М. Блауга по поводу приписываемой А. Смиту модели человека. Один из самых авторитетных методологов XX века писал, что ничего похожего на *homo oeconomicus* у А. Смита нет [24, с. 114]. По мнению Дж. Коммонса, превознесение эгоистической мотивации является следствием того, что идеи А. Смита часто вырывались из контекста и извращались, чтобы послужить весомым аргументом в споре благодаря ссылке на научный авторитет А. Смита без учета его взглядов в целом. «Возвращение к истинному духу» шотландского мыслителя могло бы значительно обогатить экономическую теорию [104, с. 387, 388].

В научных исследованиях Д. Рикардо также уделялось внимание роли социальных и страновых различий людей. По мнению ученого, поведение рабочих подчинено привычкам и инстинктам, а землевладельцы являются праздными получателями ренты. Модели *homo oeconomicus* более или менее соответствует поведение предпринимателей, но и они подвержены разным привычкам и предрассудкам, держатся за свое предприятие, соглашаются на низкую норму прибыли вместо того, чтобы направлять капитал в более доходное дело. Прибыль не является единственным мотивом их поведения [4, с. 14; 93, с. 403-479].

Дж. С. Милль писал о предусмотрительности, усердии, прилежании, трудолюбии, лени, безразличии, стремлении к богатству, транжирству и излишествам у разных народов, ведущих к разным социально-экономическим последствиям [136, с. 181, 383, 748]. Он анализировал роль особенностей национального характера, человечности, честности, доверия, формальных и религиозных норм, обычаев, государства и элиты общества (мнения и желания которой определяют законы распределения) на состояние экономики, осуждая праздность и тщеславие. Склонности к сбережению или риску как одни из основных черт характера, имеющие непосредственное отношение к экономике, отличаются у разных людей и в разных обществах. Даже уровень издержек и прибыли при одинаковом вложении капитала будет разным у разных

предпринимателей по причине различий в их характере, знаниях, талантах, степени бережливости [136, с. 186, 234, 270, 383, 469, 472, 748, 919]. Именно Дж. С. Милль одним из первых решил проблему критики модели человека экономического, объявив ее не столько олицетворением экономического поведения реального человека, сколько необходимой и полезной для научных целей абстракцией. Дж. С. Милль (вслед за И. Бентамом) полагал, что человек всегда испытывает сочетание разных мотивов (которые в то же время можно свести к двум основным: отвращение к труду и желание пользоваться наслаждениями), однако для целей научного анализа можно сосредоточиться на изучении лишь одного из них, относящегося к экономике. Тем не менее для практических целей выводы такого анализа должны быть дополнены с учетом других факторов, в том числе таких как привычки, обычаи [136, с. 1006, 1011]. В объяснении кризисных явлений в экономике Дж. С. Милль во многом придерживался психологических и этических причин: подогревание ажиотажа, следование большинству, подражательство, азарт, беспечность, алчность и расточительность – частые, хотя и не единственные, причины кризисов, вызывающие «спекулятивную горячку» [136, с. 572, 578, 579, 673, 676, 752, 767, 921, 922].

Дж. Э. Кэрнс, практически повторяя слова Дж. С. Милля, утверждал, что, несмотря на разнообразие чувств людей, для определения экономических законов достаточно всего двух основных предпосылок экономического поведения: стремления к повышению материального благополучия и умения оценивать степень соответствия тех или иных средств для этого. В то же время экономист может и должен принимать во внимание вновь возникающие вследствие общественного развития мотивы экономической деятельности: приличие, воздержание, стремление к наслаждениям, роскоши и комфорту [114, с. 34, 37].

Наиболее полно (после А. Смита) человек был представлен в работах экономистов-историков. Они рассматривали человека как общественное существо, продукт цивилизации и истории, нравы, потребности, отношение к материальным ценностям которого географически, культурно и исторически

обусловлены и могут меняться. Характер экономического развития во многом объясняется особенностями менталитета жителей страны [54, с. 59, 60]. По мнению К. Книса, помимо собственного интереса (исторически переходящего, а не всеобщего и единственного мотива), человек также испытывает чувства общности и справедливости, поэтому явления хозяйственной жизни можно рассматривать как результат взаимодействия материальных и духовных факторов. Г. Шмоллер делал акцент на роли психологических, этических и правовых факторов, семьи, собственности, обычаев, религии [98, 235, 289, 290].

Представители немецкой исторической школы уделяли большое внимание этической природе человека, факторам ее формирования в разных странах, а также обратному влиянию природы человека на хозяйственную жизнь страны. Большое значение для экономического развития имеют предприимчивость, честность, доверие [54, с. 59, 60]. Анализируя экономическое поведение, необходимо учитывать состояние морали, права, политики, принимать во внимание такие свойства человека, как любовь к ближнему, а не только страсть к наживе и приобретательству, а также привычки и обычаи. Человек – прежде всего социальное существо, потребности, отношения которого постоянно меняются. Представители немецкой исторической школы всегда делали акцент на том, что человеком движут разные мотивы. Эгоистический мотив не является единственным в хозяйственной деятельности, немаловажную роль играют также альтруизм, чувство национальной принадлежности, понимание значимости интересов общества. Сводить причины поведения человека в той или иной сфере его жизни к единственному мотиву (для экономической сферы это эгоизм) означает, по сути, наличие независимых друг от друга центров психики (К. Книс) и превращение экономической теории в «историю эгоизма» (Б. Гильдебранд) [54, 98, 235].

По мнению представителей немецкой исторической школы, узость подхода классической политической экономии к человеку заключалась в его крайне ограниченной этико-психологической природе, сконцентрированной исключительно на материальном интересе. Однако даже в экономической сфере

на поведение человека оказывают влияние всевозможные внешние и внутренние экономические и неэкономические факторы, включая состояние окружающей среды, темперамент человека, климатические условия, воспитание, образование, поведение других людей, государственное устройство, культуру и уровень интеллектуального развития народа, а главное этические нормы. Все это формирует представления, мотивы и систему ценностей человека. Истинная свобода человека заключается в его способности воспитать в себе твердые нравственные принципы, следовать им, побеждая таким образом то, что осталось в человеке от животных [291, с. 33]. Г. Шмоллер выступал за создание и развитие моральной экономической науки, в центре которой находился бы человек во всем богатстве его духовных устремлений, а не рационально обменивающийся, внеисторичный эгоист [288, с. 39, 40; 289].

Стремление к большей реалистичности и многогранности модели человека экономического была свойственна работам А. Маршалла. Он обращался к роли этической природы человека, в которой можно выделить высшие и низменные стороны (например, честность, доверие, корысть, хвастовство, расточительность), а также к роли привычек, особенностей характера, продолжительности жизни, наследственности и их влиянию на экономическое положение Великобритании и других стран. А. Маршалл указал на изменчивость человеческого характера, его зависимость от обстоятельств [128, т. I, с. 62, 70, 76, 81; т. III, с. 141, 143, 166, 169, 171, 182, 198, 211]. На основании этого он сделал заключение о тесной связи этических и экономических факторов, необходимости учета нравственных мотивов и динамических, эволюционных аспектов хозяйственной деятельности [128, т. I, с. 52, 53, 85, 100; т. III, с. 130, 227]. А. Маршалл делал акцент на поведении человека «из плоти и крови», а также предпринимателей, идущих «проторенными путями» и применяющих «улучшенные методы» [128, т. I, с. 83; т. III, с. 6]. Однако пример А. Маршалла хорошо показывает, что одно дело – признавать многомерность природы экономических субъектов, с этим в принципе никто не спорит, а другое дело – учитывать эту многомерность в своих

теоретических построениях²⁵. Так, А. Маршалл предполагал, что при изучении поведения больших групп людей можно пренебречь их индивидуальными различиями, что позволяет, опираясь на принцип методологического индивидуализма, сводить коллективные образования к индивидуальным, анализировать поведение репрезентативной фирмы по аналогии с поведением индивида [128, т. I, с. 137, 162, 199]. Во второй и третьей главах диссертации было показано, что в истории экономической мысли все же есть примеры не только признания, но и учета многофакторности поведения человека в теоретическом исследовании (с опорой на когнитивную функцию этики в эволюции экономической теории и методологии). В частности, Дж. М. Кейнс исследовал поведение человека в условиях неопределенности, под влиянием чувства страха, интуиции, азарта, «жизнерадостности», привычек и надежд, конвенций, с ориентацией на среднее мнение [93, с. 599, 600, 605, 609, 610]. Й. Шумпетер разработал теорию экономического развития на основе анализа поведения двух типов предпринимателей: новатора и рутинера, предпринимателя и «просто хозяина» или даже «просто-напросто хозяина» [295, с. 152, 161, 344].

В то же время наиболее распространенной в экономической теории и особенно базовом экономическом образовании является модель человека экономического. К ее основным характеристикам обычно относят совершенную осведомленность и незаурядные вычислительные способности, стремление к максимизации выгод и минимизации затрат, отсутствие других ценностных ориентаций кроме эгоизма, устойчивость предпочтений и слабую связь с окружающей средой и другими людьми. Указанные черты человека экономического уходят корнями в утилитаристскую философию И. Бентама, формализованную в маржинализме. Ограниченный набор характеристик *homo oeconomicus* всегда вызывал сомнения в реалистичности данной модели человека, несмотря на то, что она сыграла колоссальную роль в развитии экономической теории [2, с. 92, гл. 3; 4, с. 14, 32, 33, 34, 56, 57; 75, с. 190]. В связи с этим

---

²⁵ По словам Дж. Н. Кейнса, об ученом больше говорят не его методологические предписания, которым он сам не всегда следует, а его собственная практика теоретизирования [327, с. 17-18].

двойственным положением модели человека экономического требуется ее анализ по следующим основным пунктам:

1. Единственным мотивом экономической деятельности для homo oeconomicus является личная выгода, собственный интерес. Такой человек может сознательно адаптироваться к общественным условиям, следовать установленным нормам, уважать права других, стремиться к сотрудничеству и кооперации, но лишь руководствуясь личным интересом, а не альтруистическими побуждениями («правильно понятый эгоизм») [134, с. 160]. Для максимизации индивидуальной выгоды подходят любые средства, даже если они связаны с ущемлением интересов других людей, которые рассматриваются лишь как инструменты оптимизации индивидуальной функции полезности. Однако, как отмечают некоторые исследователи, точно определить, достиг ли индивид максимальной степени удовлетворения, невозможно. Предпосылка максимизации в теории оказывается настолько универсальной и неопровержимой (все что-то максимизируют) [216, с. 105, 106; 279, с. 13-14], что формально становится ложной [101, с. 189, 190].

По словам ряда ученых, в реальной хозяйственной практике предприниматели стремятся к получению некой плановой или средней по отрасли прибыли [32, с. 62; 278, с. 128; 300, с. 34, 45], хотя бы потому, что для оптимального поведения у них недостаточно информации (никто не знает, какая прибыль максимальна); они не вычисляют вероятности и предельные величины, могут ошибаться, действуют привычным образом и стараются лучше конкурентов понять условия функционирования рынка [128, т. I, с. 76, 92; 134, с. 282; 138, с. 326; 149, с. 136; 235, с. 231, 397, 399, 463]. Существование науки менеджмента и ситуационного подхода к управлению подтверждает это.

Российские исследователи также отмечают, что предприниматели ориентируются на состояние деловой среды и пытаются достичь некоего приемлемого, возможного в данных условиях размера прибыли, которая выступает не в роли цели предпринимательской деятельности, а в качестве средства для достижения других целей, связанных с материальным

благополучием семьи, самозанятостью, ростом социального статуса, реализацией чувства соперничества, целеустремленности, потребности в личностном росте [260, с. 58, 61-62; 307]. Это подтверждается концепцией жизненного цикла фирмы и товара. Максимально возможная прибыль достигается на стадии зрелости, за которой следует наименее желательная стадия спада. Обе эти стадии характеризуются низкими или снижающимися темпами роста выручки (прибыли, объемов продаж). Фактически оказывается, что, стремясь к максимизации прибыли, предприниматель сокращает жизнь своей фирмы или товара, что вряд ли согласуется с предпосылкой оптимизации, поэтому (и это хорошо известно маркетологам) в реальных условиях предприниматели делают все возможное, чтобы продлить стадию роста путем постоянной модификации отдельных элементов комплекса маркетинга, а не достичь некой максимальной прибыли.

Максимизация прибыли фирмами, по М. Фридмену, сопровождается максимизацией полезности потребителями (в свободной рыночной экономике выигрывают все). На самом деле это два взаимоисключающих условия, хотя бы по законам сохранения массы и энергии из классической физики (как эталона для экономической теории эпохи классицизма): приращение блага у одного человека или социального слоя означает его уменьшение у другого (игра с нулевой суммой), приращение удовольствия сегодня – это упущенные возможности в будущем, сокращение жизненного цикла субъекта хозяйствования [25, с. 63; 46, с. 212; 58, с. 49].

Еще одно противоречие, заложенное в предпосылке максимизации, содержится у самого М. Фридмена. По его мнению, процесс естественного отбора способствует обоснованию гипотезы о максимизации, но в том-то все и дело, что, если бы все вели себя оптимально, никакого отбора не было бы. Наличие естественного отбора не доказывает, а опровергает тезис о репрезентативном максимизирующем поведении и указывает на то, что разные экономические субъекты достигают разного успеха в деле оптимизации (естественный отбор отсеивает неудачливых максимизаторов) [9, с. 83; 235, с. 457; 269, с. 35].

Стремление к максимизации прибыли в теории обеспечивает действие ценового механизма и перелив капитала в отрасли с наибольшей нормой прибыли. Когда нормы прибыли выравниваются, предприниматели ищут другое приложение капитала. На практике действуют соображения не только увеличения прибыли, но и привычки, предрассудки, нежелание расставаться с предприятием, боязнь рисковать [4, с. 12, 14]. Кроме того, отрасли, где норма прибыли выше, необязательно выгодны обществу, их функционирование нередко сопряжено с нарушением законов.

Условие максимизации прибыли или удовольствия мы не найдем и у классиков. Так, А. Смит в «Теории нравственных чувств» не одобрял стремление к удовольствиям и краткосрочной выгоде, гораздо более важными он находил благоразумие, благожелательность. Умеренность, разумное честолюбие, выдержка, рассудительность, отказ от сиюминутных удовольствий очень важны для предпринимателя и обеспечивают будущее относительно большее благосостояние. При этом А. Смит ссылаясь на Платона и Аристотеля, считавших, что добродетель – это согласованное, не переходящее разумные пределы действие внутренних сил человека, привычка к умеренности, исходящая от разума, а не желудка. Одним из самых важных для экономики свойств человеческой природы А. Смит считал бережливость, но не как скупость, желание сэкономить на всем, а как следование «правилам нравственности» [240, с. 153, 174, 265, 286, 287].

К. Маркс также указывал на нелепость узкого понимания человека, принижения его до существа, занятого только повышением индивидуальной полезности за счет другого человека [127, т. 3, с. 409, 410, 414; т. 46, ч. I, с. 190]. Как сегодня разъясняет Д. МакКлоски, расчетливость (эгоизм, стремление к максимизации) – отнюдь не основная черта человека, более того она не является специфически человеческой [331, с. 23].

По мнению А. Сена, все противоречия, связанные с предпосылкой эгоистического поведения и максимизации, объясняются тем, что она всегда доказывалась только теоретически, являлась, скорее, предметом убеждения, чем

эмпирически доказанным фактом, или принималась в качестве аксиомы, что позволяло сознательно отмежеваться от ценностных суждений [235, с. 232; 236, с. 36]. Сегодня не всеобщий и не универсальный характер этой предпосылки подтверждают психолого-поведенческие исследования: люди не всегда поступают эгоистично, они выполняют свои обязательства, придают значение действиям других людей, руководствуются нравственными мотивами и соображениями общественного блага [306, с. 43].

2. Модель *homo oeconomicus* может быть использована для анализа экономического поведения, характерного для времени ее возникновения, то есть периода свободного рынка, просуществовавшего всего несколько десятков лет в XIX столетии и потерпевшего крах в начале XX века [101, с. 273; 214, с. 13, 41, 42, 97] (как полагают некоторые ученые, «чистая» рыночная экономика, для исследования которой предназначена модель *homo oeconomicus*, вообще никогда не существовала [218, с. 485]). Эта модель, по мнению многих ученых, не пригодна для исследования других этапов экономической истории, эволюции экономики и долгосрочного прогнозирования [2, с. 43; 33, с. 104-105; 142, с. 100; 190, с. 27; 276, с. 42]. Более того, как писал Т. Веблен, «человек экономический» никогда не был определяющим типом поведения, а для развития современного производства он вообще бесполезен [46, с. 241].

Извечные склонности человека экономического (например, к обмену или увеличению материального благосостояния), его эгоизм и расчетливость не являются чертами человека любой эпохи. Как доказали антропологи, дарение, кооперация, взаимопомощь, коллективизм более естественны для человека, чем эгоизм и склонность к обмену. Науки о человеке в XX веке показали, что: 1) процесс эволюции заключается во все большем развитии социэтарных, а не индивидуалистских потребностей и инстинктов человека (соответствующие участки коры головного мозга получили большее развитие, что способствовало прогрессу человека, уходу от животных инстинктов, агрессии); 2) речь и мышление могут развиваться только в социуме; 3) изначально мотивы хозяйственной деятельности были неэгоистическими, кооперация и

взаимопомощь способствовали выживанию человечества, не говоря о том, что без заботы других людей только родившийся человек беспомощен и погибает; 4) сегодня, как и многие столетия назад, экономическое поведение подчинено действующей системе социальных связей человека и направлено на поддержание или повышение его социального статуса [46, 105, 204, 214, 230].

Экспериментальная экономика, экономическая психология, поведенческая экономика также делают вывод о том, что модель человека экономического отнюдь не репрезентативный образец, а только один из вариантов экономического поведения. В реальности существует множество типов экономического поведения [19, 111, 278]. Кроме того, в современной глобальной экономике с ростом доходов населения все больше товаров и услуг переходят в разряд «товаров Веблена», когда постулаты теории рационального выбора, законы Госсена нередко оказываются непригодными и удобными разве только в учебных целях [199, с. 9, 31].

3. Неизменность, а иногда и ограниченность мотивов, предпочтений индивида (его единственная забота – поиск удовольствий и выбор оптимального средства для этого) делает его инертной, изолированной, бесцельной «машиной», подсчитывающей наслаждения и страдания, пассивно реагирующей на внешние раздражители. Рассмотренная выше предпосылка максимизации полезности лишь усиливает статичность и пассивность экономического субъекта: достигнув состояния полного удовлетворения, он должен стать равнодушен к изменениям и прогрессу [133, с. 199; 304, с. 14], поэтому в экономических моделях, онтологическим основанием которых является модель *homo oeconomicus*, не находится места для изменений, динамики и стимулов к инновациям. На это указывали Т. Веблен и Д. Норт [191, с. 19, 20; 235, с. 241; 303, с. 25].

Homo oeconomicus подчиняется законам спроса и предложения, от него ничего не зависит, а потому у него отсутствует чувство ответственности за свои поступки [303, с. 25], что явно противоречит представлениям о свободе выбора, автономности индивида. При этом выбор свободного экономического субъекта вряд ли может быть предсказан, в то время как предсказуемость (точность

прогнозов) (по М. Фридмену) – одна из важнейших функций экономических теорий и моделей [269, с. 21; 279, с. 25].

Безусловно, генетически закрепленные потребности и привычки существуют, но даже они могут изменяться, иначе был бы невозможен процесс эволюции и адаптации индивидов к окружающей среде [42, с. 127]. Статичность модели человека вынуждает его быть способным к выживанию только в такой же статичной среде, каковой жизнь на Земле никогда не была. Изменчивость и есть один из способов выживания [58, с. 45]. Чем разнообразнее и богаче социально-культурный контекст, тем больше у общества возможностей для приспособления к той или иной ситуации, больше спектр потенциальных вариантов выбора альтернативных путей развития и выживания [191, с. 61, 62], то есть предпосылка о неизменности предпочтений противоречит предпосылке об оптимальном поведении. Поведение, которое не соответствует изменениям окружающей среды, не может способствовать достижению оптимума. Неизменный индивид может выжить только в статичной среде, то есть он не может выжить в реальных условиях [42, с. 115].

Уже к началу XX века достижения психологии и антропологии доказали, что природа человека представляет собой «структуру склонностей и привычек», соответственно, хозяйственная деятельность человека является проявлением разнообразных граней его природы [303, с. 26]. В реальной действительности природа человека может меняться даже в краткосрочной перспективе, люди подвержены влиянию друг друга, они нередко подражают действиям элиты. На наше поведение могут влиять многие отнюдь не экономические факторы, включая физиологическое состояние и погоду. Поведение конечных потребителей сегодня вряд ли можно описать как суверенное. Современное потребительское общество давно разрушило предпосылки о предельной полезности: мода, подражательство, показное потребление оказывают на поведение конечных потребителей большее влияние, чем рациональная калькуляция выгод и затрат. Экономически рациональный индивид давно бы определил, что двадцатый предмет одежды скорее выйдет из моды, чем будет надет хотя бы один раз. Хотя

и в данном случае можно сказать, что индивид максимизировал удовольствие, например, от самого процесса совершения покупки, который заканчивается достижением оптимума – приобретением понравившейся вещи. Как следствие, *homo oeconomicus* оказывается не свободным и независимым, а пассивным индивидом, реагирующим на внешние раздражители, но не обладающим инновационным потенциалом и творческой активностью [46; 62, с. 75, 257-258, 375; 142, с. 98; 235, с. 531, 544].

Неудивительно, что в экономической науке, населенной подобными репрезентативными агентами, не оказывается места для творчества предпринимателей, не представляется возможным объяснить появление инноваций, технологические прорывы оказываются случайными внешними явлениями или просто констатируются как свершившийся факт [228, с. 89, 91]. Как писал в свое время Т. Веблен, пассивный гедонист, консерватор и эгоист не может быть источником прогресса, новизны, перемен [303, с. 25].

Статичность модели человека экономического связана с предпосылкой рыночного равновесия, хотя в реальности человек и общество развиваются, меняются. В современной постнеклассической науке равновесие рассматривается как смерть, «отсутствие жизни» [134, с. 69, 391; 217, с. 180, 322; 304, с. 15]. Необходимо также отметить фрагментарность модели человека экономического, в которой он исследуется не как единое многогранное целое, а только как работник, потребитель, владелец капитала, предприниматель, политик или избиратель. Реальный человек выполняет, как правило, несколько социальных ролей по количеству предприятий, членом которых он выступает [43, с. 161; 104, с. 396, 398; 117, с. 133; 229, с. 28]. Каждой социальной роли соответствует свой набор черт человеческой природы, свои идеалы и образ мышления [46, с. 220, 241, 244].

4. В модели *homo oeconomicus* человек предстает как носитель поистине безграничных знаний и способностей в области арифметики и товароведения, он может в уме безошибочно сравнивать разные наборы товаров (как правило, всего двух) [127, т. 23, с. 44; 304, с. 10], то есть делать подсчеты, на которые не способно большинство профессиональных экономистов и тем более обычных

потребителей. Между тем, познания реальных индивидов следует рассматривать как ограниченные, основанные, скорее, на опыте и привычках, чем каждый раз производимых строгих расчетах [128, т. I, с. 76], поэтому люди часто ошибаются, приобретают не самые качественные и выгодные по цене товары. Западные ученые отмечают, что теория рационального выбора приписывает людям способности ученых и «полубогов» (Дж. М. Кларк) [3, с. 115; 149, с. 91; 293, с. 17], в то время как Д. Канеман доказал, что людей утомляют серьезные рассуждения, они предпочитают довольствоваться более или менее правдоподобными суждениями, которые первыми приходят на ум [80]. В реальности люди плохо воспринимают новую информацию, придерживаются ограниченной рациональности, а на финансовых рынках вообще подвержены сильному воздействию эмоций и гормональных реакций [267, с. 17]. Более того, стремление получить как можно более полную информацию не всегда выгодно, особенно в критической или турбулентной обстановке (классический пример – буриданов осел) [206, т. 2, с. 975; 236, с. 98]. Своеобразным противоречием также является то, что гедонистические постулаты о поведении *homo oeconomicus* действительно, если принять предпосылку о том, что человек экономический ведет себя так или иначе в соответствии со своими привычками, но это расходится с представлениями о рациональном сопоставлении выгод и затрат, которое *homo oeconomicus* осуществляет всякий раз, принимая решение (Дж. М. Кларк) [235, с. 106].

5. Рассмотренные характеристики модели человека экономического вытекают из ее излишней упрощенности, чрезвычайно большой отдаленности от реального человека, его внутреннего мира и культурно-исторического наследия. Разумеется, любая модель есть вынужденное упрощение реальности; чем больше характеристик реального человека включает модель, тем менее строгой и формально удобной она становится [142, с. 104]. Однако это вовсе не означает, что можно удовлетвориться типичным для классицизма науки оправданием и продолжить изучение «не живых людей», а «фантомов» [132, с. 207]. Современный постнеклассический этап развития теоретического знания

обусловливает необходимость изучать экономическое поведение в многообразии и неразрывной связи с явлениями социальной, политической, культурной жизни, то есть с точки зрения междисциплинарного подхода и многообразия этических предпосылок экономического поведения человека [75, с. 187].

6. Существенный элемент анализа модели *homo oeconomicus* заключается в том, что в значительной степени эта модель стала идеальным типом не только для научного исследования, но и для реального экономического поведения [219, с. 57; 230, с. 3; 307]. Дж. Нельсон вообще ставит вопрос о том, что было бы, если бы онтологические предпосылки экономической теории, основанные на модели *homo oeconomicus*, имели место в реальности (мы бы получили мир безответственных оппортунистов, бьющихся за каждую монету), и выражает тревогу по поводу профессии, которая так описывает мир [338, с. 3].

Однако, как справедливо пишет В. С. Автономов, модель человека в экономической теории является «изолирующей абстракцией», сравнивать ее с реальным человеком неправомерно, проверить столь бессодержательную гипотезу также не представляется возможным [2, с. 9, 47; 299, с. 71]. Отсюда неизбежно вытекают сомнения в необходимости такой модели. Кроме того, ни студенты, ни даже многие преподаватели не догадываются, что человек экономический – «чистая» модель. Модельное поведение преподносится им/ими как нечто естественное, само собой разумеющееся и даже желательное для достижения оптимального состояния, максимизации прибыли. Модель *homo oeconomicus* лежит в основе большинства версий базового курса экономикс, однако экономикс практически не применяется на практике, противоречит положениям некоторых смежных экономических дисциплин и вызывает у выпускников (особенно тех, кто уже имеет опыт предпринимательской деятельности) справедливый вопрос о том, какое отношение полученные ими знания имеют к хозяйственной практике [24, с. 16; 236, с. 35]. Между тем связь с прикладными дисциплинами могла бы в значительной степени обогатить экономическую теорию тем более с учетом того, что ко многим идеям специалисты прикладных экономических наук приходят раньше и независимо от

экономистов-теоретиков, так как стоят ближе к реальной экономике [8, с. 46; 59, с. 8, 12; 206, т. 1, с. 165; 294, с. 1246].

Ограничения модели человека экономического обуславливают необходимость возвращения к этическим основаниям онтологии экономической теории, человеку, личности в целях сближения модельного и реального экономического поведения [306, с. 41, 43]. В то же время, несмотря на указанные ограничения, модель *homo oeconomicus* имеет ряд преимуществ, обобщенных на рисунке 8.

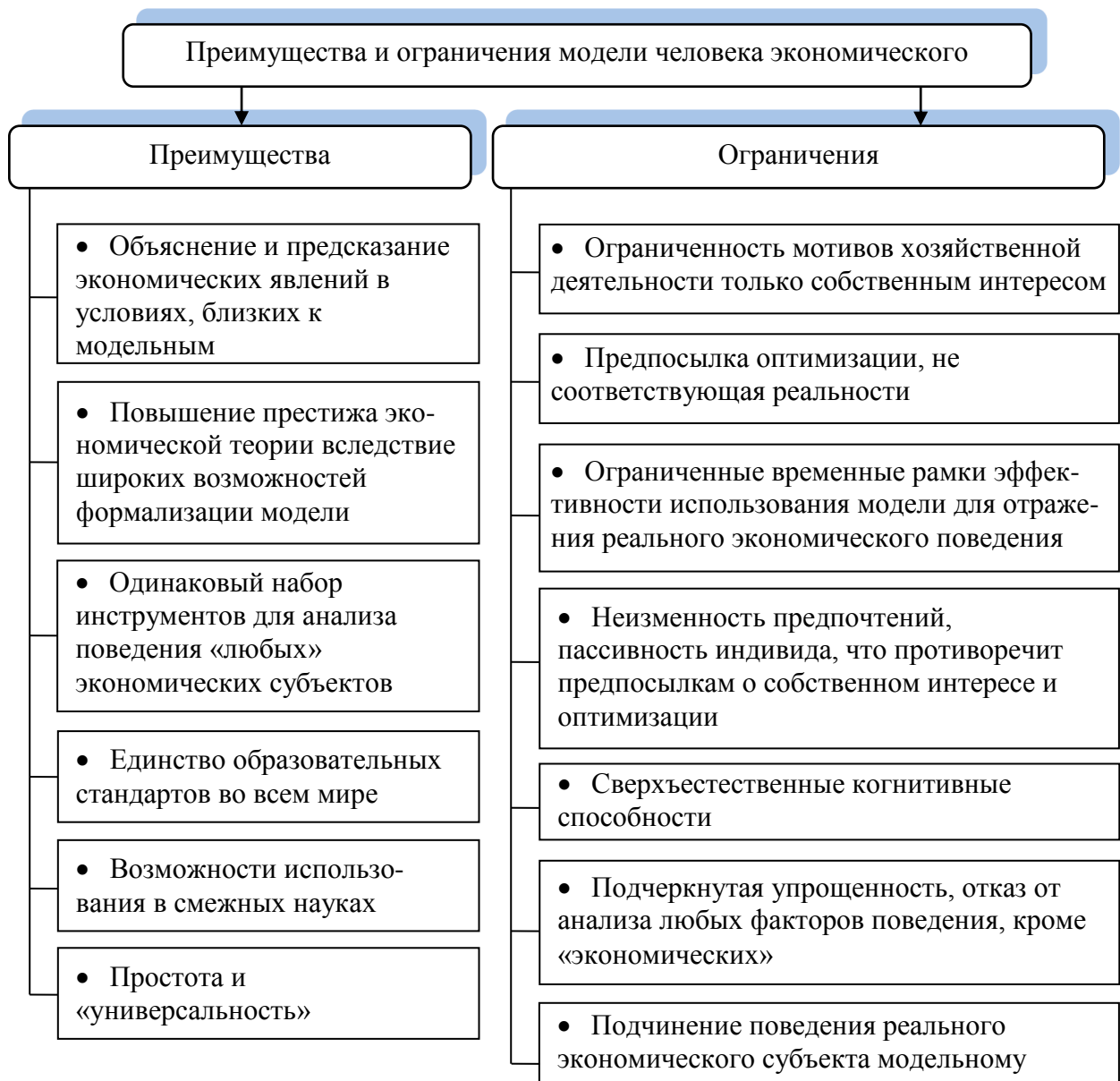

Рисунок 8 – Преимущества и ограничения модели *homo oeconomicus*

Источник: составлено автором по результатам исследования содержания модели человека экономического (homo oeconomicus) в трудах российских и зарубежных ученых.

Модель человека экономического (и в этом ее основное преимущество) может применяться к различным вариантам поведения и выбора благодаря простоте предпосылок, что позволяет расширять границы ее применения (экономический империализм) и довольно долго защищать от критики за счет *ad hoc* гипотез или ссылок на недостатки проведения экспериментов (тезис Дюгема-Куайна) [2, 4, 190, 229]. Модель человека экономического также является важным этапом развития экономической теории [4, с. 15]. Однако, несмотря на многочисленные дополнения, в настоящее время модель *homo oeconomicus* не отвечает потребностям постнеклассической науки [308, с. 70], изучающей сверхсложные человекоразмерные системы, хотя может успешно применяться для исследования менее сложных системных объектов. Это приводит к возникновению альтернативных моделей человека.

4.2 Направления развития альтернативных моделей человека в экономической теории с учетом влияния этики

С точки зрения многоаспектного характера взаимосвязи экономической теории и этики, проведенный в диссертации анализ показывает, что понимание роли человека в классицизме экономической теории было связано с ним как объектом познания, хотя и весьма упрощенным. В неклассической науке имеет место постепенное приближение модели человека как инструмента познания к человеку как реальному субъекту и объекту познания, хотя нередко место человека занимают превращенные формы экономических величин. В постнеклассической экономической теории происходит возвращение человека на авансцену как разнообразного по своим этическим характеристикам объекта и субъекта познания.

Учитывая рассмотренные выше ограничения модели *homo oeconomicus*, необходимо указать на наличие множества альтернативных моделей

экономического субъекта, представленных в приложении Г, разнообразие которых позволило обобщить в диссертации ряд признаков их классификации, приведенных на рисунке 9.

Альтернативные модели человека различают по основному мотиву деятельности, целевой установке, степени доступности информации, рациональности, интеллектуальным возможностям и мировоззрению [2, с. 9; 4, с. 4]. Также можно выделить модели человека между полюсами индивидуализма / социэтарности и абстрактности / реалистичности. Модели человека можно разделить по принадлежности к тому или иному течению экономической мысли. В настоящее время можно также говорить о моделях человека по степени однородности (гомогенные и гетерогенные экономические субъекты) и по степени учета этических факторов (модели идеализированных, этических субъектов и расширительные модели человека). Как видно из приложения Г, в ходе движения от классической к постнеклассической экономической теории экономический субъект от рационального максимизатора все больше приближается к многогранному человеку [307].

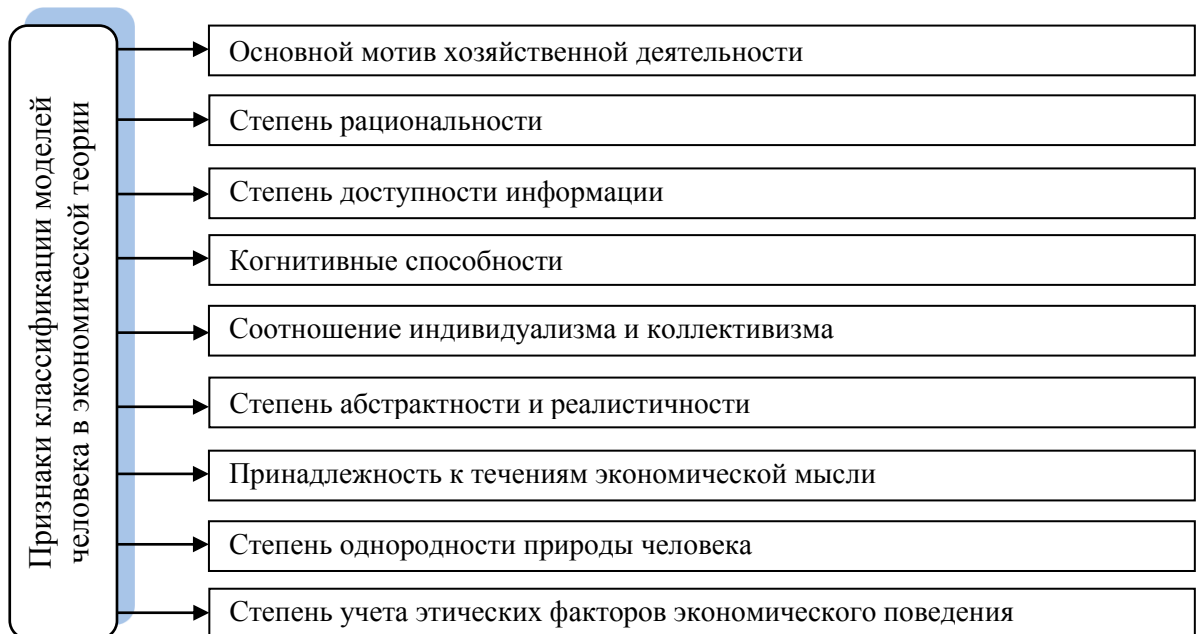

Рисунок 9 – Признаки классификации моделей человека
в экономической теории

Источник: составлено автором по результатам сравнительного анализа основной и альтернативных моделей человека в экономической теории.

Существуют модели человека в виде акронимов, описывающие человека как обладателя нескольких наиболее существенных черт и являющиеся модификациями homo oeconomicus или homo sociologicus. Как видно из рисунка 10, особенность моделей-акронимов состоит в фокусировании на нескольких наиболее важных, с точки зрения исследователя, характеристиках поведения экономического субъекта и помещении их в нескольких буквах алфавита, что делает такие модели эстетически весьма привлекательными [117, с. 130].

Автор	Акроним	Характеристика
К. Бруннер, У. Меклинг	REMM (resourceful, evaluative, maximizing man)	Изобретательный, оценивающий, максимизирующий человек
У. Меклинг	RREEMM (resourceful, restricted, evaluative, expecting, maximizing man)	Изобретательный, действующий в условиях ограничений, оценивающий, ожидающий, максимизирующий человек
С. Линденберг	SRSM (socialized, role- playing, sanctioned man)	Социализированный человек, человек, исполняющий роль, и человек, который может быть подвергнут санкциям
С. Линденберг	OSAM (opinionated, sensitive, acting man)	Имеющий собственное мнение, восприимчивый, действующий человек
С. А. Афонцев	SRSAM (socialized, role- playing, sensitive, acting man)	Социализированный, играющий роли, восприимчивый, действующий человек
Д. Н. Боровинская	CIAM (creative, informing, acting man)	Креативный, способный генерировать и усваивать информацию, действующий человек

Рисунок 10 – Модели человека – акронимы

Источник: составлено автором по [17, 30, 32, 330].

Российские ученые предлагают свои модификации модели человека в экономической теории. А. В. Бузгалин и А. И. Колганов исследуют человека как преодолевающего отчуждение субъекта творчества, новатора, гражданина, природа которого культурно, исторически и социально обусловлена [34, 39].

Институциональный подход Г. Б. Клейнера предполагает, что экономическая деятельность осуществляется в условиях правил, традиций, организаций, при этом основным мотивом деятельности становится не оптимизация прибыли или полезности, а соответствие институтам, сложившимся в обществе, социальный статус, моральное поощрение окружающих [97]. В результате человек экономический заменяется человеком институциональным, для которого критерием выбора и эффективности служат институты [75, с. 188; 117, с. 130].

Социализированный человек, предлагаемый К. А. Хубиевым, действует в условиях интенсификации интеграционных и трансформационных процессов, изменения соподчиненности интересов различных экономических субъектов [280, с. 60, 62]. Исходя из социальной и духовной природы человека, выделяют альтернативную модель социально ответственного человека [99, с. 42]. Л. А. Тутов выдвигает институциональную модель понимающего человека, в которой учитывались бы не только экономические, но и политические, культурные, социальные факторы поведения человека, привычки, нормы и правила. Поскольку природа человека изменчива и подвержена влиянию столь многих внешних и внутренних факторов, его поведение полностью предсказать невозможно [308, с. 71].

Рассмотренные выше альтернативные модели человека российских и зарубежных ученых, несмотря на попытки расширить перечень характеристик человека и факторов его поведения, имеют дело с одним экономическим субъектом, между тем как еще от А. Смита идет идея множественности типов экономического поведения. Активное возвращение к этой идее имеет место в наше время. В частности, среди российских ученых предпосылку неоднородности экономических субъектов рассматривают П. А. Ореховский, А. Я. Рубинштейн и

другие исследователи. А. Я. Рубинштейн выделяет две основные группы экономических субъектов («индивидуумы» и «политики»), имеющих различные интересы (рыночные и политические). С. Г. Кирдина-Чэндлер предлагает две модели институционального человека (X и Y) [89, 199, 226].

В рамках междисциплинарного подхода весьма плодотворным может быть использование модели человека социоэкономического, что предполагает множественность типов поведения и дает возможность сблизить не только представителей разных наук о человеке, но и поведение реального и модельного человека, оставляя homo oeconomicus в роли одного из частных случаев [42, с. 121; 205, с. 39; 321, с. 483].

По степени учета этических факторов поведения человека альтернативные модели человека можно разделить на модели, изначально ставящие цель сформировать некоего идеального экономического субъекта, отвечающего потребностям идеального общества, и расширительные модели, предполагающие включение в экономический анализ разнообразных по своим этическим характеристикам экономических субъектов. По мнению автора, наиболее плодотворным, с точки зрения многоаспектного характера взаимосвязи экономической теории и этики, представляется второй вариант: важно не только описать, каким должен быть идеальный экономический субъект, что, собственно говоря, может стать переписыванием религиозных норм или древнегреческой философии, а предложить подход к анализу поведения реальных людей. В этом смысле весьма эффективным может быть обращение к диалектической логике, которая при разработке альтернативных моделей человека реализована Д. Ю. Миропольским. Предлагаемая им модель отражает единство тела (биологического начала), продукта (деятельностного начала) и духа (творческого, духовного начала) человека. Эта модель имеет большое методологическое значение, позволяет рассматривать экономическую эволюцию человека в широком культурно-историческом контексте [139, 140].

Альтернативные варианты модели человека разрабатываются и в русле включения нравственных составляющих его поведения. Так, на основе

результатов исследования состояния современной экономики и учитывая необходимость построения инновационной экономики, ученые описывают нравственно-экономического человека, для которого важны принципы гуманизма (разумности, умеренности, справедливости, экологического равновесия); при постановке целей он руководствуется этическими, социальными, экологическими критериями [233]. Этический (этичный) экономический субъект представлен в работах М. А. Вахтиной и Н. В. Родионовой. Такого человека характеризует значимость моральных и правовых норм, собственных убеждений, совести, активное отношение к окружающей действительности, а не пассивное принятие ее как данности, стремление не только к удовлетворению материальных потребностей, но и к справедливости, творческой реализации, повышению качества жизни [44, с. 14, 34-36; 219, с. 65, 67].

В рамках диссертации невозможно подробно рассмотреть все альтернативные модели человека, которые выдвигаются российскими и зарубежными учеными, гораздо важнее, по мнению автора, подчеркнуть сам факт появления все большего числа альтернатив, трансформацию человека экономического, с одной стороны, в направлении увеличения многообразия его черт и мотивов поведения с целью сближения реального человека с его теоретической абстракцией, а с другой – в направлении создания идеального образа человека, не ограниченного эгоистическими, материальными устремлениями, способного к нравственному совершенствованию хозяйственной деятельности.

В единстве исторического и логического эти изменения в экономической теории и методологии отнюдь не случайны и коррелируют с изменениями в дисциплинарной экономической онтологии и соотношении методологических принципов индивидуализма и коллективизма. Как было указано ранее, вблизи точек полифуркации в экономической системе формируется множество сценариев будущего развития, увеличивается число альтернативных вариантов поведения. В соответствии с синергетическими представлениями можно сказать, что сама экономическая система генерирует альтернативы экономического поведения (что

и отражают ученые в своих многочисленных вариантах модели человека), из которых впоследствии будет сделан теоретико-методологический и практический выбор.

Учитывая сказанное, с точки зрения развития экономической теории, углубления понимания экономических процессов, чрезвычайно эффективным, по мнению ряда ученых, является многомерный междисциплинарный подход, который они именуют также интегрированным, граневым, субъектным, указывая на то, что именно эта многомерность, множественность определяет характер экономического развития и выступает причиной неопределенности экономического пространства [11, 65, 85, 100, 117, 123, 192, 197, 205, 210, 219].

Подводя предварительный итог анализа альтернативных моделей человека в экономической теории, необходимо отметить их общие черты. Все они предполагают меньшую степень абстрактности в отличие от модели основного течения и близких к ней моделей. В то же время их бóльшая реалистичность сопряжена с трудностями формализации экономического поведения, по крайней мере, на современном уровне развития экономической теории и математики. Альтернативные модели в большей степени рассчитаны на анализ процесса принятия решений, выбора, а не его конечного результата (прибыли, полезности), в связи с этим они предстают как открытые, динамические, благодаря тому, что поведение человека в них анализируется с точки зрения взаимосвязи различных факторов. Альтернативным экономическим субъектам не присуще оптимизационное поведение, они менее рациональны, руководствуются интуицией, склонностями, привычками, стереотипами, опытом, социальными нормами, обращают внимание на поведение других людей. Разнообразие и непредсказуемость поведения индивидов обуславливают неопределенность экономической среды. Как видно, альтернативные субъекты гораздо больше похожи на реальных людей, чем на кривые, функции и производные, они думают, чувствуют, живут [2, с. 168-170]. Именно это обуславливает гораздо бóльшую практическую применимость альтернативных моделей человека, в частности в таких сферах, как поведенческие финансы, поведение потребителей и

домохозяйств, теория предпринимательства, теория фирмы, теории кризисов и циклов [4].

Построение альтернативных моделей человека, как правило, основано на использовании категорий других социально-гуманитарных наук – психологии и социологии. В отличие от экономической теории в психологии не существует господствующей модели человека [197, с. 23]. Поведение объясняется мотивами, потребностями, стадией физиологического и психического развития, восприятием действительности, неосознаваемыми реакциями, эмоциями человека и потому принципиально непредсказуемо. Наиболее близки к модели человека экономического психологические модели потребностей (содержательные теории мотивации), отличающиеся иерархией потребностей и широко используемые в прикладных экономических науках. Несмотря на то, что наиболее распространенный подход к исследованию человеческого поведения в недостаточной степени учитывает нерациональные, неосознанные этические и психологические мотивы поведения [138, с. 340], между этикой, психологией и экономической теорией существует тесная связь хотя бы потому, что маржиналистская модель человека была основана на психологии утилитаризма И. Бентама. И до сих пор в основе модели человека экономического лежат этические и психологические категории: мотивы, предпочтения, ожидания, потребности, полезность, ценность, эгоизм, принуждение (методологический психологизм по К. Попперу). В будущем взаимодействие экономической теории и психологии будет только усиливаться, на что указывали еще представители немецкой исторической школы и традиционного институционализма, а сегодня когнитивная психология, экспериментальная и поведенческая экономика и сама экономическая реальность, которая становится все более неопределенной, что приводит к усилению роли психологических факторов поведения человека в экономическом анализе [2, с. 20-31; 21, с. 16; 235, с. 82; 260, с. 26; 313, с. 29].

Модель человека в социологии, ввиду большей однородности социологических, чем психологических подходов к человеку, удобнее всего сравнить с моделью *homo oeconomicus* в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика моделей человека экономического и человека социологического

Признак сравнения	Homo oeconomicus	Homo sociologicus
Цели использования модели	Предвидение	Описание, понимание, интерпретация
Методы использования модели	Формальные, математические	Эмпирические, качественные
Основной методологический подход	Редукционизм, индивидуализм	Холизм, органицизм
Способ достижения равновесия с окружающим миром	Стабильность предпочтений, несмотря на изменения окружающей среды	Приспособление к требованиям окружающей среды
Механизм социального взаимодействия	Рыночное саморегулирование	Нормы, меры принуждения, социальные санкции
Ориентация на внешнюю или внутреннюю среду	Внутренние оценки важнее и не зависят от оценок других людей	Внешние социальные ценности важнее
Основной критерий деятельности	Индивидуальная функция полезности	Реакция других людей на действия индивида
Нормы, определяющие поведение	Внутренние нормы. Следование общественным нормам возможно, если отвечает критерию максимизации функции полезности	Внешние нормы. Соблюдение общественных норм по привычке, из-за опасения санкций, из чувства долга или ролевых ожиданий
Отношение к другим людям	Отношение к другим людям как к соперникам в борьбе за редкие ресурсы	Ожидание от других людей одобрения / неодобрения, социальных норм и санкций
Способ координации действий	Обмен действиями	Унификация действий
Характер информации	Информация о качестве и ценах товаров	Информация о ситуации и существующих нормах
Степень эгоизма и социэтарности	Ориентация на собственный интерес, нарушение норм, если предполагаемая выгода превышает возможные санкции – «недосоциализированный» индивид	Ориентация на социальные нормы, следование нормам, эмоциям, ценностям и традициям – «пересоциализированный» индивид
Однородность типов людей и ограничений	Однородные субъекты и неоднородные ограничения	Неоднородные субъекты и однородные ограничения
Источник неопределенности	Информационные ограничения	Индивидуальные различия людей
Степень рациональности	Рациональность как максимизационное, оптимизационное поведение, однозначный выбор альтернатив, наилучшее соотношение целей и средств. Поведение экономического субъекта как «ученого»	Рациональность – переменная величина, не ограниченная следованием собственному интересу и не отделяемая от отношений с другими людьми. Невозможность приписывания экономическим субъектам рациональности ученых

Источник: составлено автором по [2, 32, 42, 205, 307, 320, 321, 330].

Интеграция моделей человека экономического и социологического привела к формированию модели человека социоэкономического, которого можно охарактеризовать следующим образом [42, с. 121-129; 205, с. 39]:

- 1) homo socioeconomicus согласует свое поведение с окружающими, но при этом не является ни безвольным, пассивным последователем, ни чистым эгоистом;
- 2) homo socioeconomicus не безразлично, с кем он имеет дело, он способен договариваться, но ему необходима уверенность в соблюдении норм другими;
- 3) homo socioeconomicus обладает как нейрофизиологически и генетически заложенными предпочтениями, так и усвоенными из опыта, норм, общения с другими людьми;
- 4) homo socioeconomicus руководствуется своими чувствами, привычками, имеет собственную систему ценностей;
- 5) поведение homo socioeconomicus не задано изначально;
- 6) homo socioeconomicus может быть основой построения различных типов поведения между полюсами «недосоциализированного» и «пересоциализированного» действия.

В постнеклассической науке, характеризующейся междисциплинарным подходом и повышением общественно-практической значимости науки, возможно качественно новое сближение экономической теории, психологии и социологии по следующим основаниям:

1. В основе любой модели человека лежат категории из разных социально-гуманитарных наук. Мотивы поведения экономического субъекта и его отношения с другими людьми в процессе движения материальных благ – это не что иное, как социологические и психологические грани его поведения. Считается, что социально-гуманитарные науки имеют общий объект исследования (человек и общество). Но в реальности оказывается, что объект исследования у них сильно отличается: экономист, социолог и психолог меряют одно и то же разными линейками, хотя при этом человек остается человеком, он не перестает быть социологическим, когда получает заработную плату, или психологическим, когда общается с другими людьми по хозяйственным вопросам, или экономическим,

когда проводит досуг [2, с. 105; 206, т. 2, с. 907; 303, с. 26-28]. Другими словами, как указывает М. Кошлаков, «онтологическое единство мира должно порождать гносеологическое его единство, единство его познания» [109, с. 62].

По мнению К. Бруннера, это делает возможным принятие единой модели человека в социально-гуманитарных науках [32, с. 55]. Опасения утратить специализацию в социально-гуманитарных науках можно развеять на основании того, что все они изучают одного и того же человека с его склонностями, привычками, эмоциями, отношением к социальным нормам и ценностям, однако ракурс их исследования разный – экономическое, социальное и психологическое поведение. Примечательно, что с медицинской точки зрения единство биологической, психической и социальной сущности человека – неоспоримый факт [197, с. 58; 242, с. 209]. Поэтому постепенно ученые приходят к пониманию необходимости взаимодействия со специалистами из других наук, подобно тому, как врачи назначают лечение с учетом состояния всего организма человека. Интеграция наук о человеке означает не их ликвидацию или отказ от специализации, а комплексное рассмотрение человека, пренебрежение фактами, знаниями, находящимися на стыке разных наук, отказ от бесполезной траты интеллектуальных ресурсов на переоткрытие истин, известных в других науках или течениях экономической мысли²⁶ [21, с. 5; 216, с. 108, 109; 235, с. 469, 532; 272, с. 27].

2. В истории экономической теории можно говорить о близости с психологией (в рамках поведенческой и экспериментальной экономики, кейнсианства, радикального субъективизма, традиционного институционализма) и социологией (в рамках классической политической экономии, марксизма, исторической школы, традиционного институционализма) (подробнее: [2]).

3. Интеграция экономической теории, социологии и психологии необходима для решения проблем населения, повышения качества гуманитарного образования

---

²⁶ В этом смысле примечательны слова Й. Шумпетера о среднем экономисте и среднем социологе, которые предпочитают пользоваться примитивными версиями своих наук вместо того, чтобы плодотворно сотрудничать, а также Ф. Хайека и Дж. Шэкла о хорошем экономисте, который должен быть не только экономистом [215, с. 485; 235, с. 297; 294, с. 32].

и эффективности хозяйственной деятельности человека. В экономической теории традиционно сложился подход к решению экономических проблем только экономическими средствами, имеющими количественное выражение; решения, связанные с поведением самих экономических субъектов, рассматриваются как ненаучные, в то время как изменение нескольких макроэкономических показателей должно дать желаемый эффект, а если не дает, то причины опять ищут среди цифр, а не людей.

Экономическая теория позиционируется как теоретическая основа для других экономических дисциплин, однако ей следует (как было указано ранее) обратить особое внимание на достижения этих самых дисциплин, потому что они ближе к хозяйственной реальности, активно взаимодействуют с психологией и социологией, а также базируются на таких принципах и предпосылках, как приоритет содержания перед формой, ситуационный подход, оценка деловой среды при принятии управленческих решений, необходимость постоянного изучения меняющихся потребительских предпочтений, которые можно противопоставить упрощенности, абстрактности, неизменности и независимости предпочтений и другим характеристикам модели *homo oeconomicus*. С этической точки зрения человека можно охарактеризовать как субъекта истории, прогресса, развития культуры, творческое, мыслящее существо [265, с. 516], сложную систему мотивов, ценностей, убеждений (каким он и предстал в трудах А. Смита, Г. Шмоллера, Т. Веблена, Й. Шумпетера, Дж. М. Кейнса, Ф. Найта и других ученых). Без многогранного, социально и нравственно эволюционирующего человека не было бы и экономики.

Действительно, углубленное изучение работ указанных выше и других крупнейших ученых-экономистов прошлого доказывает, что в истории экономической мысли альтернативные модели человека экономического существовали всегда. Можно даже сказать, что модель *homo oeconomicus* в научной экономической литературе (по сравнению с учебной) вовсе не была такой однозначной, как принято думать. Сегодня на постнеклассическом этапе развития экономической теории озвученные российскими и зарубежными учеными идеи о

многомерной этической природе человека экономического становятся как никогда актуальными.

Философы давно обратили внимание на то, что поведение человека подчинено либо чувствам, инстинктам, аффектам, либо разуму, рассудку. Однако между этими двумя способами регулирования человеческих поступков находится еще один, который А. Смит назвал «общими правилами нравственности». Они формируются в процессе жизнедеятельности человека посредством взаимодействия инстинкта и разума, и именно они в большинстве случаев через многовековой опыт и привычки руководят нашими действиями [240, с. 175]. Привычные модели поведения, закрепленные в морали, служат своеобразным заменителем разума, показывают в «бесчисленном множестве случаев», как нам поступать. «Правила нравственности» первоначально закрепляются в неформальных, моральных нормах, а затем в формальных нормах, так что может даже показаться, что формальные нормы, правила и установления – результаты деятельности разума. Хотя изначально они являются результатом действия наших чувств, закрепленных в моральных нормах благодаря индуктивному обобщению опыта многих жизненных ситуаций. В обычной жизни, как правило, помогает действовать именно этот опыт, опора на «правила нравственности», а не ежеминутный расчет [240, с. 308, 309].

В своих работах А. Смит предлагал еще один вариант классификации способов регулирования и координации человеческих действий в хозяйственной практике. Шотландский мыслитель показал, что, поскольку человек может существовать только в обществе, то и устойчивость самого общества зависит от того, как люди относятся друг к другу, каковы мотивы их поведения по отношению друг к другу. Вопреки распространенному мнению чистый эгоизм, готовность нанести вред другому человеку не могут обеспечить поддержание порядка в обществе [240, с. 101]. А. Смит писал, что наши личные интересы можно рассматривать лишь как часть всеобщих интересов, и критиковал учение о человеческой природе, которое рассматривает все чувства и страсти человека как исходящие из себялюбия и которое еще не было должным образом объяснено [240,

с. 268, 306, 307]. Противоположностью эгоизма является взаимное уважение, благодарность, дружба. При наличии таких добродетелей, как великодушие, бескорыстие и взаимная любовь, общество процветает, хотя они и не являются обязательными условиями его устойчивого существования. На чем действительно держится человеческое общество, так это чувство долга, справедливость, «уважение к общим правилам нравственности», связь с другими людьми через взаимные обязанности и услуги. Указанные добродетели состоят в том, чтобы не делать зла ближнему, именно они образуют фундамент «общественного здания» [240, с. 97, 101, 163-165, 176].

А. Смит также сформулировал два закона христианской морали и морали природы. Первый закон состоит в любви к ближнему, второй – во взаимности, долге и справедливости в отношениях с другими людьми [240, с. 45]. На этой взаимности, чувстве долга и «уважении к общим правилам нравственности» А. Смит построил свою экономическую концепцию богатства народа. Традиционно считается, что между «Теорией нравственных чувств» и «Богатством народов» существует непреодолимое противоречие эгоизма и альтруизма, себялюбия и сочувствия. Однако, если четко следовать высказываниям самого А. Смита, то вырисовывается совсем иная картина. Симпатия, о которой писал А. Смит в «Теории нравственных чувств», – это вовсе не противоположность эгоизма, не жалость и сочувствие, а нечто совсем иное. Кроме того, для обозначения того, что мы сегодня считаем противоположностью эгоизма, А. Смит использовал другие слова (великодушие, взаимная любовь, взаимное уважение), а не симпатию как жалость и сочувствие. На неверное толкование симпатии в его работах указывал и сам А. Смит, обращают на это внимание и российские ученые. А. Смит имел в виду более широкое, философское, а не обыденное значение симпатии [240, с. 33, 307, 332, 333]. Симпатия, по А. Смицу, – это умение поставить себя на место другого человека, перенестись с помощью воображения в ту ситуацию, в которой оказался другой человек, и понять, что он чувствует [12, с. 169]. Симпатия – это способность разделять чувства других людей, основанная на представлениях о добре и зле. Таков дословный перевод слова «симпатия» с греческого языка – со-чувствие

(сравним значения других слов греческого происхождения: *симфония* – *созвучие*, *симметрия* – *соразмерность*, *симптом* – *совпадение*; греческое «сим» означает «со», «совместно», «вместе» [241]). Необходимо также учитывать, что главный герой «Теории нравственных чувств» – это не безграничный альтруист, а беспристрастный наблюдатель, способный посмотреть на себя со стороны или поставить себя на место другого человека (что в целом соответствует таким чертам методологии классицизма экономической науки, как интроспекция и позиция субъекта познания как стороннего наблюдателя) [240, с. 31, 32, 33, 42]. Отсюда понятно, что имел в виду А. Смит, различая нашу симпатию к членам ближайшего круга, семьи и к другим людям. Мы испытываем к первым не просто большее человеколюбие и жалость, а нам легче поставить себя на их место, так как мы лучше знаем их чувства, желания, потребности [240, с. 217].

Так как человек по природе своей является общественным существом, и природа наградила его всем необходимым, чтобы жить в обществе [240, с. 101], то и его так называемый главный экономический мотив – стремление к постоянному улучшению собственного материального положения – необходимо рассматривать с учетом общественной природы человека. Дело в том, что, как было показано ранее во второй главе диссертации, А. Смит обратил внимание на то, что главная цель человека – не материальное благополучие и удовольствие от обладания материальными благами как таковые. Материальные блага необходимы человеку лишь как средства для удовлетворения его социальных потребностей – тщеславия, желания обратить на себя внимание других, получить их одобрение, похвалу. А. Смит писал о том, что человека как общественного существа часто волнует мнение других людей, что некоторые вещи вообще не интересовали бы человека, если бы он не жил в обществе, что мы судим о людях по себе и беспокоимся о том, что думают о нас другие люди [239, с. 355, 734; 240, с. 70]. Знаменитые пассажи о «невидимой руке» и «проведении» встречаются в «Теории нравственных чувств» и «Богатстве народов» в определенном контексте, который нельзя упускать из вида. В «Теории нравственных чувств» А. Смит приводил вполне распространенное в его время и позднее оспоренное утверждение о том, что богатые люди дают работу

беднякам, непреднамеренно участвуя в удовлетворении общественных интересов [240, с. 185]. В «Богатстве народов» А. Смит в главе, посвященной вполне конкретному (а не всеобщему) случаю ограничения ввоза в страну иностранных товаров, которые могут быть созданы внутри нее, описал выгоды внутреннего производства по сравнению с внешней торговлей. Так как предприниматель склонен искать наиболее выгодные способы вложения своего капитала, то, по мысли А. Смита, он вложит его в отечественную промышленность и внутреннюю торговлю, тем самым способствуя увеличению общего блага [239, с. 440-443]. Несмотря на это, ложное противоречие эгоизма и сочувствия, жалости, якобы существующее в «Богатстве народов» и «Теории нравственных чувств», сыграло немалую роль в отдалении экономической теории от этики и превознесении эгоистической мотивации²⁷.

В «Богатстве народов» реализуется срединный способ координации поведения человека в обществе, основанный на симпатии, чувстве долга, взаимных услугах и справедливости, нежелании делать зло другому человеку, отношении к другим людям так, как нам хотелось бы, чтобы они относились к нам. В «Богатстве народов» мы видим продолжение рассуждений о симпатии, но в приложении к экономике. Что как не симпатия, умение разделять чувства других людей и помогает нам получить от них то, что нам нужно. Если мы можем поставить себя на место другого человека и понять, что ему нужно, что он чувствует, каковы его желания, мы сможем получить то, что нужно нам. Человек живет в обществе и в связи с разделением труда зависит от других людей, по этой причине человеку требуется способность мысленно вообразить себя на месте другого человека, показать ему возможность взаимовыгодного обмена, что и позволяет ему в хозяйственной деятельности достичь своих целей [239, с. 76-78].

Схожие со сформулированными А. Смитом правила человеческого общежития, установленные высшими силами, природой и всем ходом истории,

---

²⁷ Примечательным фактом являются многократные прижизненные переиздания как «Богатства народов», так и «Теории нравственных чувств», что указывает на верность А. Смита своим этическим взглядам до конца жизни, и хотя косвенно, но все же опровергает соображения о противоречии нравственности и эгоизма в двух его важнейших работах [12, с. 199; 78, с. 322; 240, с. 332].

положил в качестве этического императива в основание своего учения К. А. Сен-Симон. Он выделил в человеке способность испытывать страсти и способность мыслить. Все страсти человека подчинены одной главной моральной страсти к общему благу [237, т. II, с. 265] (а это и есть уже упомянутая в диссертации триада чувств, разума и морали). Сквозь большинство работ К. А. Сен-Симона также проходит идея о том, что все люди должны любить друг друга, как братья, помогать друг другу и не делать другому человеку того, чего они не желали бы для себя [237, т. II, с. 62, 68, 87, 251, 252, 369, 419]. Что касается отношения К. А. Сен-Симона к эгоизму, то, как уже указывалось во второй главе диссертации, он считал эгоизм болезнью, в некоторой степени неизбежной, но все же разрушающей общество. Таким образом, у К. А. Сен-Симона также можно найти исследование трех основных способов координации действий человека в обществе, таких как эгоизм, взаимность и абсолютное человеколюбие. Основываясь на этих идеях К. А. Сен-Симона, О. Конт предложил термин «альтруизм». Необходимо отдать должное исторической и научной справедливости и указать на известный факт того, что О. Конт позаимствовал у К. А. Сен-Симона все основные элементы своего учения [237, т. II, с. 462]. В то же время на К. А. Сен-Симона большое влияние оказали идеи Ж. А. Кондорсэ. Рисуя картину прогресса человеческого общества, Ж. А. Кондорсэ описал различные способы взаимодействия людей. Первоначально отношения между людьми основывались на взаимопомощи, привязанности, преданности обществу, что позволяло удовлетворять общие интересы и противостоять общим опасностям [105, с. 19]. На этом фоне выросли обычаи взаимного гостеприимства, сострадания, социальной обязанности и привычка благотворительности, которые, однако, по мере развития традиций и обычаев общества принимали форму права, закона и судопроизводства, сопровождалась появлением начальствующей персоны (главы семейства, военачальника, князя, первосвященника), социальной иерархии, а также повышением степени и совершенствованием способов эксплуатации людей, основанных на страхе, силе авторитета, прямом порабощении и введении людей в заблуждение [105, с. 25-27]. Наиболее желательным (в соответствии с духом эпохи классицизма науки)

Ж. А. Кондорсэ считал такой способ взаимодействия людей в обществе, в основе которого лежит «общий мировой моральный закон», в соответствии с которым индивидуальные усилия, несмотря на кажущийся «хаос противоположных интересов», вносят вклад в благосостояние всех. Задача общественного порядка и социальной политики состоит в том, чтобы обеспечить человеку реализацию его естественного права использовать свои способности и удовлетворять свои потребности [105, с. 167-168].

В свою очередь Дж. С. Милль писал о трех элементах социального общения и условиях существования общества. Первый из элементов состоит в подчинении какому-либо правительству, повиновении. Второе условие существования общества – чувство преданности, верности (например, божеству, государю, закону), которое объединяет людей в государстве как некий «фундаментальный принцип» «общественного союза». Третье условие – принцип связи между членами общества, единения, общности, общего интереса [137, т. II, с. 501-505].

Позднее к проблеме множественности мотивов хозяйственного поведения человека и способов координации действий людей в обществе обратились представители немецкой исторической школы. В частности Г. Шмоллер писал о том, что правильное наблюдение явлений хозяйственной жизни означает установление их мотивов. В своих работах он не только фактически упоминал о различных мотивах человеческой деятельности, но и пытался проследить процесс их формирования. Первобытный человек не отличался состраданием и жалостью. По мере формирования человеческих сообществ, групп, увеличения их размера и в целом по мере возрастания численности населения начали складываться альтруистические чувства и обычай взаимопомощи [292, с. 3]. Ссылаясь на других ученых, Г. Шмоллер указывал на наличие трех основных факторов экономического поведения: эгоизм, взаимность и альтруизм [290, с. 83]. На материалах истории благотворительности Г. Шмоллер описал три ее варианта. Первоначально благотворительность (в форме дара) носила индивидуальный характер. В ходе культурной эволюции она распространилась на деятельность внутри семьи, общины и постепенно переросла в общественную, государственно-

ориентированную благотворительность [292, с. 8-10]. Говоря о способах координации человеческих действий, Г. Шмоллер также указывал на наличие стимулов в виде инстинктов и влечений, которые делятся на высшие и низшие, упорядочиваются и сдерживаются рассудком, интеллектом, высшими чувствами, самообладанием и общественной средой. В результате формируются понятия о добродетелях, должном поведении, совести, которые закрепляются сначала в нравственных, неформальных нормах, а затем в формальных нормах. Так возникают и эволюционируют нравы и право. Благодаря формированию «твердых нравов» создаются условия для возникновения рынка, обмена, разделения труда, денежного обращения. Исследуя роль справедливости в социально-экономическом развитии, Г. Шмоллер обозначил три идеи, определяющие порядок распределения благ в обществе: 1) идея общности ставит выше всего коллективные интересы, определяет поведение индивида в отношении общества; 2) идея благоволения состоит в том, чтобы дать другому человеку больше, чем требует того справедливость; 3) идея свободы означает возможность каждого человека свободно проявить свою личность [289, с. 20-21, 120-123, 191-192; 290, с. 74].

Схожей классификации способов координации хозяйственной деятельности придерживался А. Вагнер. Он развивал идею о «сложности мотивационной системы человека» [335, с. 748]. Первая книга его «Оснований политической экономии» была посвящена изучению хозяйственной природы человека. А. Вагнер считал, что теория мотивации имеет большое значение для понимания психологических основ методологии экономической науки [335, с. 132]. Действие мотивов хозяйственного поведения всегда комбинировано, разнообразно по силе и определяется процессом воспитания и научения. Эгоистические мотивы А. Вагнер разделил на четыре группы: 1) стремление к личной выгоде и боязнь личного экономического обнищания; 2) страх перед наказанием и стремление к вознаграждению; 3) тщеславие, надежда на признание и одобрение, страх стыда и презрения со стороны других людей; 4) стремление к удовольствию от хозяйственной деятельности как таковой и связанных с ней обстоятельств, боязнь

бездеятельности, пассивности. Пятую группу мотивов образуют неэгоистические мотивы, действующие подобно категорическому императиву. В их основе лежат внутренние силы чувства долга, справедливости, потребности в моральном поведении, страха внутреннего порицания, угрызений совести [335, с. 86-87, 116]. Благодаря комбинированному действию различных мотивов в разные исторические эпохи развития человечества существовали четыре типа распределения (приобретения) благ. Первый тип приобретения благ основан на влиянии, силе авторитета. Он имеет место в семейных отношениях, а также в различных проектах социалистического устройства общества. Второй тип называется каритативным (от латинского слова «caritas», имеющего помимо прочего такие значения, как «милосердие», «любовь», «уважение», «забота», «привязанность» [56, с. 87]; в английском языке есть слово «charity», которое переводится как «милосердие», «благотворительность»). Распределение благ в этом случае носит добровольный характер, основанный на любви к ближнему или религиозных мотивах. Третий тип связан с безвозмездным распределением благ в принудительном порядке по решению управляющей стороны. Четвертый тип представляет собой свободные договорные отношения, основанные на частной собственности на объекты обмена [335, с. 294-296]. Описанные типы мотивации и распределения благ лежат в основе различных принципов организации хозяйственных систем общества: частно-хозяйственная система (в которой превалирует частный интерес), общественно-хозяйственная система (в которой преобладает общий интерес, поддерживаемый государством) и каритативная система. Данные системы взаимосвязаны, в любом обществе на любом этапе его развития существуют их различные сочетания с преобладанием какого-либо одного типа хозяйственной системы [335, с. 772-779].

Важно уточнить, что в разграничении эгоистических и альтруистических мотивов принципиально важен размер группы. Между преследованием индивидом своего частного интереса и «универсальной заботой обо всех» лежит множество вариантов поведения в промежуточных между индивидом и всем человечеством группах, в которых первостепенное значение приобретает поведение, основанное на обязательствах [236, с. 38-39].

С точки зрения изучения способов координации человеческих действий в хозяйственной сфере, особый интерес также представляет классификация, данная М. Вебером [45, с. 628-630]. Он выделил целерациональные действия, связанные с использованием элементов окружающего мира и других людей для достижения собственных целей. Двумя следующими типами социального действия, близкими друг другу, являются ценностно-рациональное и традиционное действия, основанные на обычаях, привычках, эстетических, религиозных и других ценностях, следование которым имеет для человека самостоятельную безусловную ценность независимо от последствий его поведения. Наконец, аффективным является социальное действие, вызванное чувствами и эмоциями человека. М. Вебер отмечал, что все четыре мотива социального действия являются лишь идеальными типами. В реальной действительности они сосуществуют в различных комбинациях. В этой классификации типов (мотивов) социального действия М. Вебера угадываются три способа регулирования человеческих поступков, которые в диссертации прослежены у А. Смита, К. А. Сен-Симона и Г. Шмоллера: а) инстинкты, аффекты, чувства, страсти, влечения; б) здравый расчет, рассудок; в) моральные нормы, традиции. Эволюции роли указанных способов регулирования человеческих поступков в социально-экономическом развитии Ф. Хайек посвятил свою последнюю книгу, в которой изложены идеи, весьма близкие идеям А. Смита и Г. Шмоллера о возникновении и эволюции нравов.

Ф. Хайек разрабатывал «эволюционную теорию нравственности», в рамках которой он показал, что моральные нормы порождены взаимодействием инстинкта (импульсивного поведения) и разума (рационального расчета). Моральные нормы – это результат культурной эволюции, поэтому они могут проявляться и как инстинкты, и как результаты рассудочной деятельности. Моральные нормы прививаются постепенно благодаря традициям, подражанию, обучению, это не всегда четко фиксированный свод правил. Они могут действовать подспудно и эффективно там, где разум и строгий расчет могут оказаться бессильными, подсказывая, помогая человеку сориентироваться в конкретной ситуации и решить, одобрять или не одобрять то или иное действие,

какие влечения сдерживать, а каким – давать волю. Поэтому Ф. Хайек называл моральные нормы даром, причем более совершенным, чем разум. Для выживания человечества нормы морали оказываются важнее, чем большинство достижений разума [275, с. 22, 23, 26, 27, 93, 100].

Схожие идеи ранее высказал Дж. Коммонс. Он показал, что эволюция общества, по сути, заключается в развитии способности к совместной деятельности благодаря неким общим правилам, которые в разные времена философы характеризовали как «коллективную волю», «общественное сознание», «естественный порядок», «естественное право», «разум» [104, с. 153-155]. Возникновение современного общества («расширенного порядка», о котором писал Ф. Хайек) является результатом эволюции «действующих норм». Разумно действующие нормы проистекают первоначально из «неосознанных рефлексивных» «реакций» и инстинктов, позднее – интуиций и сомнений (как зачатков мышления) и, наконец, «целенаправленного мышления» [104, с. 385] и благодаря привычкам, обычаям и опыту индивидов закрепляются и определяют их поведение, таким образом, оказываясь (по Ф. Хайеку) «между инстинктом и разумом». По мере развития общества роль этих «действующих норм» и этики в целом возрастает, так как расширение географических границ экономической деятельности и повышение неопределенности экономической среды приводят к росту взаимозависимости людей, делая современную экономику «кредитной» в буквальном смысле слова, то есть основанной на нематериальных ценностях доверия, честности, репутации, взаимных обязательств, обещаний [104, с. 224-226, 268]. Рассуждая о способах координации поведения человека в обществе, Дж. Коммонс выделил три типа власти, а также соответствующие им виды сделок и типы экономической теории (таблица 2). Физическая власть часто проявляется в насильственных действиях суверена. Она характерна для эпохи феодализма. Ей соответствует такой тип предприятия, как государство. Экономическая власть возникает позднее, когда физическая власть начинает регулироваться нормами права, что позволяет закреплять права собственности. Этому типу власти соответствует такой тип предприятия, как бизнес. Третий тип власти – моральная

власть, основанная на личном влиянии и характерная для культурных, религиозных и этических предприятий [104, с. 77]. Физической власти соответствуют юридические сделки, поддерживаемые законом и страхом перед насилием за его нарушение. Экономическая власть предполагает коммерческие сделки, основанные на обычаях делового оборота и поддерживаемые страхом перед бедностью. Моральная власть реализуется в моральных сделках, базирующихся на общепринятых нормах поведения и опасениях получить неодобрение других людей [104, с. 97]. Стоит заметить, что в описании типов власти по Дж. Коммонсу угадывается классификация мотивов экономического поведения, предложенная А. Вагнером.

Таблица 2 – Соотношение типов власти, видов сделок и типов экономической теории по Дж. Коммонсу

Характеристика	Тип власти		
	Физическая власть	Экономическая власть	Моральная власть
Инструмент власти	Насилие	Нормы права	Личное влияние
Тип предприятия	Государство	Бизнес	Этические, культурные, религиозные предприятия
Страхи и опасения экономических субъектов	Страх перед насилием	Страх бедности	Страх перед неодобрением поведения другими людьми
Инструмент регулирования экономического поведения	Законы	Обычаи делового оборота	Общепринятые нормы
Тип сделок	Юридические сделки	Коммерческие сделки	Моральные сделки
Тип экономической теории с объективной точки зрения	Теория обязанности	Теория свободы	Теория экономики действующего предприятия
Тип экономической теории с субъективной точки зрения	Теория обязанности	Теория полезности	Теория симпатии
Основной принцип экономики	Принцип механизма	Принцип ограниченности ресурсов	Принцип действующих норм предприятия

Источник: составлено автором по [104].

Различным типам власти, сделок и инструментов координации экономического поведения в обществе соответствуют и различные теории государства и экономики. Так, физической власти отвечает «теория обязанности», характеризующаяся подчинением индивида высшей власти и страхом перед ней. С объективной точки зрения, этот тип власти основан на принуждении, а с субъективной – на «недобровольном подчинении» другим людям. Экономическая власть связана с идеями свободы договора, индивидуализма, эгоизма, удовольствия и порождает «теорию свободы» атомизированных индивидов, удерживаемых в обществе, с объективной точки зрения, благодаря снятию ограничений с индивидуальной воли, а с субъективной – благодаря желанию подчинять себе вещи и других людей. На этом базируется «теория полезности». Моральная власть проявляется в «теории экономики действующих предприятий» и поддерживается надеждами на мир и добродетель, а также страхом не только перед насилием и бедностью, но и перед пороком. С объективной точки зрения, она основывается на коллективной власти, распределении обязанностей и свобод в обществе, а с субъективной – на добровольном подчинении другим людям [104, с. 386-387].

К. Поланьи выделил несколько типов хозяйственного взаимодействия людей. На протяжении большей истории человечества экономическое поведение обуславливалось неэкономическими, социальными мотивами, а экономическая деятельность осуществлялась в рамках той или иной системы социальных связей человека. Целью хозяйственной деятельности могло быть сохранение социального статуса, гарантия социальных прав, получение тех или иных социальных преимуществ. Так, в первобытных обществах хозяйственная деятельность осуществлялась на основе принципов взаимности, бескорыстия, добровольного дарения или перераспределения. Мотивы личной выгоды, вознаграждения за труд, наименьших усилий как таковые отсутствовали [214, с. 58, 59]. Стремление получить прибыль, плату за труд вызывало презрение, крайне редко считалось законным и не определяло повседневные поступки людей. Стимулами к труду

выступали удовольствием от самой работы, надежда на общественное признание [214, с. 41, 42, 288, 289].

Организация общества на подобных принципах не требует сложного формального и административного регулирования, так как характеризуется симметричностью (дуальностью) и центричностью. Дуальность означает парный характер актов обмена, которые могут быть «растянуты» во времени и пространстве и в основе которых не лежит умение торговаться или желание получить вознаграждение [214, с. 60-62, 74], поскольку отданное сегодня будет компенсировано в будущем. В этом и состоит взаимность. В свою очередь центричность предполагает наличие промежуточного звена в лице видного представителя общества, группы, который распределяет блага. Как следствие, получатели благ оказываются связанными определенными обязательствами, становятся зависимыми. На принципах перераспределения были основаны крупнейшие в истории человечества натуральные экономики вплоть до окончания эпохи феодализма, для которой также характерна система перераспределения, вплетенная в «сложную сеть социальных связей». В истории человечества система перераспределения имеет самые разнообразные формы проявления от первобытного племени до средневекового города-государства. Поэтому в ее основе могут лежать разные мотивы, например, добровольный раздел добытого древними собирателями и охотниками или страх быть наказанным феодальным сеньором [214, с. 63-65].

Еще одним институциональным механизмом хозяйственного взаимодействия людей, по мнению К. Поланьи, является принцип домашнего хозяйства, когда производство благ осуществляется для собственных нужд внутри замкнутой группы (автаркия). Этот принцип также отличается разнообразием форм проявления в истории человечества в рамках семьи, сельского поселения или феодального поместья [214, с. 65].

На основе исследования обширного исторического и этнографического материала К. Поланьи заключил, что все известные в истории экономические системы до заката феодализма имели в своей основе принципы взаимности

(симметричности, дара, реципроктности), перераспределения (центричности, редистрибуции), домашнего хозяйства (автаркии) или их сочетания. Эти экономические системы базировались на разнообразных мотивах, подчиненных общим нормам поведения [214, с. 66].

В качестве еще одной институциональной модели хозяйственного взаимодействия К. Поланьи описал рыночную систему. Это саморегулирующаяся система производства и распределения, в основе которой лежит мотив эгоизма, стремление получить максимальную выгоду, прибыль; денежный и ценовой механизм, механизм спроса и предложения; наличие рынков факторов производства; формирование доходов через акты купли-продажи; недопустимость вмешательства в процесс саморегулирования извне [214, с. 82, 83, 269]. Рыночная система основана на принципе обмена и способна формировать особый институт рынка, что ведет к значительным социальным последствиям в виде подчинения общественной и политической жизни экономической сфере и разрушения сложившихся ранее социальных связей. Институт рынка известен в истории человечества давно, но до XIX века он никогда не играл первостепенную роль в экономике [214, с. 55, 69, 70].

Дж. Хиршляйфер обосновал наличие трех альтернативных типов регулирования взаимодействия людей или трех систем социальной этики, которые могут выступать основой для изучения экономической истории и эволюции человеческого общества. Данные типы не встречаются в чистом виде или в строгой последовательности, а служат, скорее, идеальными типами. Чаще всего в том или ином обществе существует их сочетание с превалированием то одного, то другого варианта социального взаимодействия. Первая система социальной этики Дж. Хиршляйфера соответствует золотому правилу социальности и принципу альтруизма, согласно которым необходимо делиться с другими людьми тем, что есть у человека. Второй тип регулирования выражается серебряным правилом, смысл которого состоит во взаимном уважении и соблюдении частных прав друг другом. Серебряное правило служит этической основой институтов частной собственности и рынка. Третье железное правило доминирования означает не

только господство и подчинение, но и наличие определенных взаимных обязательств сторон по защите тех, кто подчиняется, и лояльности к тем, кто доминирует [82].

Как видно, в истории экономической мысли издавна существовали разные представления о человеке, мотивах его деятельности и способах взаимодействия людей. Эгоистический мотив вовсе не является единственным, большое значение в экономической истории человечества имеют моральные нормы, чувство долга и взаимопомощи. Рациональный расчет и ориентация на собственный интерес, хотя и являются одними из способов координации экономического поведения, тем не менее подчинены общественной составляющей жизни человека. Таким образом, в истории экономической мысли можно выделить по меньшей мере три варианта классификации способов регулирования, координации и мотивации человеческих действий, которые в работах разных ученых-экономистов получали разное наименование и разные акценты, но тем не менее сохраняли свою общность. Первый вариант классификации предполагает триаду разума, инстинктов и морали, что условно соответствует микроуровню экономического анализа, поведению человека единичного. Вторым вариантом классификации отвечает поведению человека особенного, мезоуровню экономического анализа и предусматривает триаду мотивов 1) эгоизма; 2) чувства долга, взаимности, обязательств; 3) дара, благотворительности, альтруизма. Третьим вариантом классификации соответствует макроуровню экономического анализа и поведению человека всеобщего. Это триада типов социальной этики, типов хозяйственного взаимодействия людей в обществе, выраженных железным, серебряным и золотым правилами, если придерживаться терминологии Дж. Хиршляйфера, или теориями обязанности, полезности и симпатии в терминологии Дж. Коммонса.

Схематично указанные мотивы, типы и способы координации человеческих действий в хозяйственной сфере приведены в таблице 3, которая представляет собой своеобразную матрицу (многомерное пространство-время) множества разнообразных комбинаций хозяйственного взаимодействия людей в обществе. Центральную роль в обеспечении устойчивости общества и его хозяйственного

механизма большинство из указанных выше ученых-экономистов отводили не свободной игре частных интересов и даже не вселенскому человеколюбию (как некоему идеалу, украшающему «общественное здание»), а образующим этический фундамент общества моральным нормам, чувству справедливости, общности, долга, «уважению к общим правилам нравственности» и интересам других людей.

Таблица 3 – Множественность мотивов и способов координации поведения человека в истории экономической мысли

Макроуровень (человек всеобщий)	<i>Типы хозяйственного взаимодействия и системы социальной этики</i>			Дж. С. Милль А. Вагнер Г. Шмоллер Дж. Коммонс К. Полянши Дж. Хиршляйфер
	Подчинение, повиновение, редистрибуция, железное правило	Верность, преданность, уважение частных интересов, рыночный обмен, серебряное правило	Единение, общность, реципроктность, дар, золотое правило	
Мезоуровень (человек особенный)	<i>Способы координации и мотивации хозяйственной деятельности человека</i>			А. Смит К. А. Сен-Симон А. Вагнер Г. Шмоллер Дж. Коммонс А. Сен
	Эгоистический мотив	Чувство общности, долга, уважение к общим правилам нравственности	Человеколюбие, великодушие, взаимная любовь, альтруизм, карикативный мотив	
Микроуровень (человек единичный)	<i>Способы регулирования поведения человека</i>			А. Смит К. А. Сен-Симон Г. Шмоллер Дж. Коммонс М. Вебер Ф. Хайек
	Инстинкты, аффекты, чувства	Моральные нормы, общие правила нравственности	Разум, рассудок, интеллект	

Источник: разработано автором на основе исследования этико-экономических взглядов ученых-экономистов.

Обобщая изложенные выше взгляды ученых-экономистов, можно обратить внимание на следующие особенности трансформации понимания мотивов и способов взаимодействия людей в истории экономической мысли. На этапе классицизма экономической науки в рамках продуктовой онтологии человек рассматривался как индивид (человек единичный), наделенный естественным, инстинктивным стремлением к удовлетворению собственных эгоистических интересов. В эпоху неклассицизма представления о природе человека постепенно расширяются, он уже не является одномерным эгоистом. В рамках поведенческой и

институционально-эволюционной онтологий человек особенный рассматривается как член группы, общества, движимый социально обусловленными потребностями и мотивами. В постнеклассической науке на фоне усиления когнитивного аспекта взаимосвязи экономической теории и этики в развернутом виде как проявление синтеза гуманистической, системной и синергетической онтологий человек всеобщий предстает как многомерное, этически рациональное существо, руководствующееся разными мотивами.

Таким образом, история экономической мысли показывает, что человек – это не обладатель строго определенных, желаемых или математически удобных характеристик, а сложное, диалектическое существо, наделенное чувствами, привычками, инстинктами, потребностями, интересами, ценностями, убеждениями, унаследованными от предыдущих поколений или приобретенными в ходе социализации, реагирующий на окружающие условия и сам их создающий. Реальный экономический субъект выполняет в обществе разные социальные роли. Его даже экономическим субъектом, как и социологическим или психологическим, называть не вполне правомерно, так как он не субъект, а человек.

Как следствие, возникает необходимость более широкого и гибкого подхода к моделированию человеческой природы и экономического поведения. В экономической теории возможно рассмотрение поведения этически многомерного экономического субъекта с его интересами, убеждениями, ценностями. Из этого вытекает множественность моделей экономического поведения и представление об экономике (дисциплинарная онтология) как о многомерном, нелинейном, диссипативном пространстве-времени, в котором взаимодействуют этически гетерогенные экономические субъекты, различающиеся не только своими материальными экономическими интересами и информационными возможностями, но и характеристиками, связанными с взаимодействием с другими экономическими субъектами. Подобный подход может использоваться для изучения хозяйственного поведения человека на различных этапах развития, в том числе в области экономической компаративистики, истории и антропологии. Переосмысление модели человека, с точки зрения этических аспектов эволюции

экономической теории и методологии, влечет за собой необходимость пересмотра концепции экономической рациональности.

4.3 Переосмысление концепции экономической рациональности во взаимосвязи с этикой

Рациональность – неотъемлемая черта человека экономического и критерий периодизации развития науки, а также одно из самых дискуссионных понятий в экономической теории и философии науки. В философии и методологии науки существует деление научной рациональности на классическую, неклассическую и постнеклассическую, которые различаются, прежде всего, механизмом взаимодействия субъекта и объекта познания, а также степенью этической нагруженности знания. Классический тип научной рациональности характеризовался жестким отделением субъекта и объекта познания, стремлением открыть не зависящие от человека объективные законы движения физической и социальной материи. Неклассический тип рациональности вернул субъекта в процесс познания как организатора эксперимента, способного влиять на его результаты. Постнеклассический тип рациональности предполагает ведущую роль субъекта познания и его этических ориентаций в формировании картины мира, а не в качестве простого наблюдателя или организатора научного поиска. Эволюция научной рациональности непосредственно связана с ростом роли этики ученого и этических аспектов функционирования объекта познания [109, с. 16-17, 28-30; 249, с. 633-635].

В экономической теории рациональность в широком смысле слова (функциональная, содержательная рациональность) означает согласование целей и средств²⁸, выбор средств, наилучшим образом соответствующих заданной цели, а в

---

²⁸ Такое определение рациональности соответствует определению М. Вебером целерационального поведения [45, с. 495].

узком смысле (формальная, инструментальная рациональность) – оптимизацию целевой функции при заданных ограничениях. При этом цели могут быть как поставлены индивидом, так и приписаны ему, а его ценностные установки не имеют значения [2, с. 13, 14; 236, с. 26, 29; 286, с. 56].

В то же время У. Хэндс в качестве инструментальной называет рациональность, связанную с соотношением наилучших средств для достижения некоторых целей [282, с. 54]. Эта формулировка согласуется с мнением Э. Даунса: рациональный экономический субъект стремится к достижению целей с наименьшими возможными затратами редких ресурсов. Р. Швери трактует общепринятую в экономической теории рациональность следующим образом: индивид не изберет альтернативу Х при одновременном наличии более предпочтительного, по его мнению, варианта Y [287, с. 37, 41]. Таким образом, существуют как минимум три разные трактовки экономической рациональности, приведенные на рисунке 11, соответствующие классической научной рациональности и присущие, прежде всего, неоклассическому направлению экономической теории [286, с. 56].

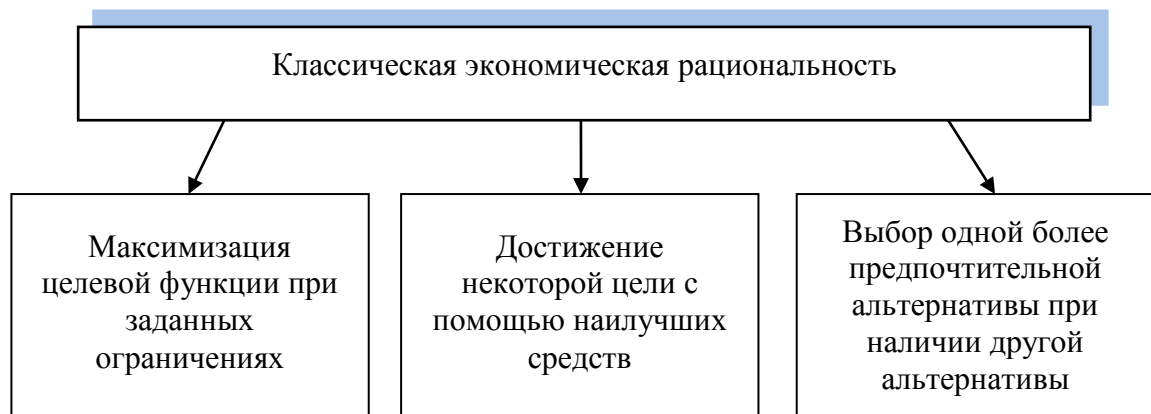

Рисунок 11 – Понятие рациональности в основном течении экономической теории

Источник: составлено автором по [2, 236, 282, 286, 287].

Однако ввиду ограниченных возможностей человеческого интеллекта, сложности и недоступности всей информации инструментально рациональное действие практически невозможно, что обусловило появление альтернативных концепций рациональности.

М. Вебер выделял ценностную рациональность, которая предполагает не столько здравый расчет, сколько учет ценностей и средств, и потому характерна больше для других социальных наук и ряда течений экономической мысли, например традиционного институционализма. Отличительной чертой ценностной рациональности является изначальный выбор не средств, а цели. Следует заметить, что М. Вебер говорил о рациональности применительно к социальному действию, то есть действию, ориентированному на привычное поведение и других людей, на их ожидания [45, с. 495, 509, 524, 542-545, 624-629].

По О. Уильямсону существуют три различные формы рациональности: сильная, полусильная и слабая, которые соотносятся с концептами максимизации, ограниченной и органической рациональности [263, с. 40]. Понимание ограниченности человеческой рациональности существовало давно, однако в экономической теории оно окончательно закрепились благодаря Г. Саймону²⁹, который показал, что люди хотели бы поступать рационально, но этому препятствуют психологические трудности самого процесса принятия решения, сложность, нехватка или отсутствие информации, небезграничные память и внимание, а также культурные особенности жителей разных стран [138, с. 338; 222, с. 87-89, 92; 232, с. 28, 32-34]. Все это обуславливает стремление человека расходовать как можно меньше психической энергии при принятии решений, что противоречит предпосылке достижения наилучшего результата [130, с. 41]. Кроме того, люди склонны преувеличивать вероятность желаемых ими событий и недооценивать вероятность негативных событий, а также убеждать себя в собственной правоте [3, с. 116]. Г. Саймон также обратил внимание на то, что в обыденной жизни и других социально-гуманитарных науках рациональность трактуют совсем не так, как в экономической теории, а как благоразумие,

---

²⁹ В первой половине XX века в психологии были сформулированы принципы, близкие ограниченной рациональности [130, с. 41]. Дж. М. Кларк еще в 1918 году в неявной форме обозначил ограниченную рациональность, когда процесс калькулирования прекращается при получении первого удовлетворительного результата [316, с. 25; 324, с. 425]. По признанию Г. Саймона, на его представления о рациональности, в том числе при принятии управленческих решений в организациях, оказали влияние идеи представителей американского классического институционализма, прежде всего Дж. Коммонса [138, с. 331-332].

умеренность, здравый смысл. В философии рациональность определяется как способность человека мыслить и действовать на основе разумных норм [266, с. 546]. В экономической теории максимизатору необходим только наилучший вариант независимо от положения других людей [232, с. 17, 18, 23].

Органическая рациональность представляет тот случай, когда отсутствие информации и следование нормам, общепринятым практикам, проверенным на опыте, оказывается эффективнее, чем сознательный расчет [51, с. 40]. Данный тип рациональности реализуется преимущественно в работах представителей неоавстрийской школы и в эволюционной экономике [210, с. 44; 263], хотя нечто похожее можно найти уже у А. Смита. В «Теории нравственных чувств» он показал, что действия в соответствии с «общими правилами нравственности», закрепленными в нашем опыте и привычках, а не постоянный расчет, приносят бóльшую выгоду при оценке альтернативных вариантов поведения в конкретной ситуации [240, с. 165, 166, 175, 308, 309]. Вариацией на тему и предвосхищением концепции органической рациональности можно также считать такие типы социального действия, выделенные М. Вебером, как ценностно-рациональное и традиционное действия, совершаемые под влиянием привычек, традиций, религиозных и моральных норм [45, с. 628-630]. Весьма близко к концепции органической рациональности стоит концепция экологической рациональности, разрабатываемая В. Смитом и опирающаяся на взгляды представителей шотландского Просвещения и Ф. Хайека. Экологическая рациональность формируется в процессе биологического и культурного развития человека и основана на нормах, правилах, традициях, опыте и нравственности. Экологически рациональный экономический субъект действует методом проб и ошибок, использует свои знания и способности неосознанно. Эмоции служат для него средством экономии ограниченных ресурсов внимания и мышления [215, с. 483, 543].

Несмотря на наличие альтернатив, наиболее распространенным остается классический, весьма устаревший по меркам философии науки, тип экономической рациональности [304, с. 23], восходящий к поискам наслаждений

без страданий в трудах Д. Юма и И. Бентама. Это мнение разделяют и зарубежные ученые: в микроэкономике оптимизационные модели по-прежнему преобладают над ограниченно-рациональными, несмотря на многочисленные опровержения классической (формальной) экономической рациональности [112, с. 27; 221, с. 93]. Формальное определение рациональности как оптимизации представляет бóльшие удобства с математической точки зрения, так как иррациональное поведение сложно или невозможно формализовать. Теория рационального поведения стала значительным вкладом в развитие экономической теории, тем не менее она остается абстракцией, изобретенной в математической экономике применительно к вымышленному миру, в то время как реальный человек руководствуется не только рациональным расчетом и эгоизмом, но и интуицией, опытом, мнением других людей, жизненными ценностями [21, с. 12; 320, с. 170]. Многозначность трактовок рациональности, отрыв понимания рациональности в экономической теории от философского значения этого слова приводят к выводу о тавтологичности формальной трактовки рациональности экономического действия по следующим причинам [204, с. 20, 23; 206, т. 2, с. 914; 276, с. 46; 325, с. 95]:

1) любое действие изначально рационально, прежде всего, с точки зрения более широкого подхода, принятого в социально-гуманитарных науках [232, с. 17, 18, 23]. Иррациональным может быть действие с точки зрения одного человека, в то время как для другого человека внешне иррациональное действие может быть вполне рациональным и направленным на ликвидацию когнитивного диссонанса, поэтому рациональность – многогранный, субъективный, культурный феномен. В отношении конкретного человека его поведение всегда можно оправдать задним числом, то есть любой поступок можно назвать рациональным, так как он связан с преследованием той или иной цели [45, с. 113; 130, с. 38, 45], поэтому, как полагал Р. Коуз, предпосылка рациональности как максимизации не может быть использована, если мы хотим понять цели человека, мотивы участия в экономической деятельности [317, с. 488]. Нередко возникающая дихотомия рационального и иррационального вообще представляется А. Сену близкой к

абсурду, если считать иррациональным все, что не связано с максимизацией собственного интереса [236, с. 33];

2) поскольку реальность далеко не всегда дает шанс на хорошо обдуманное действие (неопределенность, нехватка информации), человек часто поступает привычным образом или в соответствии с общепринятым обычаем, и это рационально с точки зрения оптимизации моральных и психологических усилий, поэтому понятие рациональности может быть отброшено, всегда можно сказать, что человек что-то максимизирует, а сама предпосылка рациональности оказывается нефальсифицируемой [101, 134, 216, 279, 322, 325];

3) по мнению К. Эрроу, значение экономической рациональности сильно преувеличено, особенно в учебниках, и без него можно обойтись; использование предпосылки рациональности лишь углубляет разрыв между теорией и реальностью, вынуждая дополнять ее предпосылками равновесия, совершенной конкуренции, репрезентативности экономических субъектов; в условиях несовершенной конкуренции поведение экономических субъектов становится взаимозависимым (например, в условиях олигополии), и в этом случае использование предпосылки рациональности (максимизации) становится невозможным [2, с. 18; 311];

4) рациональность в том смысле, как ее трактуют экономисты, вообще изначально не присуща человеку, это приобретенная способность, продукт денежной экономики; на это обратили внимание основатели институционализма, в частности У. Митчелл [142, с. 99; 224, с. 33];

5) предпосылка рациональности является настолько общей, что может быть применима для описания любого поведения, в том числе поведения других живых существ. Она бессодержательна для отражения специфики человеческих отношений, не позволяет учесть исторические и социально-экономические особенности хозяйственной деятельности. Поэтому общность и универсальность классической рациональности, которые нередко преподносятся как ее достоинства, на самом деле оказываются слабыми сторонами, так как уподобляют поведение человека поведению любого животного или растения. Человека

отличает от других организмов способность к целеполаганию и саморефлексии, забота о будущих поколениях, осознанность (а не только инстинктивность) поступков, ответственность; в этом и заключается разумность, рациональность [34, с. 126; 325, с. 94, 99, 103; 331, с. 23];

б) к классическому гедонистическому или оптимизационному определению рациональности может быть применено понятие натуралистической ошибки. Согласно Дж. Муру, добро – принципиально неопределимая категория, сводить его к удовольствию, пользе, полезности нельзя. Сами по себе эти понятия могут быть «хорошими», «добрыми», но это не значит, что любое удовольствие или польза есть добро. В качестве примеров целых систем, построенных на натуралистической ошибке, Дж. Мур приводил гедонизм («добро» = «удовольствие») и утилитаризм («добро» = «польза») [145, с. 67-68; 218, с. 39; 298, с. 305].

Предпосылка абсолютной рациональности ведет к сужению предмета исследования и возможностей экономической науки. По мнению Д. Норта, ученые слишком увлечены предпосылкой рациональности и эффективности рынка, что препятствует глубокому рассмотрению сложности, неопределенности, изменчивости и субъективности окружающего мира [190, с. 142; 191, с. 19, 20]. При этом сами ученые ведут себя не так рационально, как экономические субъекты в их моделях. Ученые-теоретики могут быть даже более ограниченно рациональны, чем изучаемые ими экономические субъекты. Они неточны и непоследовательны, нередко абстрагируются от неудобной информации, ведут себя, скорее, как *homo sociologicus* или *homo institutus*, а при оценке собственных теорий предпочитают следовать «принципу разумной достаточности» [138, с. 323; 215, с. 508].

Постнеклассическая научная рациональность означает, что субъект и объект исследования придерживаются той или иной системы ценностей [249, с. 634], как следствие, в экономической теории можно наблюдать два пути модификации концепции рациональности: либо 1) расширение спектра факторов рационального поведения, либо 2) принятие этико-философской трактовки рациональности как

целесообразности, умеренности, разумности. В связи с этим российские и зарубежные ученые предлагают свои альтернативы концепции классической экономической рациональности, приведенные в таблице 4.

Таблица 4 – Альтернативные концепции экономической рациональности

Автор концепции	Содержание концепции рациональности
Дж. Стиглиц, Дж. Акерлоф, Р. Шиллер [7, 254]	Аксиома «предсказуемо иррационального» поведения: люди ведут себя не так, как предсказывает теория рационального выбора, по причинам, которые исследовал еще Дж. М. Кейнс (психологические склонности, вера в эффективность рынка, доверие, денежный фетишизм), поэтому необходимо принимать во внимание особенности психики человека, культурные и исторические факторы, чувства эйфории, пессимизма или спонтанного оптимизма, под влиянием которых люди принимают решения
Л. Рейно [4, 302]	Переменная рациональность: степень рациональности может меняться; то, что было рационально в одной ситуации, может оказаться нерациональным в других условиях
Х. Лейбенштайн [329]	Переменная рациональность: рациональность экономического поведения зависит от соотношения биологического и социального начала в человеке. Первое требует не затрачивать много усилий, второе – следовать социальным нормам, принимая обдуманные решения
Дж. Дози [65]	Ограниченная рациональность (расширенная трактовка): поведение человека ограничивается такими факторами, как доступность информации, интеллектуальные способности, представления об окружающем мире и собственных предпочтениях, способность овладевать новыми технологиями
В. Смит [215]	Экологическая рациональность: в ходе биологической и культурной эволюции человека складывается эмерджентный порядок, основанный на правилах, традициях и нравственных нормах; экономическое поведение осуществляется с опорой на интуицию, опыт, эмоции человека
Дж. Ходжсон, В. В. Вольчик, Т. А. Зотова [47, 323]	Адаптивная, ситуативная, зависящая от контекста рациональность: экономические субъекты приспосабливаются к существующим институциональным условиям и следуют определенным образцам поведения. Выбор человека зависит от индивидуальной интерпретации доступной ему информации и формируемого при взаимодействии индивидов неявного знания (взаимовлияние институтов и индивидов)
А. Е. Шаститко [286]	Селективная рациональность: уровень рациональности может меняться, при этом рациональность может означать и продуманность, и результативность действий
А. П. Вяткин [51]	Субъективная рациональность: поведение человека определяется его психикой как многоуровневой фрагментированной системой

Автор концепции	Содержание концепции рациональности
С. И. Масалова [129]	Гибкая рациональность: психологические и антропологические факторы формирования мышления человека обуславливают его гибкость, то есть проницательность, творческий характер, умение переосмысливать ситуацию, перестраивать способы решения задач под конкретную ситуацию, хотя не исключена и жесткая рациональность (однозначность, линейность, догматизм, ригоризм, упрямство, следование стереотипам и стандартам)

Источник: составлено автором на основе исследования альтернативных трактовок экономической рациональности.

В отношении второго направления совершенствования концепции рациональности можно сказать, что альтернативой классической экономической рациональности является этическая рациональность. В диссертации в таблице 5 существующие трактовки этической рациональности классифицированы на две группы: 1) следование этическим нормам как способ удовлетворения собственных интересов (этический эгоизм) и 2) следование этическим нормам исходя из безусловных внутренних побуждений. Из таблиц 3 (п. 4.2 диссертации) и 5 можно заметить, что эгоистический мотив поведения человека, как правило, соотносится с концепцией абсолютной (формальной, инструментальной) рациональности. Просвещенный собственный интерес, учитывающий интересы других людей, можно рассматривать как аналог серебряного правила, «уважения к общим правилам нравственности». Наконец, следование этическим нормам, как таковое представляющее безусловную ценность для человека, соответствует каритативному, альтруистическому мотиву. Таким образом, множественность мотивов поведения человека экономического в истории экономической мысли находит отражение и в разнообразии концепций экономической рациональности.

Таблица 5 – Трактовки концепции этической рациональности

Автор	Содержание концепции
<i>Следование этическим нормам как способ удовлетворения собственных интересов (разумный, этический эгоизм, просвещенный собственный интерес)</i>	
А. Смит [239, 240]	Рационально и потому экономически выгодно поведение, учитывающее интересы другого человека

Автор	Содержание концепции
Л. Мизес [133, 134]	Экономически выгодно и рационально поведение, соответствующее законам рынка, но не обязательно связанное с материальными мотивами; важно также одобрение поведения индивида как продукта общественной эволюции окружающими
Г. Беккер [20]	Этичное, альтруистическое поведение может быть выгодно с экономической точки зрения. Выгода заключается в положительных внешних эффектах включения других людей в реализацию индивидуальной функции полезности
Э. Остром [200]	Концепция рационального выбора должна быть дополнена такими характеристиками человеческого поведения, как готовность к доверию и склонность к коллективным действиям
П. А. Ореховский [198]	Альтруистическое поведение можно рассматривать как проявление долгосрочной рациональности, зарабатывание репутации и доверия, которые впоследствии будут способствовать максимизации выгоды
<i>Следование этическим нормам исходя из внутренних побуждений</i>	
Аристотель [15]	Рациональность состоит в умении человека владеть своими эмоциями и страстями, а иррациональность – в победе животных, меркантильных, посясторонних желаний
Р. Оуэн [201]	Действовать рационально означает стремиться к счастью других людей и тем самым достигать личного счастья
А. Маршалл, Дж. М. Кейнс, Дж. Мур [93, 120, 128, 145]	Рациональность поведения связана с этической оценкой последствий тех или иных поступков
М. Вебер [45]	Рациональность связана с социальным действием, ориентированным на будущее и ожидания других людей
А. Сен [236]	Рациональное поведение не обязательно связано с максимизацией индивидуальной функции полезности, оно требует учета суждений и поведения других людей, а также предполагает расширение возможностей индивидов, их свободы при наличии общественной ответственности
П. Козловски [101]	Рациональность связана с этикой, нравственностью, ориентацией на будущее, умением ждать и отказываться от сиюминутной выгоды
Ю. Хабермас [274]	Рациональным является действие, соотношенное с интересами других людей, социально-ориентированное, этичное, нравственное, направленное на достижение взаимопонимания и согласия; так как человек – социальное существо, все его действия связаны с общением с другими людьми, следовательно, рациональность основана на достижении понимания, единстве когнитивных и моральных суждений, компромиссе (коммуникативная рациональность)
И. И. Агапова, М. А. Вахтина [5, 44]	Этическая рациональность проявляется в отказе от краткосрочной выгоды, ориентации на долгосрочную перспективу, добровольном соблюдении нравственных норм. Последнее представляет ценность само по себе, а не только средство достижения корыстных интересов

Автор	Содержание концепции
Д. С. Петросян, Н. Л. Фаткина [209]	Экономический субъект стремится к достижению цели разумными, допустимыми средствами и при этом не должен ущемлять интересы и права других. Экономическое поведение должно быть основано на взаимопомощи, сотрудничестве и доверии между людьми
Е. А. Дергачева [63]	Этическая рациональность как составная часть комплексной рациональности техногенного социоприродного развития состоит в подчинении индивидуальных интересов интересам общества и целям устойчивого развития, а также ответственности индивидов за свои поступки

Источник: составлено автором на основе исследования трактовок этической рациональности.

Зарубежные ученые, интегрируя достижения социологии, философии, этики, считают, что этическая трактовка рациональности не усложняет общепринятую модель человека, а позволяет рассматривать рациональное поведение как отражение нравственной зрелости экономического субъекта [306, с. 42]. Важность рациональности как этической категории хорошо прослеживается на примере поведения потребителей. Приобретение некоторых товаров и услуг влечет сокращение временного горизонта и материальных возможностей максимизации будущих «удовольствий», увеличение альтернативных издержек, то есть нарушение многих принципов формально рационального поведения как максимизации чего угодно [4, с. 69]. Формальная (инструментальная) рациональность без этики оказывается шагом назад на пути личного и общественного благосостояния [339, с. 13]. Это особенно важно, если учесть, что первоначально латинское «ratio» означало принцип гармонии, меры и соразмерности, разум, подчиненный общественной этике [227, с. 33].

Если концепция формальной рациональности включает только индивидуальное поведение, максимизацию краткосрочной выгоды, то этическая рациональность, как показано на рисунке 12, – более широкое понятие (с точки зрения многоаспектного характера взаимосвязи экономической теории и этики и когнитивной функции этики), оно включает формальную рациональность как частный случай и охватывает больший набор реальных экономических ситуаций в

координатах экономического пространства (ориентация человека на себя или на других людей) и времени (долгосрочные или краткосрочные ориентации) [5, с. 35-38; 44, с. 14, 34, 36; 101, с. 100, 104].

Рисунок 12 – Соотношение формальной и этической рациональности

Источник: построено автором на основе анализа содержания экономической рациональности и альтернативных трактовок рациональности.

Концепция этической рациональности согласуется с концепцией постнеклассической научной рациональности, принятой в философии науки для изучения сверхсложных, человекообразных систем, учитывающей ценностные ориентации, мировоззрение субъекта и объекта познания, социокультурный контекст изучаемой реальности. На основе этого возможно сближение научной рациональности и концепций рациональности, принятых в различных областях знания (так называемых рациональности знания и рациональности действия, научной и поведенческой рациональности), так как разум, рациональность – проявление многогранного, но единого человека. Рациональность действия не может быть отделена от научной рациональности, так как познание есть тоже

действие. Разделение этих двух форм рациональности привело к отрыву от реальности в экономической теории [48, с. 160; 249, с. 634-636].

Интеграция поведенческой и научной рациональности как проявление усиливающейся многоаспектной взаимосвязи экономической теории и этики (прежде всего, в рамках когнитивного аспекта) на постнеклассическом этапе развития теоретического экономического знания обусловлена процессами трансформации самой экономической реальности. Особенно ярко это видно на примере трансформации теории факторов производства, модели человека экономического и теории циклов и кризисов. Так, в качестве ключевых факторов производства в научной литературе все чаще называются факторы, непосредственно связанные с этической природой человека, происходит активное обращение к истории экономической мысли, в том числе отечественной, в которой большое внимание всегда уделялось категориям невещественного богатства. Что касается теории циклов и кризисов, то первоначально причины экономических кризисов искали преимущественно в материальной сфере в русле продуктовой онтологии (перепроизводство и недопотребление, период обновления основных фондов). Впоследствии (в эпоху ускорения темпов НТП) возникновение проциклических факторов стали объяснять динамикой инновационной активности (технологические уклады, технологические шоки, инновационные паузы). В настоящее время получают постепенное признание неэкономические факторы циклической динамики, имеющие основания в морали и нравах общества, в то время как экономический цикл всегда был и остается многофакторным явлением [6; 235, с. 404].

Схожие изменения происходят и в модели человека экономического (особенно в версии «основного течения»). Первоначально человек представал как эгоист, сфокусированный на личном материальном благосостоянии, избегании страданий и максимизации удовольствий. В XX веке его одномерная природа была дополнена ограниченными познавательными способностями, информационной асимметрией, предпринимательскими способностями. С распространением экономического империализма в модели человека появились

ориентированные на других людей черты, хотя и с оттенком еще одного способа максимизации индивидуальной функции полезности, в экономическом анализе стали приниматься во внимание не только эгоистические, но и альтруистические ориентации человека [2, с. 132, 133; 307].

Переосмысление онтологических оснований экономической теории (модели человека и концепции экономической рациональности) происходит на фоне коренных изменений экономической реальности: обострения глобальных проблем человечества, усложнения хозяйственного взаимодействия, в том числе в контексте научно-технологического развития, повышения степени человекообразности экономических систем. Это приводит к углублению взаимосвязи экономической и этической сфер жизни общества и, как следствие, актуализирует исследования этических аспектов эволюции экономической теории и методологии.

Выводы по главе 4

Центральным звеном дисциплинарной онтологии любой социально-гуманитарной науки выступает модель человека. На ее основе исследуется поведение реальных субъектов хозяйственной деятельности. В диссертации показано, что до принятия модели *homo oeconomicus* в качестве ведущей классики политической экономии придерживались более широкой трактовки человека, наделяя его разнообразными добродетелями, страстями и исследуя, как они влияют на характер экономического развития.

В диссертации не только проанализированы ограничения модели *homo oeconomicus*, но и показано, что основные черты человека экономического (и, следовательно, ключевые методологические предпосылки теорий, основанных на данной модели) являются крайне противоречивыми и нередко взаимоисключающими, несмотря на их кажущуюся простоту и универсальность. Это, прежде всего, относится к предпосылкам максимизации, суверенитета

потребителя и стабильности предпочтений. Кроме того, статичность, неизменность и крайняя упрощенность модели *homo oeconomicus* формируют столь же упрощенные онтологические представления об экономике, в результате изучение многих актуальных социально-экономических проблем становится затруднительным, поскольку в картине исследуемой реальности их просто не может быть. Ученые признают, что для экономики XXI века модель *homo oeconomicus* чрезвычайно устарела, тем не менее она продолжает воспроизводиться через систему начального экономического образования ввиду удобства преподавания, что имеет самые противоречивые последствия для хозяйственной практики.

В связи с рассмотренными ограничениями модели человека экономического возникает множество альтернативных моделей человека, признаки классификации и направления эволюции которых рассмотрены в диссертации в русле многоаспектной взаимосвязи теоретической экономической науки с этикой. В ходе развития экономической теории происходит расширение модели человека, включение в экономический анализ все большего числа его характеристик.

В диссертации выявлены особенности развития альтернативных моделей человека. С одной стороны, ученые пытаются расширить перечень характеристик (измерений, проявлений) человека, в том числе *homo oeconomicus*, с другой – предлагают некие эталонные модели нравственного экономического субъекта. Однако ключевым ограничением существующих в экономической теории альтернативных моделей человека является, как полагает автор, сведение человека к носителю строго определенного набора характеристик и оперирование чаще одним-двумя или редко несколькими типами поведения, в то время как человек является обладателем разнообразных характеристик (привычек, инстинктов, мотивов, потребностей, ценностей, убеждений), и существует множество типов экономического поведения. Поэтому более плодотворным подходом к моделированию человеческого поведения, по мнению ряда ученых, является многомерный этический подход, базирующийся на интеграции экономической теории не только с этикой, но и социологией и психологией, так как человек един,

выделение человека экономического, социологического, политического или психологического весьма условно.

С этической точки зрения человека в экономической теории необходимо рассматривать не как автономного индивида, а через все многообразие его психофизических и социальных проявлений, как сложное, диалектическое существо. Это позволяет представить экономику в виде многомерного, нелинейного, диссипативного пространства-времени, в котором взаимодействуют этически гетерогенные экономические субъекты, исследовать хозяйственное поведение на различных этапах экономической истории, учитывать в экономическом анализе различные проявления человека.

Развитие экономической методологии с точки зрения взаимосвязи экономической теории и этики предполагает переосмысление не только общепринятой модели человека, но и концепции экономической рациональности. В диссертации показано, что формальная экономическая рациональность, характерная для классицизма науки, отличается неоднозначностью трактовок и тавтологичностью, что не может способствовать повышению эффективности экономико-теоретических исследований. Необходимость преодоления этих ограничений вызвала появление альтернативных концепций рациональности на этапе неклассицизма и постнеклассицизма, которые, как показано в диссертации, формируются двумя путями: либо за счет расширения факторов рационального поведения, либо путем принятия философской трактовки рациональности. Второй путь тесно связан с концепцией этической рациональности. Сопоставление формальной и этической рациональности позволяет сделать вывод о том, что этическая рациональность – более широкая концепция, включающая формальную рациональность как частный случай и предполагающая сближение научной и поведенческой рациональности на этапе постнеклассицизма.

В истории экономической мысли концепция экономической рациональности в различных версиях тесно связана с представлениями о многоуровневой этической природе человека. В четвертой главе диссертации выявлено наличие и соотношение различных типов взаимодействия,

регулирования и мотивации хозяйственного поведения человека на микро-, мезо- и макроуровнях. В диссертации также показано, каким мотивам и способам координации человеческих поступков ученые-экономисты отводили важнейшую роль в обеспечении устойчивости хозяйственного механизма и общества в целом. Этими способами координации являются формируемые в ходе культурной и биологической эволюции моральные нормы как результат обобщения опыта многих поколений людей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взаимодействие экономической теории и этики может быть охарактеризовано как длительное, исторически обусловленное, имеющее глубокие философско-методологические корни. В настоящее время исследования этических аспектов эволюции экономической теории и методологии становятся особенно актуальными, связанными с усилением этической ответственности ученых в различных областях знания, необходимостью учета аксиологических и гуманистических последствий хозяйственной деятельности человека.

Как показано в диссертации, взаимосвязь экономической теории и этики в истории экономической мысли и в процессе развития экономической методологии носит многоаспектный характер. Теоретическая экономическая наука связана с этикой как моральным регулятором хозяйственной деятельности, идеалом общественно-экономического устройства и наукой о человеке. Таковы прикладной, императивный и когнитивный аспекты взаимосвязи экономической теории и этики.

В русле методологического подхода, предложенного автором, в изучении вопросов взаимосвязи экономической теории и этики в диссертации выделены три функции этики в развитии экономической теории и методологии. Регулирующая функция этики связана с формированием и практическим применением совокупности нравственных правил поведения человека, в том числе в научной сфере. Когнитивная функция состоит в совершенствовании методологии экономической теории с точки зрения этической природы, мотивов, потребностей, интересов и ценностей человека. Императивная функция означает роль этики в формировании общественных идеалов (в том числе идеалов и норм научного исследования) и критериев социально-экономического развития.

В рамках прикладного аспекта взаимосвязи экономической теории и этики исследуются вопросы социальной ответственности бизнеса, информационной

асимметрии, неформальной экономики, оппортунистического поведения. С точки зрения императивного аспекта взаимосвязи экономической теории и этики в рамках теорий общественного благосостояния и общественного выбора рассматриваются проблемы социальной справедливости, долгосрочных последствий хозяйственной деятельности человека, совершенствования критериев экономического развития. В то же время экономические исследования в рамках прикладного и императивного аспектов взаимосвязи экономической теории и этики отличаются уклоном в сторону статистической проверки гипотез о влиянии тех или иных этических факторов на экономические показатели. В условиях высокой степени формализации экономических исследований это приводит к сведению проблематики взаимосвязи экономической теории и этики к базовым этическим категориям (морали и нравственности) без существенной проработки теоретических и методологических вопросов и учета историко-этимологического значения когнитивного аспекта взаимосвязи экономической теории и этики.

В диссертации определено новое предметное поле исследования взаимосвязи экономической теории и этики с точки зрения когнитивной функции и понимания этики как науки о природе человека в отличие от традиционных подходов к этике как моральному регулятору экономического поведения и отвлеченному идеалу. Когнитивный аспект взаимосвязи экономической теории и этики выступает в роли интегрирующего, опосредующего процесс формирования общественных идеалов и обеспечивающего его теоретическую основу исходя из потребностей хозяйственной практики. В диссертации показано, что в настоящее время имеет место возрастание значимости всех трех аспектов взаимосвязи экономической теории и этики. Особенно актуальными становятся вопросы этики экономического поведения и будущего общественно-экономического устройства. Однако при этом практически без внимания остается когнитивный аспект взаимосвязи экономической теории и этики, без учета которого призывы к следованию этическим нормам в хозяйственной практике и проектирование

будущего общественно-экономического устройства на основе соблюдения этических норм лишаются прочного теоретического фундамента.

Авторский методологический подход к исследованию многоаспектной взаимосвязи экономической теории и этики позволил переосмыслить теоретическое и методологическое значение трудов таких ученых XVIII-XX вв., как А. Смит, Ш. Фурье, К. А. Сен-Симон, К. Маркс, Г. Шмоллер, Т. Веблен, Дж. Коммонс, Л. Мизес, Й. Шумпетер, Дж. М. Кейнс, Ф. Найт, Ф. Хайек и других, показать взаимообусловленность различных аспектов взаимосвязи экономической теории и этики в их работах и предвосхищение ими современных тенденций эволюции экономической теории, в особенности затрагивающих вопросы междисциплинарного взаимодействия экономики, психологии и этики, а также теории сложности. С этих позиций особое место в истории экономической мысли, и прежде всего в развитии экономической методологии, занимают фигуры К. А. Сен-Симона и Г. Шмоллера.

Реконструкция взглядов ученых-экономистов прошлого и современности с точки зрения комплексного, многоаспектного понимания взаимосвязи экономической теории и этики позволило автору проследить ряд тематических особенностей в развитии экономической теории и методологии, сущностная значимость которых состоит в том, что в ходе движения от классицизма к постнеклассицизму экономической науки имеет место усиление этической составляющей в развитии теоретических идей и методов: обозначенные в свернутом виде у представителей классического этапа идеи или методы получают продолжение на этапе неклассицизма и в развернутом виде становятся составной частью метода или предпосылкой теории на этапе постнеклассицизма. Сказанное относится к таким тематическим особенностям развития экономической теории и методологии, как активное применение исторического метода в экономической теории, сближение экономической теории и психологии и в целом междисциплинарные взаимодействия экономической теории и других наук о человеке и обществе, ориентация на использование качественных методов

исследования, анализ неопределенности экономической среды как следствия многообразия этических предпосылок поведения человека, идеи о роли науки и ученых в жизни общества, кумулятивной причинности и зависимости от предшествующего развития, социальной обусловленности мотивов, потребностей и в целом отказ от узкой, одномерной модели человека, проблема разграничения морали в больших и малых группах.

В диссертации также доказано, что единство и взаимообусловленность различных аспектов взаимосвязи экономической теории и этики обеспечили приращение теоретического экономического знания. В частности, с точки зрения прикладного аспекта взаимосвязи экономической теории и этики, была выявлена и раскрыта взаимозависимость различных составляющих этической природы человека и характера социально-экономического развития. С позиций когнитивного аспекта взаимосвязи экономической теории и этики, экономическая теория была определена как социальная и нравственная наука, нацеленная на выяснение условий материального и нематериального благополучия человека. Учет этических предпосылок хозяйственной деятельности человека позволил рассматривать экономические явления и процессы как динамические, эволюционные, выделить стадии в экономической истории человечества с позиций изменения этической природы человека в каждую историческую эпоху, а также обосновать историческую относительность экономических законов-тенденций и неопределенность экономической среды. В русле императивного аспекта взаимосвязи экономической теории и этики были сформулированы и обоснованы гуманистические критерии социально-экономического прогресса и сделаны принципиально важные социально-экономические прогнозы.

Таким образом, единство прикладного, когнитивного и императивного аспектов взаимосвязи экономической теории и этики в определенной степени предопределило формирование таких тенденций развития современной экономической методологии, как интенсификация использования качественных методов исследования, распространение междисциплинарного подхода и

повышение значимости взаимодействия экономической теории и других социально-гуманитарных наук.

Одним из традиционных ракурсов рассмотрения взаимосвязи экономической теории и этики является проблема соотношения нормативной и позитивной науки. По мнению ряда ученых, нормативное и позитивное начала настолько тесно переплетены в экономической теории, что со временем дихотомия нормативного и позитивного может уйти в прошлое. Однако авторский методологический подход к исследованию взаимосвязи экономической теории и этики позволяет иначе взглянуть на проблему соотношения позитивной и нормативной экономической науки. Ученые-экономисты уже в XIX веке признавали гипотетический характер экономической теории, дедуктивные выводы которой верны только при определенных условиях, не связанных с этикой. Поэтому можно сказать, что относительно недавно провозглашенный «нормативный поворот» в понимании теории рационального выбора не является чем-то принципиально новым для истории экономической методологии. Более того, как показано в диссертации, он выступает как одно из проявлений активного сближения экономической теории и этики в последние несколько десятилетий в отечественной и зарубежной экономической науке. Это хорошо видно при анализе работ Л. Вальраса, А. Вагнера, Дж. Н. Кейнса и Дж. Коммонса, предложивших более гибкие разграничения областей экономических исследований в отличие от оппозиции науки и искусства у Н. У. Сениора и Дж. С. Милля, а также с учетом того, что термин «нормативный» имеет множество значений, не обязательно связанных с этикой. Благодаря когнитивной функции этики в истории экономической мысли существовали и в настоящее время существуют возможности придать экономической теории более позитивный, реалистичный характер при включении в экономический анализ различных этических предпосылок экономического поведения человека, его целей, ценностей, убеждений, привычек, склонностей, мотивов, интересов, потребностей.

В философско-методологической структуре взаимосвязи экономической теории и этики автором выделены три уровня: онтологический, гносеологический и праксеологический. Трехуровневая структура взаимосвязи экономической теории и этики обеспечивает построение дисциплинарной картины мира, способствует повышению аналитических и прогностических возможностей экономической теории, а также эффективности научной деятельности как сферы экономики и культуры. В настоящее время на фоне трансформации экономической реальности возникает необходимость обращения к онтологическому уровню, то есть пересмотра представлений об экономической реальности и функционирующем в ней человеке.

В диссертации показано, что в истории экономической мысли в решении проблемы формирования представлений ученого об экономической реальности (дисциплинарной онтологии) можно выделить две линии, идущие от А. Смита. Его идеи нашли продолжение при переходе от классической к неклассической экономической науке, который сопровождался переосмыслением онтологических предпосылок экономической теории и актуализацией этических составляющих научной деятельности. По линиям Г. Шмоллера – Й. Шумпетера и Т. Веблена – Дж. Коммонса в истории экономической методологии автором были реконструированы процессы формирования онтологических предпосылок теории, в которых большое значение имеют этические компоненты: ценностные ориентации, идеалы, мыслительные привычки, мировоззрение, идеологические пристрастия ученого.

На основе философско-методологической структуры взаимосвязи экономической теории и этики в диссертации выделены подходы к исследованию взаимосвязи экономической теории и этики, сложившиеся в отечественной и зарубежной экономической методологии и историографии. Эти подходы предполагают как полное открытое обособление от этики, так и учет различных граней взаимодействия экономической теории и этики, в том числе учет ценностных ориентаций субъекта и объекта познания. Выбор исследователем того

или иного подхода во многом зависит от его понимания этики, нередко связанного с представлениями об идеальном, должном. Автор диссертации, напротив, делает акцент на гносеологии взаимосвязи экономической теории и этики, расширении объяснительных и прогностических возможностей экономической науки на основе экспликации различных составляющих этической природы человека (а не только его ценностей) и придерживается комплексного, интегрального подхода к решению проблемы взаимосвязи экономической теории и этики. Это позволяет углубить наше понимание эволюции и перспектив развития экономической теории.

Обоснованные в диссертации многоаспектный характер и многоуровневая философско-методологическая структура взаимосвязи экономической теории и этики послужили фундаментом для разработки и реализации в диссертации новой (для отечественной и зарубежной методологии и историографии экономической науки) концептуально-методологической схемы исследования этических аспектов эволюции экономической теории и методологии. В свою очередь это позволило предложить модель эволюции экономической теории и методологии во взаимосвязи с этикой и показать, что в процессе трансформации онтологических оснований экономической теории имеет место тенденция возрастания роли когнитивного аспекта взаимосвязи экономической теории и этики и соответствующей функции этики, благодаря которой разрешались крупнейшие методологические споры в истории экономической мысли с учетом переосмысления онтологических представлений о человеке и экономике. Так, с момента отделения от этики экономическая теория (политическая экономия) как самостоятельная наука сконцентрировалась на исследовании условий повышения материального богатства, рассматривая экономику с точки зрения кругооборота материальных потоков без учета гетерогенной этической природы человека (продуктовая онтология). Впоследствии имело место усиление взаимосвязи экономической теории и этики в рамках неклассического теоретико-методологического синтеза. Экономическая теория начала исследовать поведение

человека в той или иной институциональной среде, привычки, образ действия, убеждения и отношения людей (на базе поведенческой и институционально-эволюционной онтологий). В настоящее время развиваются гуманистическая, системная и синергетическая онтологии как основа постнеклассического теоретико-методологического синтеза, в рамках которого исследуются человекоразмерные, исторически развивающиеся системы, в которые человек включен непосредственным образом как субъект познания и объект воздействия. Как следствие, возникает насущная необходимость учета многообразия этических предпосылок хозяйственной деятельности и природы человека, то есть актуализируется когнитивный аспект взаимосвязи экономической теории и этики.

В экономической теории в качестве базовых методологических принципов, служащих обобщенным описанием картины экономической реальности, выступают принципы методологического индивидуализма и коллективизма. С точки зрения многоаспектного характера взаимосвязи экономической теории и этики, эти принципы имеют ряд ограничений, обусловленных, прежде всего, крайне низкой степенью учета этической природы человека, в то время как именно этические установки, ценности, убеждения во многом определяют экономическое поведение человека.

В связи с этим ученые, теоретики и методологи, в разное время выдвигали и выдвигают различные альтернативы принципов индивидуализма и коллективизма, которые проанализированы в диссертации. Однако более плодотворным, по мнению автора, является подход, реализованный рядом крупнейших ученых-экономистов и состоящий не в отказе от индивидуального или коллективного начала в человеке, а в более широком, этико-ориентированном (в смысле когнитивного аспекта) взгляде на человека, в котором бинарная оппозиция индивидуализма и коллективизма нивелируется. В трудах К. А. Сен-Симона, К. Маркса, Т. Веблена, Дж. Коммонса, Й. Шумпетера, Дж. М. Кейнса, Ф. Найта получили признание и индивидуальные особенности человека, и коллективная психология, и социальная обусловленность мотивов и потребностей

человека, и предшествующее культурно-историческое развитие, продуктом которого является человек.

Как видно, формирование дисциплинарной онтологии экономической теории через методологические принципы индивидуализма и коллективизма тесно связано с моделью человека, которой явно или неявно придерживается тот или иной исследователь. Поэтому автором диссертации проведен анализ моделей человека, принятых в различных направлениях (течениях) экономической мысли, систематизированы признаки классификации моделей человека, показаны противоречия общепринятой модели *homo oeconomicus*, что приводит к необходимости признания внутренней противоречивости экономической теории, построенной на данной модели, несмотря на ее внешнюю строгость и непротиворечивость. Более того, в истории экономической мысли модель человека экономического оказывается гораздо менее однозначной и одномерной, чем принято думать. На основе изучения работ ряда ведущих ученых-экономистов XVIII-XXI вв. (А. Смита, К. А. Сен-Симона, Дж. С. Милля, А. Вагнера, Г. Шмоллера, Дж. Коммонса, М. Вебера, К. Поланьи, Ф. Хайека, Дж. Хиршляйфера, А. Сена) в диссертации выделены триады способов регулирования, координации поведения человека и типов хозяйственного взаимодействия людей на различных уровнях экономического анализа. Способы координации и мотивации поведения человека в хозяйственной сфере коррелируют с концепциями экономической рациональности, рассмотренными в диссертации. Тем самым показано, что эгоистический мотив рассматривался учеными-экономистами не как единственный и ключевой, а как подчиненный другим мотивам человека, ориентированным на учет интересов других людей, моральные нормы, «общие правила нравственности». Именно они, по мнению ряда крупнейших ученых-экономистов, а не эгоизм и расчетливость обеспечивают этический фундамент общества.

С точки зрения предложенного автором методологического подхода к исследованию этических аспектов эволюции экономической теории и

методологии, в диссертации определены особенности трансформации модели человека в экономической теории и концепции экономической рациональности. В рамках прикладного аспекта взаимосвязи экономической теории и этики происходит расширение перечня характеристик экономического субъекта либо рассматриваются несколько типов экономических субъектов с противоположными экономическими интересами и этическими установками. Параллельно возникают альтернативные концепции экономической рациональности, предполагающие ограниченный, адаптивный, переменный характер поведения человека. С точки зрения императивного аспекта взаимосвязи экономической теории и этики, разрабатываются модели нравственных экономических субъектов, придерживающихся этических норм и ориентированных на долгосрочные последствия экономических решений. С позиций когнитивного аспекта взаимосвязи экономической теории и этики, в экономической методологии усиливается внимание к этически гетерогенной природе человека, обладающего разнообразными привычками, потребностями, целями, ценностями, убеждениями, интересами. Как следствие, понятия рационального и иррационального экономического поведения сближаются, а этическая рациональность рассматривается не только с точки зрения должного, нравственного поведения, но и как более широкий концепт, включающий различные типы рациональности как частные случаи. Переосмысление модели человека и концепции этической рациональности в русле взаимосвязи экономической теории и этики позволяет осуществлять экономическое моделирование с учетом множественности типов экономического поведения и различного исторического контекста, объясняя тем самым более широкий спектр экономических феноменов.

Выводы и научные результаты, полученные в диссертационной работе и касающиеся решения важной научной проблемы выявления содержания, структуры и особенностей взаимосвязи экономической теории и этики, а также нового предметного поля исследования взаимосвязи экономической теории и

этики (учитывающего разнообразие этических предпосылок хозяйственной деятельности человека), могут служить фундаментом для будущих научных исследований, в том числе связанных с дальнейшим углублением понимания эволюции экономической мысли, совершенствованием методологии и категориального аппарата экономической теории, теоретического обоснования социально-этической эффективности хозяйственной деятельности человека. Таким образом, проведенное в диссертации исследование этических аспектов эволюции экономической теории и методологии способствует решению важных народнохозяйственных проблем повышения эффективности теоретических экономических исследований и гуманизации социально-экономического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономов, В. Абстракция – мать порядка? / В. Автономов // Вопросы экономики. – 2013. – № 4. – С. 4-23.
2. Автономов, В. С. Модель человека в экономической науке / В. С. Автономов. – СПб.: Экономическая школа, 1998. – 230 с.
3. Автономов, В. С. Поведенческие институты рыночной экономики: к постановке проблемы / В. С. Автономов, А. В. Белянин // Общественные науки и современность. – 2011. – № 2. – С. 112-130.
4. Автономов, В. С. Человек в зеркале экономической теории (Очерк истории западной экономической мысли) / В. С. Автономов. – М.: Наука, 1993. – 176 с.
5. Агапова, И. И. Экономика и этика: аспекты взаимодействия / И. И. Агапова. – М.: Юристъ, 2002. – 190 с.
6. Акаев, А. А. Причины длинных волн и проблема неравномерного экономического развития мировой экономики / А. А. Акаев, С. Ю. Румянцева, А. И. Сарыгулов, В. Н. Соколов // Кондратьевские волны. – 2012. – № 1. – С. 110-135.
7. Акерлоф, Дж. Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма / Дж. Акерлоф, Р. Шиллер. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2010. – 272 с.
8. Альпидовская, М. Л. Политическая экономия как «осознанная необходимость» / М. Л. Альпидовская // Национальные приоритеты: угрозы и безопасность. – 2011. – № 1. – С. 44-47.
9. Ананьин, О. Экономические онтологии и экономические институты / О. Ананьин // Федерализм. – 2013. – № 1. – С. 75-100.
10. Ананьин, О. И. Онтологические предпосылки экономических теорий / О. И. Ананьин. – М.: Институт экономики РАН, 2013. – 50 с.
11. Ананьин, О. И. Структура экономико-теоретического знания: методологический анализ / О. И. Ананьин. – М.: Наука, 2005. – 243 с.

12. Аникин, А. В. Юность науки: Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса / А. В. Аникин. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1985. – 367 с.
13. Антипина, О. Экономическая теория счастья как направление научных исследований / О. Антипина // Вопросы экономики. – 2012. – № 2. – С. 94-107.
14. Апресян, Р. Г. Понятие общественной морали (опыт концептуализации) / Р. Г. Апресян // Вопросы философии. – 2006. – № 5. – С. 3-17.
15. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. – М.: Мысль, 1976-1984.
16. Асланов, Д. И. Структура и содержание понятия «человеческий капитал» и сопряженных понятий в контексте гуманистической парадигмы / Д. И. Асланов // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011. – № 10. – С. 283-295.
17. Афонцев, С. А. Политические рынки и экономическая политика / С. А. Афонцев. – М.: КомКнига, 2010. – 384 с.
18. Барлыбаев, А. А. Математические методы в экономической науке: эволюция и перспективы / А. А. Барлыбаев, Г. М. Юнусова // Экономический анализ: теория и практика. – 2009. – № 23. – С. 9-14.
19. Бачурин, Д. Г. Коррекция методологии применения математических методов в экономических исследованиях в контексте изменения модели экономического развития / Д. Г. Бачурин // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2014. – № 4 (29). – С. 13-19.
20. Беккер, Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / Г. С. Беккер. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.
21. Белянин, А. Дэниел Канеман и Вернон Смит: экономический анализ человеческого поведения (Нобелевская премия за чувство реальности) / А. Белянин // Вопросы экономики. – 2003. – № 1. – С. 4-21.
22. Белянин, А. В. Лицом к лицу: достижения и вызовы поведенческой экономики / А. В. Белянин // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2017. – № 2 (34). – С. 166-175.

23. Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. – М.: РОССПЭН, 1998. – 415 с.
24. Блауг, М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / М. Блауг. – М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. – 416 с.
25. Блауг, М. Несложный урок экономической методологии / М. Блауг // THESIS. – 1994. – Вып. 4. – С. 53-68.
26. Болдырев, И. Онтология ортодоксальной экономической науки: проблемы построения и интерпретации / И. Болдырев // Вопросы экономики. – 2008. – № 7. – С. 100-111.
27. Болдырев, И. Экономическая методология и постмодернизм / И. Болдырев // Вопросы экономики. – 2006. – № 11. – С. 59-78.
28. Болдырев, И. А. Экономическая методология сегодня: краткий обзор основных направлений / И. А. Болдырев // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2011. – № 9. – С. 47-70.
29. Борисова, Е. Культура, имена и экономическое развитие / Е. Борисова, А. Кулькова // Вопросы экономики. – 2016. – № 1. – С. 81-106.
30. Боровинская, Д. Н. Новая «модель человека» (CIAM) / Д. Н. Боровинская // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 323. – С. 63-66.
31. Боулз, С. Моральная экономика: почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан / С. Боулз // Экономическая социология. – 2016. – Т. 17. – № 4. – С. 100-128.
32. Бруннер, К. Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества / К. Бруннер // THESIS. – 1993. – Вып. 3. – С. 51-72.
33. Бузгалин, А. К критике economics / А. Бузгалин, А. Колганов // Вопросы экономики. – 1998. – № 6. – С. 87-107.
34. Бузгалин, А. Человек, рынок и капитал в экономике XXI века / А. Бузгалин, А. Колганов // Вопросы экономики. – 2006. – № 3. – С. 125-141.

35. Бузгалин, А. Экономика: «Периодическая система элементов» (к вопросу о структуризации и типологизации экономических систем) / А. Бузгалин, А. Колганов // Вопросы экономики. – 2001. – № 12. – С. 46-61.
36. Бузгалин, А. В. Марксизм и институционализм: сравнительное исследование / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов, А. И. Московский // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2012. – № 5. – С. 3-18.
37. Бузгалин, А. В. Открытость политэкономии и империализм «мейнстрима»: экономика как прошлое (часть 2) / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // Проблемы современной экономики. – 2012. – № 3. – С. 32-37.
38. Бузгалин, А. В. «Социальный капитал»: клей, обеспечивающий устойчивость позднего капитализма, или гексоген в его основании? / А. В. Бузгалин // Общественные науки и современность. – 2011. – № 3. – С. 147-161.
39. Бузгалин, А. В. Шансы России стать постиндустриальной державой / А. В. Бузгалин // Экономика: теория и практика. – 2006. – № 1 (10). – С. 10-18.
40. Булгаков, С. Н. Очерки по истории экономических учений / С. Н. Булгаков. – Вып. 1. – М.: Русская печатня, 1913. – 240 с.
41. Булгаков, С. Н. Философия хозяйства / С. Н. Булгаков. – М.: Наука, 1990. – 413 с.
42. Вайзе, П. Homo economicus и homo sociologicus: монстры социальных наук / П. Вайзе // THESIS. – 1993. – Вып. 3. – С. 115-130.
43. Вальрас, Л. Элементы чистой политической экономии, или Теория общественного богатства / Л. Вальрас. – М.: Университетская библиотека: Экономика; Изограф, 2000. – XXVI, 421 с.
44. Вахтина, М. А. Институционально-экономические основания обеспечения социальной справедливости в современной рыночной системе: автореф. дис. ... докт. экон. наук: 08.00.01 / Маргарита Анатольевна Вахтина. – Ростов-н/Д., 2013. – 61 с.
45. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

46. Веблен, Т. Б. Теория праздного класса / Т. Б. Веблен. – М.: Прогресс, 1984. – 367 с.
47. Вольчик, В. В. Адаптивная рациональность и экономическое поведение в эволюционном контексте / В. В. Вольчик, Т. А. Зотова // Terra Economicus. – 2011. – Т. 9. – № 4. – С. 54-64.
48. Воробьева, Г. С. Рациональность экономического поведения человека с точки зрения междисциплинарного подхода / Г. С. Воробьева // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 383. – С. 159-169.
49. Всемирная история экономической мысли: в 6 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1987. – 606 с.
50. Вудфорд, М. Сближение взглядов в макроэкономике: элементы нового синтеза / М. Вудфорд // Вопросы экономики. – 2010. – № 10. – С. 17-30.
51. Вяткин, А. П. Субъективная экономическая рациональность: теоретический экскурс / А. П. Вяткин // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. – 2012. – Т. 1. – № 2. – С. 36-46.
52. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1970-1972.
53. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
54. Гильдебранд, Б. Историческое обозрение политико-экономических систем (Политическая экономия настоящего и будущего) / Б. Гильдебранд. – СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1861. – 209 с.
55. Гловели, Г. Д. Исторические лабиринты политической экономии: заметки по поводу неочевидного юбилея / Г. Д. Гловели // Вопросы политической экономии. – 2015. – № 1. – С. 73-81.
56. Гловели, Г. Д. Политэкономия в широком смысле: марксизм и мир-системный анализ / Г. Д. Гловели // Вопросы политической экономии. – 2018. – № 2. – С. 86-111.
57. Горленко, О. В. Классификация потребностей в рекламе / О. В. Горленко // Приоритетные направления развития теории и практики маркетинга.

Международная научно-практическая конференция (Орел, 4 апреля 2011 г.): материалы и доклады / под общ. ред. Н. И. Лыгиной. – Орел: Издательство ОрелГИЭТ, 2011. – С. 116-120.

58. Гребнев, Л. О чем знают не только экономисты / Л. Гребнев // Вопросы экономики. – 2001. – № 9. – С. 39-58.

59. Грязнова, А. Г. О роли экономической теории в подготовке экономистов-практиков / А. Г. Грязнова // Вестник Финансовой академии. – 2005. – № 1. – С. 7-17.

60. Гурова, И. П. Конкурирующие экономические теории / И. П. Гурова. – Ульяновск: УлГУ, 1998. – 180 с.

61. Гусейнов, А. А. Социальный капитал и нравственный климат общества / А. А. Гусейнов // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия: Философские, социальные и естественные науки. – 2013. – № 2-3 (21-23). – С. 17-20.

62. Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество / Дж. К. Гэлбрейт. – М.: Прогресс, 1969. – 480 с.

63. Дергачева, Е. А. Концепция социотехноприродной глобализации: междисциплинарный анализ / Е. А. Дергачева. – М.: Книжный дом «ЛЕНАНД», 2015. – 250 с.

64. Добреньков, В. И. Современная социологическая теория и методология / В. И. Добреньков // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2013. – № 2. – С. 3-28.

65. Дози, Дж. Экономическая координация и динамика: некоторые особенности альтернативной эволюционной парадигмы / Дж. Дози // Вопросы экономики. – 2012. – № 12. – С. 31-60.

66. Доу, Ш. Математика в экономической теории: исторический и методологический анализ / Ш. Доу // Вопросы экономики. – 2006. – № 7. – С. 53-72.

67. Дробницкий, О. Г. Моральная философия: избр. труды / О. Г. Дробницкий; сост. Р. Г. Апресян. – М.: Гардарики, 2002. – 523 с.

68. Дробницкий, О. Г. Проблемы нравственности / О. Г. Дробницкий. – М.: Наука, 1977. – 335 с.
69. Дятел, Е. П. История и методология экономической мысли: принципы систематизации категорий / Е. П. Дятел // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. – 2012. – № 2. – С. 4-15.
70. Дятлов, С. А. Фундаментальные понятия новой экономической теории / С. А. Дятлов // Философия хозяйства. – 2016. – № 4. – С. 89-108.
71. Евстигнеева, Л. От стандартной экономической теории к экономической синергетике / Л. Евстигнеева, Р. Евстигнеев // Вопросы экономики. – 2001. – № 10. – С. 24-39.
72. Журавлева, Г. П. Современная мировая и российская экономическая теория как наука: истоки и необходимость обновления / Г. П. Журавлева // Вестник Международного института экономики и права. – 2011. – № 3 (4). – С. 40-67.
73. Зомбарт, В. Собрание сочинений: в 3 т. / Вернер Зомбарт. – СПб.: Владимир Даль, 2005-2008.
74. Зурабян, М. А. Модель «экономического человека» в неоклассической и неинституциональной теории: сравнительная характеристика / М. А. Зурабян // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика. – 2006. – № 2. – С. 167-170.
75. Ивашковский, С. Культура, экономическое поведение и развитие / С. Ивашковский // Экономическая политика. – 2014. – № 4. – С. 177-194.
76. Ивашковский, С. Экономика и этика: история непростых взаимоотношений / С. Ивашковский // Экономическая политика. – 2011. – № 3. – С. 114-141.
77. Ильенков, Э. В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории / Э. В. Ильенков. – 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1984. – 320 с.
78. Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания. – М.: ИД ВШЭ, 2011. – 671 с.

79. Кальвин, Ж. Наставление в христианской вере / Ж. Кальвин. – М.: РГГУ, 1997. – 582 с.
80. Канеман, Д. Карты ограниченной рациональности: психология для поведенческой экономики / Д. Канеман // Психологический журнал. – 2006. – Т. 27. – № 2. – С. 5-28.
81. Кант, И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов / И. Кант. – 3-е изд., стер. – СПб.: Наука, 2007. – 528 с.
82. Капелюшников, Р. И. Деконструируя Поланьи: заметки на полях «Великой трансформации» / Р. И. Капелюшников // Социологический журнал. – 2005. – № 3. – С. 5-36.
83. Карамова, О. В. Особенности развития российской экономической науки: вопросы методологии: автореф. дис. ... докт. экон. наук: 08.00.01 / Ольга Владимировна Карамова. – М., 2013. – 53 с.
84. Карасева, Л. А. Попытка рефлексивного взгляда на методологию экономической науки / Л. А. Карасева // Финансы: теория и практика. – 2007. – № 4. – С. 77-86.
85. Карасева, Л. А. Проблемы современной российской экономики сквозь призму ее структурных уровней / Л. А. Карасева. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. – 144 с.
86. Кейнс, Дж. М. Экономические возможности наших внуков / Дж. М. Кейнс // Вопросы экономики. – 2009. – № 6. – С. 60-69.
87. Кирдина, С. Методологический индивидуализм и методологический институционализм / С. Кирдина // Вопросы экономики. – 2013. – № 10. – С. 66-89.
88. Кирдина, С. Г. Институционализм в России: XX – начало XXI вв. / С. Г. Кирдина. – М.: Институт экономики РАН, 2015. – 54 с.
89. Кирдина, С. Г. К переосмыслению принципа методологического индивидуализма / С. Г. Кирдина. – М.: Институт экономики РАН, 2013. – 54 с.

90. Кирдина, С. Г. Междисциплинарные исследования в экономике и социологии: проблемы методологии / С. Г. Кирдина // *Общественные науки и современность*. – 2014. – № 5. – С. 60-75.

91. Кирдина, С. Г. Методологический институционализм и мезоуровень социального анализа / С. Г. Кирдина // *Социологические исследования*. – 2015. – № 12. – С. 51-59.

92. Кирдина, С. Г. Преодолевая ограничения методологического индивидуализма / С. Г. Кирдина // *Журнал экономической теории*. – 2013. – № 4. – С. 100-110.

93. Классика экономической мысли: Сочинения (В. Петти, А. Смит, Д. Рикардо, Дж. М. Кейнс, М. Фридмен). – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 896 с.

94. Клейнер, Г. Ритмы эволюционной экономики / Г. Клейнер // *Вопросы экономики*. – 2014. – № 4. – С. 123-136.

95. Клейнер, Г. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории / Г. Клейнер // *Вопросы экономики*. – 2013. – № 6. – С. 4-28.

96. Клейнер, Г. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории. Часть I / Г. Клейнер // *Вопросы экономики*. – 2015. – № 12. – С. 107-123.

97. Клейнер, Г. Б. Эволюция институциональных систем / Г. Б. Клейнер. – М.: Наука, 2004. – 240 с.

98. Книс, К. Политическая экономия с исторической точки зрения / К. Книс // *Предмет и метод*; сост. проф. С. И. Солнцев. – Л.: Путь к знанию, 1924.

99. Князев, Ю. Обновление экономической теории: от непреложного индивидуализма к коллективизму / Ю. Князев // *Мир перемен*. – 2011. – № 2. – С. 39-54.

100. Князев, Ю. К. Об исходных предпосылках исследования современной экономики / Ю. К. Князев. – М.: Институт экономики РАН, 2014. – 35 с.

101. Козловски, П. Принципы этической экономики / П. Козловски. – СПб.: Экономическая школа, 1999. – 344 с.

102. Коландер, Д. Революционное значение теории сложности и будущее экономической науки / Д. Коландер // Вопросы экономики. – 2009. – № 1. – С. 84-100.
103. Коммонс, Дж. Институциональная экономика / Дж. Коммонс // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2007. – Т. 5. – № 4. – С. 59-70.
104. Коммонс, Дж. Р. Правовые основания капитализма / Дж. Р. Коммонс. – М.: ИД ВШЭ, 2011. – 416 с.
105. Кондорсэ, Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Ж. А. Кондорсэ. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. – 265 с.
106. Кондратьев, Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды / Н. Д. Кондратьев. – М.: Экономика, 2002. – 767 с.
107. Корнай, Я. Системная парадигма / Я. Корнай // Вопросы экономики. – 2002. – № 4. – С. 4-22.
108. Коуз, Р. Фирма, рынок и право / Р. Коуз. – М.: Фонд Либеральная миссия: Новое издательство, 2007. – 221 с.
109. Кошлаков, Д. М. Становление единства научной рациональности / Д. М. Кошлаков. – Брянск: БГТУ, 2017. – 204 с.
110. Кошовец, О. Эпистемологический статус моделей и мысленных экспериментов в экономической теории / О. Кошовец, Т. Вартохов // Вопросы экономики. – 2015. – № 2. – С. 123-140.
111. Краснов, В. Н. Методологический индивидуализм: к интерпретации экспериментов когнитивных и социальных психологов / В. Н. Краснов // Экономическая наука современной России. – 2010. – № 4 (51). – С. 92-103.
112. Кроуфорд, В. Модели ограниченной рациональности vs. оптимизационные модели стратегического мышления и обучения в играх / В. Кроуфорд // Вопросы экономики. – 2014. – № 5. – С. 27-44.

113. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун, И. Лакатош, К. Поппер. – М.: АСТ, 2003. – 605 с.
114. Кэрнс, Дж. Э. Логический метод политической экономии / Дж. Э. Кэрнс. – 2-е изд., репр. – М.: URSS, 2012. – 127 с.
115. Леонтьев, В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика / В. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1991. – 415 с.
116. Либман, А. Современная экономическая теория: основные тенденции / А. Либман // Вопросы экономики. – 2007. – № 3. – С. 36-54.
117. Лисовская, Е. Г. Основные концептуальные представления о модели человека и объективная обусловленность межпарадигмального и междисциплинарного подхода / Е. Г. Лисовская, Г. С. Рощина // Вестник Академии. – 2013. – № 2. – С. 129-133.
118. Лютер, М. Избранные произведения / М. Лютер. – СПб.: Андреев и согласие, 1994. – 427 с.
119. Майровски, Ф. Физика и «маржиналистская революция» / Ф. Майровски // Terra Economicus. – 2012. – Т. 10. – № 1. – С. 100-116.
120. Макашева, Н. Этика добра и общая экономическая теория (Интеллектуальный вызов Дж. М. Кейнса) / Н. Макашева // Общественные науки и современность. – 1993. – № 6. – С. 11-24.
121. Макашева, Н. Этика и экономическая теория / Н. Макашева // Общественные науки и современность. – 1992. – № 3. – С. 12-26.
122. Макашева, Н. А. Взаимосвязь этики и теории в истории экономической мысли: автореф. дис. ... докт. экон. наук: 08.00.02 / Наталия Андреевна Макашева. – М., 1995. – 42 с.
123. Макашева, Н. А. Пейзаж после бури: повлияет ли кризис на экономическую науку? / Н. А. Макашева // Экономические и социальные проблемы России. – 2012. – № 1. – С. 12-32.
124. Макашева, Н. А. Эволюционный подход и рост научного экономического знания (предварительные замечания) / Н. А. Макашева //

Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2006. – Т. 4. – № 2. – С. 8-16.

125. Макашева, Н. А. Экономическая наука в России в период трансформации (конец 1980-х – 1990-е годы): революция и рост научного знания / Н. А. Макашева // Экономические и социальные проблемы России. – 2006. – № 1. – С. 12-32.

126. МанDEVиль, Б. Басня о пчелах, или Пороки частных лиц – блага для общества / Б. МанDEVиль. – М.: Наука, 2000. – 289 с.

127. Маркс, К. Сочинения: в 50 т. / Карл Маркс, Фридрих Энгельс. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1955-1981.

128. Маршалл, А. Принципы экономической науки: в 3 т. / А. Маршалл. – М.: Прогресс, 1993.

129. Масалова, С. И. Гибкая рациональность уплотнения научного знания: когнитивный аспект / С. И. Масалова // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 2. – С. 32-45.

130. Мельников, В. В. Поведенческие основы неконкурентной рациональности / В. В. Мельников // Terra Economicus. – 2011. – Т. 9. – № 1. – С. 33-47.

131. Менгер, К. Избранные работы / К. Менгер. – М.: Территория будущего, 2005. – 496 с.

132. Мизес, Л. фон. О некоторых распространенных заблуждениях по поводу предмета и метода экономической науки / Л. фон Мизес // THESIS. – 1994. – Т. II. – Вып. 4. – С. 205-212.

133. Мизес, Л. фон. Трактат «иррациональности» в общественных науках / Л. фон Мизес // Экономическая политика. – 2015. – Т. 10. – № 2. – С. 193-202.

134. Мизес, Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / Л. фон Мизес. – Челябинск: Социум, 2008. – 878 с.

135. Миклашевский, А. Н. История политической экономии (Философские, исторические и теоретические начала экономии XIX-го века) / А. Н. Миклашевский. – Юрьев: тип. К. Маттисена, 1909. – 646 с.

136. Милль, Дж. С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии / Дж. С. Милль. – М.: Эксмо, 2007. – 1040 с.

137. Милль, Дж. С. Система логики: в 2 т. / Дж. С. Милль. – СПб.: Издание книгопродавца и типографа М. О. Вольфа, 1865-1867.

138. Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: в 5 т. – Т. V. в 2 кн. – Кн. 1: Всемирное признание: Лекции нобелевских лауреатов / сопред. редкол. Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов. – М.: Мысль, 2004. – 767 с.

139. Миропольский, Д. Ю. Принцип системности в теоретической экономике / Д. Ю. Миропольский // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 1 (37). – С. 30-35.

140. Миропольский, Д. Ю. Отношение экономики к неэкономике: простейшее взаимодействие продукта и человеческого тела / Д. Ю. Миропольский // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2010. – № 2. – С. 7-14.

141. Митчелл, У. Рациональность экономической деятельности / У. Митчелл // Terra Economicus. – 2009. – Т. 7. – № 4. – С. 80-88.

142. Митчелл, У. К. Рациональность экономической деятельности (продолжение) / У. К. Митчелл // Terra Economicus. – 2010. – Т. 8. – № 1. – С. 96-108.

143. Московский, А. Смысл дискуссий о современных изменениях в экономической науке (О книге «Истоки: Из опыта изучения экономики как структуры и процесса») / А. Московский // Вопросы экономики. – 2008. – № 8. – С. 131-140.

144. Мочалова, Л. А. Аналитическая модель новой институциональной экономической теории: вопросы полноты и достаточности / Л. А. Мочалова //

Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2007. – Т. 5. – № 1. – С. 69-80.

145. Мур, Дж. Э. Принципы этики / Дж. Э. Мур. – М.: Прогресс, 1984. – 326 с.

146. Мюрдаль, Г. Азиатская драма: исследование нищеты народов / Г. Мюрдаль. – М.: [б. и.], 1970. – 204 с.

147. Найт, Ф. Х. Этика конкуренции / Ф. Х. Найт. – М.: ЭКОМ Паблшерс, 2009. – 608 с.

148. «Невидимая рука» рынка / под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейма, П. Ньюмена; науч. ред. Н. А. Макашева. – М.: ИД ГУ ВШЭ, 2008. – XIV, 388 с.

149. Нельсон, Р. Эволюционная теория экономических изменений / Р. Нельсон, С. Уинтер. – М.: Дело, 2002. – 536 с.

150. Нехамкин, А. «Провалы рынка»: моральный аспект / А. Нехамкин, О. Нифаева // Общество и экономика. – 2013. – № 11-12. – С. 166-171.

151. Никандрова, Е. Г. Духовно-нравственный потенциал человеческого капитала как фактор его воспроизводства в инновационной экономике / Е. Г. Никандрова // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2014. – № 3 (87). – С. 116-119.

152. Нифаева, О. Социальная реклама как фактор экономического развития / О. Нифаева, А. Нехамкин // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – № 5. – С. 48-55.

153. Нифаева, О. В. Взаимовлияние экономики и этики в античной и средневековой философии / О. В. Нифаева // Проблемы современного антропосоциального познания: сборник научных статей / Брянский государственный технический университет; редколлегия Н. В. Попкова (ответственный редактор), Е. А. Дергачева (ответственный секретарь) [и др.]. – Брянск: БГТУ, 2020. – Вып. 18. – Текст: непосредственный. – С. 44-52.

154. Нифаева, О. В. Диалектика взаимосвязи экономической теории и этики / О. В. Нифаева // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 8. ч. 1 (85-1). – С. 988-992.

155. Нифаева, О. В. Значение этических ценностей общества в формировании человеческого капитала / О. В. Нифаева // «Цифровая логистика – интегрированный подход», всероссийская научно-практическая конференция (10; 2020; Брянск). Материалы X Всероссийской научно-практической конференции «Цифровая логистика – интегрированный подход», 13 апреля 2020 года. – Брянск: БГТУ, 2020. – С. 133-136.

156. Нифаева, О. В. Институциональный аспект формирования экономических отношений / О. В. Нифаева, А. Н. Нехамкин // Экономические и гуманитарные науки. – 2014. – № 1 (264). – С. 3-11.

157. Нифаева, О. В. К вопросу о сущности категорий «производительные силы» и «производственные отношения» / О. В. Нифаева // Вопросы политической экономии. – 2020. – № 3 (23). – С. 124-134.

158. Нифаева, О. В. Методологические предпосылки гуманистической парадигмы экономической теории / О. В. Нифаева // Ученые записки Тамбовского регионального отделения Российского союза молодых ученых / Тамб. регион. отделение РоСМУ; отв. ред. А. В. Кузьмин. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина. Вып. 5: Перспективы развития научного знания в XXI веке. – 2016. – С. 165-168.

159. Нифаева, О. В. Методологическое значение названия теоретической экономической науки для понимания ее эволюции / О. В. Нифаева // IV Российский экономический конгресс «РЭК-2020». Том II. Тематическая конференция «Методология, история экономической мысли и экономическая история» (сборник материалов) / Составители В. С. Автономов, О. И. Ананьин, А. М. Маркевич. – М.: Новая экономическая ассоциация, Институт экономики РАН, Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, Московская школа экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2020. – С. 65-68.

160. Нифаева, О. В. Методология исследования и оценки человеческого капитала: этический подход / О. В. Нифаева // Экономика: теория и практика. – 2016. – № 3 (43). – С. 46-50.

161. Нифаева, О. В. Методология постнеклассической экономической теории: этический подход: монография / О. В. Нифаева. – Брянск: ООО «Новый проект», 2016. – 197 с.

162. Нифаева, О. В. Методология экономической науки в «Теории нравственных чувств» А. Смита / О. В. Нифаева // Ученые записки Тамбовского регионального отделения Российского союза молодых ученых: сборник научных статей / Тамб. регион. отделение РоСМУ; отв. ред. А. В. Кузьмин. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина. Вып. 7: Перспективы развития научного знания в XXI веке. – 2017. – С. 229-232.

163. Нифаева, О. В. Морально-нравственные основы трансформации экономических отношений в современной России [Текст] + [Электронный ресурс]: монография / О. В. Нифаева. – М.: Издательский Дом «Наука», 2014. – 444 с.

164. Нифаева, О. В. Некоторые направления развития методологии и онтологии современной экономической теории / О. В. Нифаева // Экономика: теория и практика. – 2021. – № 2 (62). – С. 3-7.

165. Нифаева, О. В. Некоторые размышления о методологии научных революций в экономической теории / О. В. Нифаева // Экономические науки. – 2021. – № 7 (200). – С. 19-22.

166. Нифаева, О. В. Об эволюции экономической теории во взаимосвязи с этикой / О. В. Нифаева // Философия хозяйства. – 2018. – № 2 (116). – С. 109-119.

167. Нифаева, О. В. Особенности и роль этико-экономических взглядов российских ученых в истории экономической мысли / О. В. Нифаева // Экономика и предпринимательство. – 2019. – № 3 (104). – С. 1011-1015.

168. Нифаева, О. В. Особенности ценовой политики предприятия с учетом этико-психологических и экономических факторов поведения потребителей / О. В. Нифаева // Креативная экономика. – 2021. – Т. 15. – № 8. – С. 3295-3314.

169. Нифаева, О. В. Развитие методологии экономической теории в контексте взаимосвязи с этикой / О. В. Нифаева // Проблемы современной экономики. – 2020. – № 1 (73). – С. 37-40.

170. Нифаева, О. В. Рациональность и бережливость в системе ценностей российских предпринимателей / О. В. Нифаева // Наука и бизнес: синергетическая модель в контуре активизации хозяйственной деятельности в области экономики и управления: материалы Международной научно-практической конференции (9-10 октября 2013 г.). – Брянск: ООО «Ладомир», 2013. – С. 62-65.

171. Нифаева, О. В. Роль экономической теории, психологии и этики в исследовании поведения потребителей / О. В. Нифаева // Современные исследования в гуманитарных и естественнонаучных отраслях: Сборник научных статей. Ч. VII / Научный ред. д. пед. наук Ф. Д. Рассказов. – М.: Издательство «Перо», 2021. – С. 29-33.

172. Нифаева, О. В. Роль этики в развитии экономической мысли и представлений о человеке экономическом / О. В. Нифаева // Философия хозяйства. – 2020. – № 6 (132). – С. 58-72.

173. Нифаева, О. В. Система социальной рекламы в Российской Федерации: механизмы и направления развития [Текст] + [Электронный ресурс]: монография / О. В. Нифаева, А. Н. Нехамкин. – Брянск: БГТУ, 2012. – 196 с.

174. Нифаева, О. В. Совершенствование методологии экономической теории: этический подход / О. В. Нифаева // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 2. ч. 2 (79-2). – С. 850-855.

175. Нифаева, О. В. Социальная реклама на службе модернизации / О. В. Нифаева, А. Н. Нехамкин // ЭКО. – 2013. – № 4 (466). – С. 158-171.

176. Нифаева, О. В. Сущность экономических отношений: философско-этический аспект / О. В. Нифаева // Философия в контексте современных социальных практик: материалы V Философских чтений: 21 ноября 2020 г. / Брян. обл. науч. универс. б-ка им. Ф. И. Тютчева; Брян. отд-ние Рос. филос. об-ва. – Брянск, 2021. – С. 56-61.

177. Нифаева, О. В. Формирование цивилизованной модели российской экономики: институциональный подход: монография / О. В. Нифаева, А. Н. Нехамкин. – М.: Издательский Дом «Наука», 2013. – 276 с.

178. Нифаева, О. В. Цивилизованная модель российской экономики: прошлое, настоящее, будущее / О. В. Нифаева, А. Н. Нехамкин // Экономика и предпринимательство. – 2013. – № 12. ч. 3 (41-3). – С. 55-60.

179. Нифаева, О. В. Экономика и этика: теория и методология взаимосвязи: монография / О. В. Нифаева. – Брянск: ООО «Новый проект», 2015. – 295 с.

180. Нифаева, О. В. Этапы развития рыночной экономики в Российской Федерации: раннерыночная (кризисная) и переходная модели / О. В. Нифаева, А. Н. Нехамкин // Экономические и гуманитарные науки. – 2013. – № 11 (262). – С. 21-28.

181. Нифаева, О. В. Этика денежной экономики в истории экономической мысли / О. В. Нифаева // Деньги и процент: экономика и этика : сборник тезисов IX ежегодной международной конференции центра исследований экономической культуры Санкт-Петербургского государственного университета / редакторы: Д. Е. Расков, Д. В. Кадочников. – Санкт-Петербург : Астерион, 2020. – С. 98-99.

182. Нифаева, О. В. Этика и методология экономической науки будущего / О. В. Нифаева // Экономические науки. – 2017. – № 2 (147). – С. 7-10.

183. Нифаева, О. В. Этико-психологические аспекты поведения экономических субъектов в теории предпринимательства / О. В. Нифаева // Наука России: Цели и задачи. Сборник научных трудов по материалам XXVII международной научно-практической конференции 10 июня 2021 г. Изд. НИЦ «Л-Журнал», Часть 2. 2021. – Екатеринбург: НИЦ «Л-Журнал». – С. 147-150.

184. Нифаева, О. В. Этические аспекты организационного поведения как фактор повышения конкурентоспособности предприятия / О. В. Нифаева // «Цифровая логистика – интегрированный подход», всероссийская научно-практическая конференция (10; 2020; Брянск). Материалы X Всероссийской научно-практической конференции «Цифровая логистика – интегрированный подход», 13 апреля 2020 года. – Брянск: БГТУ, 2020. – С. 137-140.

185. Нифаева, О. В. Этические аспекты развития экономической теории и методологии / О. В. Нифаева // Стратегии развития современной науки: Сборник

научных статей. Ч. I / Научный ред. канд. пед. наук, доц. И. В. Таньчева. – М.: Издательство «Перо», 2019. – С. 150-154.

186. Нифаева, О. В. Этические и методологические основания экономической теории в модели человека / О. В. Нифаева // Экономика: теория и практика. – 2018. – № 3 (51). – С. 27-31.

187. Нифаева, О. В. Этические и методологические предпосылки экономической теории в постнеклассической науке / О. В. Нифаева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2019. – № 2 (46). – С. 16-22.

188. Нифаева, О. В. Этические основания методологии экономической науки / О. В. Нифаева // Вестник Брянского государственного технического университета. – 2016. – № 5 (53). – С. 254-261.

189. Нифаева, О. В. Этические основы методологии экономической теории / О. В. Нифаева // Вопросы экономики и права. – 2017. – № 2. – С. 39-43.

190. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М.: Начала, 1997. – 180 с.

191. Норт, Д. Понимание процесса экономических изменений / Д. Норт. – М.: ИД ГУ ВШЭ, 2010. – 256 с.

192. Нуреев, Р. М. Методологические предпосылки современной экономической теории (economics): тенденции развития / Р. М. Нуреев // Научные труды ДонНТУ. Серия: Экономическая. – 2014. – № 1. – С. 5-18.

193. Нуреев, Р. М. Методология взаимосвязи экономической теории и этики / Р. М. Нуреев, О. В. Нифаева // Труды VII Всероссийского симпозиума по экономической теории. Том 1. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. – С. 35-36.

194. Нуреев, Р. М. Очерки по истории институционализма / Р. М. Нуреев. – 2-е изд. – Ростов н/Д: Содействие – XXI век, 2014. – 416 с.

195. Нуреев, Р. М. Развитие метода экономической теории / Р. М. Нуреев // Мир новой экономики. – 2014. – № 3. – С. 95-106.

196. Нуреев Р. М. Этические факторы повышения социального капитала в России / Р. М. Нуреев, О. В. Нифаева // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*. – 2016. – Т. 7. – № 2. – С. 20-37.
197. Ольсевич, Ю. Я. Психологические основы экономического поведения / Ю. Я. Ольсевич. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 413 с.
198. Ореховский, П. А. Критика нравственных оснований нормативной экономики / П. А. Ореховский. – М.: Институт экономики РАН, 2014. – 44 с.
199. Ореховский, П. А. Посылка однородности экономических агентов: парадоксы теории и практики / П. А. Ореховский. – М.: Институт экономики РАН, 2013. – 32 с.
200. Остром, Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности / Э. Остром. – М.: ИРИСЭН: Мысль, 2011. – 445 с.
201. Оуэн, Р. Образование характера / Р. Оуэн. – СПб.: Вестник знания, 1909. – 63 с.
202. О'Хара, Ф. Современные принципы неортодоксальной политической экономики / Ф. О'Хара // *Вопросы экономики*. – 2009. – № 12. – С. 38-57.
203. Очерки по экономической синергетике / под ред. В. И. Маевского, С. Г. Кирдиной-Чэндлер, М. А. Дерябиной. – М.: ИЭ РАН, 2017. – 182 с.
204. Очерки экономической антропологии. – М.: Наука, 1999. – 127 с.
205. Павленко, Ю. Г. Методологический индивидуализм и холизм в экономике и социологии / Ю. Г. Павленко // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. – 2014. – № 3. – С. 34-44.
206. Панорама экономической мысли конца XX столетия: в 2 т. / под ред. Д. Гринуэя, М. Блини, И. Стюарта. – СПб.: Экономическая школа, 2002.
207. Парето, В. Компендиум по общей социологии / В. Парето. – 2-е изд. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 511 с.
208. Парето, В. Учебник политической экономики / В. Парето. – М.: РИОР; ИНФРА-М, 2016. – 471 с.
209. Петросян, Д. Экономический эгоизм и гуманизация экономики / Д. Петросян, Н. Фаткина // *Вопросы экономики*. – 2010. – № 8. – С. 123-131.

210. Петросян, Д. С. Интегративная модель поведения человека / Д. С. Петросян // *Общественные науки и современность*. – 2008. – № 3. – С. 39-51.
211. Пивоварова, М. А. Методологические основы исследования мирохозяйственной системы в условиях глобализации: дис. ... докт. экон. наук: 08.00.01 / Марина Александровна Пивоварова. – М., 2001. – 345 с.
212. Пигу, А. Экономическая теория благосостояния: в 2 т. / А. Пигу. – М.: Прогресс, 1985.
213. Платон. Сочинения: в 3 т. / Платон. – М.: Мысль, 1968-1972.
214. Поланьи, К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи. – СПб.: Алетейя, 2002. – 311 с.
215. Политикам об экономике. Лекции нобелевских лауреатов по экономике / вступительная статья, общ. ред. Г. Ю. Семигина. – М.: Современная экономика и право, 2005. – 560 с.
216. Полтерович, В. М. Становление общего социального анализа / В. М. Полтерович // *Общественные науки и современность*. – 2011. – № 3. – С. 101-111.
217. Пригожин, И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
218. Рих, А. Хозяйственная этика / А. Рих. – М.: Посев, 1996. – 816 с.
219. Родионова, Н. Модель «экономического человека» в системе экономических знаний / Н. Родионова // *Высшее образование в России*. – 2006. – № 9. – С. 56-67.
220. Розмаинский, И. Неопределенность и институциональная эволюция в сложных экономических системах: посткейнсианский подход / И. Розмаинский // *Вопросы экономики*. – 2009. – № 6. – С. 48-59.
221. Розмаинский, И. О методологических основаниях мейнстрима и гетеродоксии в экономической теории конца XIX – начала XXI века / И. Розмаинский // *Вопросы экономики*. – 2008. – № 7. – С. 89-99.
222. Розмаинский, И. В. На пути к общей теории нерациональности поведения хозяйствующих субъектов / И. В. Розмаинский // *Экономический*

вестник Ростовского государственного университета. – 2003. – Т. 1. – № 1. – С. 86-99.

223. Розмаинский, И. В. Посткейнсианский анализ характеристик человеческого поведения в условиях макроэкономических, технологических и институциональных изменений / И. В. Розмаинский // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). – 2009. – Т. 1. – № 1. – С. 43-56.

224. Розмаинский, И. В. Посткейнсианство + Традиционный институционализм = Целостная реалистичная экономическая теория XXI века / И. В. Розмаинский // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2003. – Т. 1. – № 3. – С. 28-35.

225. Рубинштейн, А. Я. Введение в новую методологию экономического анализа / А. Я. Рубинштейн. – М.: Институт экономики РАН, 2012. – 58 с.

226. Рубинштейн, А. Я. Методологический анализ теории опекаемых благ / А. Я. Рубинштейн. – М.: Институт экономики РАН, 2014. – 64 с.

227. Румянцев, М. А. Антропологический подход к исследованию экономики: постановка проблемы / М. А. Румянцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика. – 2007. – Вып. 4. – С. 25-35.

228. Румянцева, С. Ю. Инновации и экономическое поведение в современных моделях экономического роста и в эволюционной экономике / С. Ю. Румянцева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». – 2015. – Т. 9. – № 2. – С. 89-96.

229. Рыжкова, М. В. «Провалы» теории рационального выбора / М. В. Рыжкова // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 3. – С. 23-32.

230. Рязанов, В. Т. Антропологический принцип в экономике / В. Т. Рязанов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика. – 2006. – № 1. – С. 3-18.

231. Рязанов, В. Т. Политическая экономия: из прошлого в будущее (часть 1) / В. Т. Рязанов // Проблемы современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 47-55.

232. Саймон, Г. А. Рациональность как процесс и продукт мышления / Г. А. Саймон // THESIS. – 1993. – Вып. 3. – С. 16-39.
233. Салихов, Б. В. Интеллектуальная экономика как нравственно-этическая форма инновационного развития / Б. В. Салихов, Д. А. Летунов // Проблемы современной экономики. – 2008. – № 3 (27). – С. 108-111.
234. Седлачек, Т. Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики от Гильгамеша до Уолл-Стрит / Т. Седлачек. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 543 с.
235. Селигмен, Б. Основные течения современной экономической мысли / пер. с англ.; общ. ред. и вступ. статья акад. А. М. Румянцева [и др.]. – М.: Прогресс, 1968. – 600 с.
236. Сен, А. Об этике и экономике / А. Сен. – М.: Наука, 1996. – 160 с.
237. Сен-Симон, К. А. Избранные сочинения: в 2 т. / К. А. Сен-Симон. – М.; Л.: АН СССР, 1948.
238. Сисмонди, Ж. С. де. Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению: в 2 т. / Ж. С. де Сисмонди. – М.: Соцэкгиз, 1937.
239. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.
240. Смит, А. Теория нравственных чувств / А. Смит. – М.: Республика, 1997. – 351 с.
241. Современный словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1992. – 740 с.
242. Степанищев, А. Ф. Научная рациональность: Пределы перепутья / А. Ф. Степанищев, Д. М. Кошлаков. – Брянск: БГТУ, 2011. – 239 с.
243. Степин, В. С. История науки как наука / В. С. Степин // Социология. – 2016. – № 1. – С. 39-47.
244. Степин, В. С. Наука и философия / В. С. Степин // Вопросы философии. – 2010. – № 8. – С. 58-75.

245. Степин, В. С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция / В. С. Степин // Вопросы философии. – 2012. – № 5. – С. 18-25.
246. Степин, В. С. О методологических подходах к анализу социального познания / В. С. Степин // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2014. – № 3. – С. 3-10.
247. Степин, В. С. Особенности научного познания и критерии типов научной рациональности / В. С. Степин // Эпистемология и философия науки. – 2013. – № 2 (36). – С. 78-91.
248. Степин, В. С. Проблема системности и преемственности в развитии философского знания / В. С. Степин // Философские науки. – 2014. – № 12. – С. 7-19.
249. Степин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
250. Степин, В. С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма / В. С. Степин // Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2013. – № 4. – С. 45-59.
251. Степин, В. С. Системность объектов научного познания и типы рациональности / В. С. Степин // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2007. – № 1. – С. 65-76.
252. Степин, В. С. Современные тенденции развития философии науки и стратегии преподавания / В. С. Степин // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. – 2008. – Т. 7. – № 1. – С. 23-28.
253. Степин, В. С. Философский анализ мировоззренческих универсалий культуры / В. С. Степин // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2011. – № 1. – С. 8-17.
254. Стиглиц, Дж. Ю. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса / Дж. Ю. Стиглиц. – М.: Эксмо, 2011. – 512 с.

255. Стиглиц, Дж. Ю. Этика, экономические советы и экономическая политика / Дж. Ю. Стиглиц // Экономическая политика. – 2011. – № 2. – С. 128-143.
256. Стиглиц, Дж. Ю. Этика, экономические советы и экономическая политика (окончание) / Дж. Ю. Стиглиц // Экономическая политика. – 2011. – № 3. – С. 107-113.
257. Тамбовцев, В. Возникновение институтов: методолого-индивидуалистический подход / В. Тамбовцев // Вопросы экономики. – 2011. – № 11. – С. 83-96.
258. Тамбовцев, В. Теоретические вопросы институционального проектирования / В. Тамбовцев // Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С. 82-94.
259. Тамбовцев, В. Л. Перспективы «экономического империализма» / В. Л. Тамбовцев // Общественные науки и современность. – 2008. – № 5. – С. 129-136.
260. Трубицын, А. В. РЭП: модели и перспективы (научный доклад) / А. В. Трубицын. – М.: Институт экономики РАН, 2013. – 64 с.
261. Туган-Барановский, М. И. Очерки из новейшей истории политической экономии / М. И. Туган-Барановский. – СПб.: Издание журнала «Мир Божий»; тип. И. Н. Скороходова, 1903. – 434 с.
262. Тюрго, А. Р. Ж. Избранные философские произведения / А. Р. Ж. Тюрго. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 192 с.
263. Уильямсон, О. И. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа / О. И. Уильямсон // THESIS. – 1993. – Вып. 3. – С. 39-49.
264. Философия экономики. Антология / под ред. Д. Хаусмана. – М.: Изд. Института Гайдара, 2012. – 520 с.
265. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с.
266. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев [и др.]. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.

267. Финансовый кризис и провалы современной экономической науки // Вопросы экономики. – 2010. – № 6. – С. 10-25.
268. Фоули, Д. Математический формализм и политэкономическое содержание / Д. Фоули // Вопросы экономики. – 2012. – № 7. – С. 82-95.
269. Фридмен, М. Методология позитивной экономической науки / М. Фридмен // THESIS. – 1994. – Вып. 4. – С. 20-52.
270. Фролов, Д. Методологический институционализм 2.0: от институтов – к институциональным конфигурациям / Д. Фролов // Вопросы экономики. – 2016. – № 7. – С. 147-160.
271. Фролов, Д. Методологический институционализм: новый взгляд на эволюцию экономической науки / Д. Фролов // Вопросы экономики. – 2008. – № 11. – С. 90-101.
272. Фролов, И. Т. О человеке и гуманизме: Работы разных лет / И. Т. Фролов. – М.: Политиздат, 1989. – 559 с.
273. Фурье, Ш. Теория четырех движений и всеобщих судеб. Проспект и анонс открытия / Ш. Фурье // Избранные сочинения. – Т. I. – М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1938. – 312 с.
274. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – 2-е изд., стер. – СПб.: Наука, 2006. – 377 с.
275. Хайек, Ф. А. фон. Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма / Ф. А. фон Хайек. – М.: Новости, 1992. – 304 с.
276. Хайлбронер, Р. Л. Экономическая теория как универсальная наука / Р. Л. Хайлбронер // THESIS. – 1993. – Вып. 1. – С. 41-55.
277. Ходжсон, Дж. Институты и индивиды: взаимодействие и эволюция / Дж. Ходжсон // Вопросы экономики. – 2008. – № 8. – С. 45-60.
278. Ходжсон, Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории / Дж. Ходжсон. – М.: Дело, 2003. – 464 с.

279. Ходжсон, Дж. М. Скрытые механизмы убеждения: институты и индивиды в экономической теории / Дж. М. Ходжсон // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2003. – Т. 1. – № 4. – С. 11-30.
280. Хубиев, К. А. Экономическая теория: между прошлым и будущим / К. А. Хубиев // Terra Economicus. – 2012. – Т. 10. – № 3. – С. 58-62.
281. Худокормов, А. Современная экономическая теория Запада (обзор основных тенденций) / А. Худокормов // Вопросы экономики. – 2008. – № 6. – С. 20-43.
282. Хэндс, У. Нормативная теория рационального выбора: прошлое, настоящее и будущее / У. Хэндс // Вопросы экономики. – 2012. – № 10. – С. 52-75.
283. Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Цицерон. – М.: Наука, 1993. – 248 с.
284. Челидзе, Е. И. Массовая культура как фактор социальной идентификации / Е. И. Челидзе // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2011. – № 2. – С. 201-209.
285. Человек в экономике и других социальных средах / отв. ред. В. Г. Федотова. – М.: Институт философии РАН, 2008. – 195 с.
286. Шаститко, А. Модели рационального экономического поведения человека / А. Шаститко // Вопросы экономики. – 1998. – № 5. – С. 53-67.
287. Швери, Р. Теория рационального выбора: универсальное средство или экономический империализм? / Р. Швери // Вопросы экономики. – 1997. – № 7. – С. 35-51.
288. Шмоллер, Г. фон. К методологии общественно-политических и социальных наук / Г. фон Шмоллер // Terra Economicus. – 2011. – Т. 9. – № 3. – С. 31-49.
289. Шмоллер, Г. Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы. Хозяйство, нравы и право. Разделение труда / Г. Шмоллер. – М.: изд. К. Т. Солдатенкова, 1902. – 368 с.
290. Шмоллер, Г. Наука о народном хозяйстве. Ее предмет и метод / Г. Шмоллер. – М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1897. – 112 с.

291. Шмоллер, Г. О новейших результатах статистики народонаселения и нравственности / Г. Шмоллер. – М.: тип. В. Готье, 1873. – 36 с.
292. Шмоллер, Г. Происхождение, сущность и значение современной благотворительности / Г. Шмоллер. – М.: тип. А. В. Васильева, 1903. – 24 с.
293. Шульц, Д. Н. Наночурень экономической иерархии / Д. Н. Шульц // Вестник Пермского университета. Серия «Экономика». – 2014. – № 3 (22). – С. 15-21.
294. Шумпетер, Й. А. История экономического анализа: в 3 т. / Й. А. Шумпетер. – СПб.: Экономическая школа, 2001.
295. Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й. А. Шумпетер. – М.: Эксмо, 2007. – 864 с.
296. Экономическая система современной России: пути и цели развития / под ред. А. А. Пороховского. – М.: Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2015. – 896 с.
297. Эрроу, К. Дж. Коллективный выбор и индивидуальные ценности / К. Дж. Эрроу. – М.: ИД ГУ ВШЭ, 2004. – 204 с.
298. Этика: Энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апресяна, А. А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001. – 671 с.
299. Автономов, В. С. Модель человека в экономической теории и других социальных науках / В. С. Автономов. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/628/639/1219/003Avtonomov.pdf> (дата обращения 16.05.2016).
300. Алчиан, А. Неопределенность, эволюция и экономическая теория / А. Алчиан. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/985/692/1219/section3_istoki.pdf (дата обращения 17.03.2016).
301. Ананьин, О. И. Философия и методология экономической науки / О. И. Ананьин. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2011/01/25/1208941744/ФиМЭН.doc> (дата обращения 25.09.2015).
302. Базовые предпосылки современной экономической теории (economics) и их критика. – Режим доступа: http://inecon.org/docs/Nureev_paper_2013.pdf (дата обращения 17.12.2015).

303. Веблен, Т. Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? / Т. Веблен. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/988/692/1219/section2_istoki.pdf (дата обращения 11.02.2016).

304. Гребнев, Л. С. Человек в экономике: теоретико-методологический анализ: дис. ... докт. экон. наук: 08.00.01 / Леонид Сергеевич Гребнев. – М., 1993. – 178 с. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/xf/2013/08/20/1291716033/dissertation.pdf> (дата обращения 11.12.2015).

305. Кирдина, С. Современные теоретические модели экономики / С. Кирдина. – Режим доступа: <http://kirdina.ru/doc/news/25sep11/nocover/4.pdf> (дата обращения 20.11.2014).

306. Миневрин, И. Г. Критика концепции экономического человека (Сводный реферат) / И. Г. Миневрин. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/2010-01-010-012-kritika-kontseptsii-ekonomicheskogo-cheloveka-svodnyu-referat> (дата обращения 14.05.2016).

307. Радаев, В. В. Хозяйственная мотивация и типы рациональности / В. В. Радаев // Социологический журнал. – 1997. – № 1-2. – Режим доступа: <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/viewFile/323/298> (дата обращения 11.12.2015).

308. Тутов, Л. А. «Прощай, экономический человек?»: обзор итогов научного семинара кафедры философии и методологии экономики / Л. А. Тутов, В. Н. Рогожникова // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. – 2015. – Т. 6. – № 3. – С. 69-83. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/35825784.pdf> (дата обращения 04.05.2016).

309. Чаплыгина, И. Г. Виды экономических норм и ценностная нагруженность экономического знания / И. Г. Чаплыгина. – Режим доступа: <http://istina.msu.ru/publications/article/2480029> (дата обращения 21.06.2016).

310. Этциони, А. Социоэкономика: дальнейшие шаги / А. Этциони // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 1. – Режим доступа: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205033/ecsoc_t3_n1.pdf (дата обращения 19.06.2015).

311. Arrow, K. J. Rationality of Self and Others in an Economic System / K. J. Arrow // Journal of Business. – 1986. – Vol. 59. – No. 4. – pt. 2. – P. 385-399.

312. Blaug, M. Ugly Currents in Modern Economics / M. Blaug // *Options Politiques*. – 1997. – Vol. 18. – No. 17. – P. 3-8.
313. Boland, L. A. The Foundations of Economic Method / L. A. Boland. – L.: George Allen and Unwin, 1982. – 204 p.
314. Bunge, M. Systemism: The Alternative to Individualism and Holism / M. Bunge // *Journal of Socio-Economics*. – 2000. – Vol. 29. – No. 2. – P. 147-157.
315. Caldwell, B. Beyond Positivism. Economic Methodology in the Twentieth Century / B. Caldwell. – L.: Allen and Unwin, 1982. – 279 p.
316. Clark, J. M. Economics and Modern Psychology. Part I / J. M. Clark // *Journal of Political Economy*. – 1918. – Vol. 26. – No. 1. – P. 1-30.
317. Coase, R. H. Economics and Contiguous Disciplines / R. H. Coase // *The Organization and Retrieval of Economic Knowledge*; M. Perlman (ed.). – Boulder, CO: Westview Press, 1977. – P. 481-495.
318. Davis, J. B. The Turn in Economics: Neoclassical Dominance to Mainstream Pluralism? / J. B. Davis // *Journal of Institutional Economics*. – 2006. – Vol. 2. – No. 1. – P. 1-20.
319. Dow, S. Codes of Ethics for Economists: A Pluralist View / S. Dow // *Economic Thought*. – 2013. – Vol. 2. – No. 1. – P. 20-29.
320. Etzioni, A. The Case for a Multiple-Utility Conception / A. Etzioni // *Economics and Philosophy*. – 1986. – No. 2. – P. 159-183.
321. Granovetter, M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness / M. Granovetter // *American Journal of Sociology*. – 1985. – Vol. 91. – No. 3. – P. 481-510.
322. Hodgson, G. M. A Trojan Horse for Sociology? Preferences versus Evolution and Morality / G. M. Hodgson // *Review of Behavioral Economics*. – 2015. – No. 2. – P. 93-112.
323. Hodgson, G. M. Institutional Economics into the Twenty-First Century / G. M. Hodgson // *Studi e Note di Economia*. – 2009. – No. 1. – Vol. XIV. – P. 3-26.

324. Hodgson, G. M. On the Evolution of Thorstein Veblen's Evolutionary Economics / G. M. Hodgson // *Cambridge Journal of Economics*. – 1998. – No. 22. – P. 415-431.
325. Hodgson, G. M. On the Limits of Rational Choice Theory / G. M. Hodgson // *Economic Thought*. – 2012. – No. 1. – P. 94-108.
326. Hodgson, G. M. The Approach of Institutional Economics / G. M. Hodgson // *Journal of Economic Literature*. – 1998. – Vol. XXXVI. – P. 166-192.
327. Keynes, J. N. *The Scope and Method of Political Economy* / J. N. Keynes. – L.: Macmillan and Co., Limited, 1955. – 382 p.
328. Knack, S. Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation / S. Knack, Ph. Keefer // *Quarterly Journal of Economics*. – 1997. – Vol. 112. – No. 4. – P. 1251-1288.
329. Leibenstein, H. *Beyond Economic Man: A New Foundation for Microeconomics* / H. Leibenstein. – L.; Cambridge (MA): Harvard University Press, 1976. – 297 p.
330. Lindenberg, S. An Assessment of the New Political Economy: Its Potential for the Social Sciences and for Sociology in Particular / S. Lindenberg // *Sociological Theory*. – 1985. – Vol. 3. – No. 1. – P. 99-113.
331. McCloskey, D. N. Max U versus Humanomics: A Critique of Neo-Institutionalism / D. N. McCloskey // *Journal of Institutional Economics*. – 2016. – Vol. 12. – No. 1. – P. 1-27.
332. McCulloch, J. R. *A Discourse on the Rise, Progress, Peculiar Objects, and Importance of Political Economy* / J. R. McCulloch. – Edinburgh: Archibald Constable & Co, 1824. – 118 p.
333. Smith, A. *Essays on Philosophical Subjects* / A. Smith. – L.: T. Cadell Jun. and W. Davies (Successors to Mr. Cadell) in the Strand; and W. Creech, Edinburgh, 1795. – 361 p.
334. Veblen, T. *The Place of Science in Modern Civilization and Other Essays* / T. Veblen. – N.Y.: B.W. Huebsch, 1919. – 456 p.

335. Wagner, A. *Grundlegung der politischen Oekonomie* / A. Wagner. – Leipzig: C. F. Winter'sche Verlagshandlung, 1892-1893.

336. Hodgson, G. M. *How Did Economics Get Into Such a State?* / G. M. Hodgson // *Post-Autistic Economics Newsletter*. – 2001. – No. 8. – P. 143-146. – Available at: <http://www.paecon.net/PAEtexts/Hodgson1.htm> (date of access 20.12.2015).

337. Hodgson, G. M. *Meanings of Methodological Individualism* / G. M. Hodgson // *Journal of Economic Methodology*. – 2007. – No. 14 (2). – P. 211-226. – Available at: <http://www.geoffrey-hodgson.info/user/image/meanmethind-free.pdf> (date of access 21.12.2015).

338. Nelson, J. A. *Poisoning the Well, or How Economic Theory Damages Moral Imagination* / J. A. Nelson // *Global Development and Environment Institute. Tufts University Working Paper*. – 2012. – No. 12-07. – Available at: <http://www.ase.tufts.edu/gdae/Pubs/wp/12-07NelsonPoisoningWell.pdf> (date of access 19.11.2015).

339. Rowen, D. *Incorporating Ethics into Economics: Problems and Possibilities* / D. Rowen, M. Dietrich. – Available at: <http://citeseer.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.195.6034&rep=rep1&type=pdf> (date of access 02.11.2014).

340. Stiglitz, J. E. *The Measurement of Economic Performance and Social Progress Revisited* / J. E. Stiglitz, A. Sen, J.-P. Fitoussi. – Available at: <http://www.stiglitz-sen-fitoussi.fr/en/index.htm> (date of access 07.02.2014).

ПРИЛОЖЕНИЕ А

(справочное)

Сравнение типов научной рациональности и соответствующих им системных объектов исследования

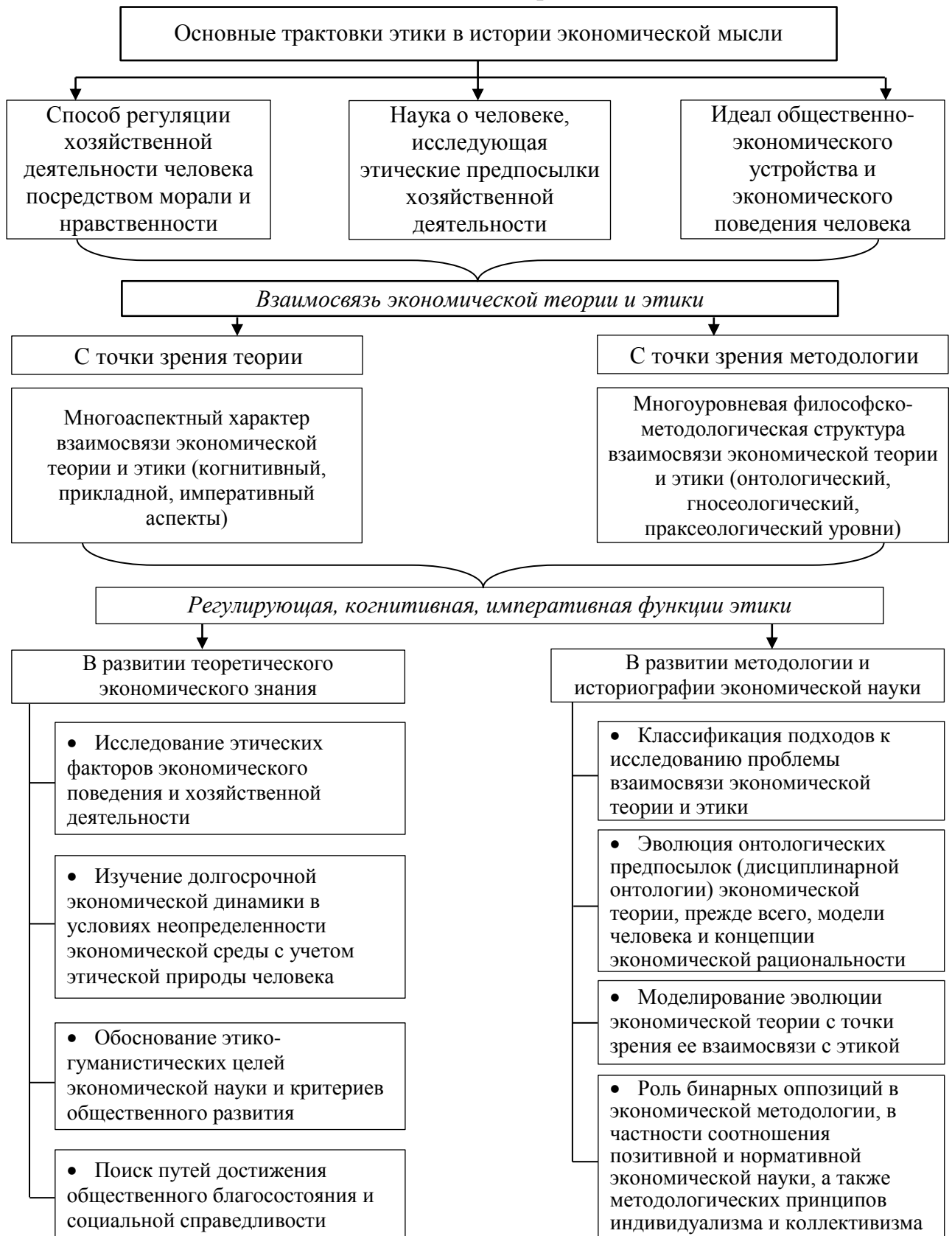
Признак сравнения	Классическая научная рациональность	Неклассическая научная рациональность	Постнеклассическая научная рациональность
Тип системной организации объектов исследования	Простые системы	Сложные саморегулирующиеся системы	Сверхсложные саморазвивающиеся системы
Соотношение части и целого	Целое определяется как сумма частей	Система состоит из относительно автономных подсистем. Целостность предполагает наличие прямых и обратных связей и системные свойства целого. Часть внутри целого и вне его обладает разными свойствами. Целое не только зависит от свойств частей, но и определяет свойства частей	Целостность характеризуется развитием, в ходе которого происходит переход от одного вида самоорганизации к другому (фазовый переход). Система иерархична и способна порождать в процессе развития новые уровни организации. Каждый уровень оказывает обратное воздействие на другие уровни. В результате система приобретает новую целостность, дифференцируется, в ней появляются новые подсистемы, новые типы прямых и обратных связей
Соотношение вещи и процесса, понимание процесса	Вещь первична по отношению к процессу. Процесс понимается как воздействие одной вещи на другую	Системы рассматриваются как процессуальные и самовоспроизводящиеся в результате взаимодействия со средой и благодаря саморегулированию	Различают два смысла процессуальности системных объектов: процессуальность проявляется и как саморегуляция, и как саморазвитие, как переход от одного типа саморегуляции к другому
Пространство и время	Абсолютные и внешние по отношению к системе	Не абсолютные, зависят от положения субъекта познания. Система обладает внутренним временем	Наращивание системой новых уровней самоорганизации сопровождается изменением внутреннего пространства-времени. В процессе дифференциации системы и формирования в ней новых уровней возникают своеобразные «пространственно-временные окна», фиксирующие границы устойчивости каждого из уровней и горизонт прогнозирования их изменений

Источник: составлено автором по [245, 250].

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

(обязательное)

Концептуально-методологическая схема исследования этических аспектов эволюции экономической теории и методологии

Источник: разработано автором по результатам исследования взаимосвязи экономической теории и этики в истории экономической мысли и экономической методологии.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

(обязательное)

Эволюция экономической теории и методологии в процессе развития теоретического знания

Характеристика этапа развития науки	Классицизм	Неклассицизм	Постнеклассицизм
Временной период	XVII – конец XIX вв.	Конец XIX – конец XX вв.	Конец XX века – настоящее время
Характер развития науки	Додисциплинарная и дисциплинарная наука	Дисциплинарная наука	Междисциплинарная наука
Дисциплина, определяющая научную картину мира в экономической теории	Физика	Математика	Этика
Науки, служащие ориентиром для экономической теории	Физика	Физика и математика	Другие науки о человеке
Основные дисциплинарные онтологии	Продуктовая	Поведенческая Институционально-эволюционная	Гуманистическая Системная Синергетическая
Исследуемые объекты и процессы картины мира	Социальный атомизм, абсолютное пространство и время. Устойчивые, равновесные состояния. Кризисы как случайные явления	Относительность экономического пространства и времени. Динамические, эволюционные состояния. Неопределенность среды и асимметричность информации	Гетерогенность, неопределенность, нелинейность, сложность, стохастичность экономического пространства-времени
Направления (течения) экономической мысли	Классическая политическая экономия Маржинализм Марксизм Новая классика	Историческая школа Классический институционализм Кейнсианство Шумпетерианство Эволюционная экономика Неоинституционализм Поведенческая экономика Экспериментальная экономика	Социоэкономика Неомарксизм Гуманомика Экономическая синергетика Системная экономика

Продолжение приложения В

Характеристика этапа развития науки	Классицизм	Неклассицизм	Постнеклассицизм
Характеристика экономических субъектов	Независимые, автономные, неизменные индивиды, хорошо информированные и нацеленные на собственный интерес	Ограниченно рациональные индивиды, по-прежнему нацеленные на собственный интерес, но действующие в условиях неопределенности	Гетерогенные экономические субъекты, обладающие разнообразными характеристиками, определяющими нелинейность, сложность и неопределенность среды
Онтологические представления об экономике с точки зрения типа системной организации объектов исследования	Экономика как аддитивная и неизменная система одномерных индивидов	Экономика как эмерджентная система взаимодействия экономических субъектов	Экономика как сложное, многомерное пространство-время, в котором взаимодействуют гетерогенные экономические субъекты
Рыночное равновесие	Свободная рыночная экономика находится в состоянии равновесия. Отклонения от состояния равновесия – случайные явления	Множественность состояний равновесия. Кризисы и циклы – неотъемлемые черты рыночной экономики	Состояние равновесия не характерно для рыночной экономики. Экономическое развитие – неравновесный процесс («порядок из хаоса»)
Тип научной рациональности	Классический (выявление объективных законов, независимость субъекта познания как условие получения истины)	Неклассический (учет связи объекта и субъекта познания как условие получения истины)	Постнеклассический (рефлексия ценностных суждений ученого, связь внутринаучных и общественных ценностей)
Преимущественный тип поведенческой рациональности	Инструментальная	Ограниченная	Этическая
Роль субъекта познания	Является сторонним наблюдателем	Оказывает влияние на ход процесса познания, встает вопрос о его ценностной нейтральности	Учитывается его роль как носителя ценностей, субъект-субъектный характер процесса познания
Идеалы и нормы научности	Логичность и непротиворечивость. Интроспекция и здравый смысл	Математическая строгость и однозначность. Верификация и фальсификация	Экспериментальные подтверждения, историческая реконструкция, качественная методология
Роль формализованных методов в развитии экономической теории и методологии	Позволяют обобщать и описывать экономические явления и процессы, осваивать новые области исследования	Отрываются от реального содержания экономических явлений и формируют абстрактную экономику	Служат вспомогательным инструментом в прикладных исследованиях

Источник: составлено автором по результатам исследования эволюции экономической теории и методологии.

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

(справочное)

Альтернативные модели человека в экономической теории

Направление (течение) экономической мысли	Характеристика модели
Новая институциональная экономическая теория	<ul style="list-style-type: none"> • Исходными предпосылками экономического поведения являются асимметричность информации, ограниченная рациональность, оппортунистическое поведение. • Оппортунизм означает стремление реализовать собственные интересы с применением коварства, он может быть грубым, стратегическим и естественным. • Неполнота информации порождает трансакционные издержки и институты для их минимизации. • Стремление к максимальному удовлетворению потребностей осуществляется с учетом внешних и внутренних ограничений (интеллекта, внимания, способности воспринимать и обрабатывать информацию). • Имеет место зависимость принимаемых решений от результатов прошлых решений (зависимость от предшествующего развития). • На поведение экономического субъекта влияют окружающая среда, наследственность, воспитание и обстоятельства
Поведенческая экономическая теория	<ul style="list-style-type: none"> • Процесс принятия решения рассматривается в определенных организационных рамках с опорой на результаты опросов, кейс-стади, компьютерных симуляций. • Человек не обладает полной информацией, его внимание и когнитивные способности ограничены, поэтому он ищет не оптимальный, а принимает первый удовлетворительный результат (ограниченная рациональность). • Человек не знает все альтернативы, не может их сравнивать и тем более максимизировать по причине неопределенности, риска и ограниченных счетных способностей. • Информация не столько количественно ограничена, сколько сложна и многообразна для ограниченных способностей человека. • В условиях неопределенности человек часто делает выбор из уже имевшихся в прошлом ситуаций. Даже если выгоднее поступить иначе, он предпочитает действовать привычным для него образом, так как неопределенность не позволяет точно узнать, когда следует отклониться от привычного поведения
Неоавстрийская школа	<ul style="list-style-type: none"> • Предпосылка оптимального максимизирующего поведения не обязательна, оптимум недостижим, можно только стремиться к нему для устранения беспокойства. • Информация ограничена (по причине принципиальной непознаваемости, так как экономические переменные субъективны и не доступны внешнему наблюдателю). • Знания и информация включают не осознаваемые субъектом привычки, навыки. Различия в информации есть различия в восприятии мира. • Большое значение имеет фактор времени (признание изменчивости поведения). • Мотивы поведения могут быть различными и выражены в разной степени у разных людей, поэтому противопоставление эгоизма и альтруизма, индивидуализма и коллективизма бессмысленно. • Человек в отличие от животных – изначально рациональное существо, он может управлять своими инстинктами и эмоциями, но может и ошибаться, поэтому рациональность либо избыточна (тавтологична), либо ограничена (что связано с концепциями расширенного порядка и неявного знания). • Экономические явления – результат деятельности индивидов
Традиционный институционализм	<ul style="list-style-type: none"> • Человеческая природа – результат эволюции всего человечества, человек – биосоциальное существо. • Модель человека расширяется за счет включения культурных и психологических аспектов: привычек, обычаев, традиций, правил поведения на рынке.

Продолжение приложения Г

Направление (течение) экономической мысли	Характеристика модели
Традиционный институционализм	<ul style="list-style-type: none"> • Людьми движут следующие основные инстинкты, определяющие цели человека: инстинкт мастерства, праздного любопытства, родительский инстинкт, инстинкт привычки, склонность к приобретательству, самоутверждению, соперничеству, агрессии, себялюбию, желанию прославиться. • Инстинкты тесно связаны между собой, существуют во взаимодействии и могут усиливать действие друг друга. • Институты определяют условия достижения поставленных целей. • Эгоистический интерес – не единственный мотив деятельности человека, ему также свойственно стремление к кооперации, альтруизм
Кейнсианство и посткейнсианство	<ul style="list-style-type: none"> • Первостепенное значение имеет психология поведения человека. • Человеческая деятельность осуществляется в условиях фундаментальной неопределенности (будущее не только неизвестно, но и непознаваемо). • В условиях ограниченной информации и познавательных способностей человека оптимизирующее поведение невозможно. • Человек ориентируется на удовлетворительный, а не максимальный результат, подчиняется социальным нормам, привычкам, настроению, капризам и даже физиологическому состоянию своего организма. • Человеком могут одновременно двигать чувство независимости, гордость, скупость, щедрость, недалковидность, нерасчетливость, осторожность, предусмотрительность, тщеславие и мотовство. • Основной мотив деятельности – избежание неопределенности, вызванной множественностью моделей поведения
Эволюционная экономическая теория	<ul style="list-style-type: none"> • Человек рассматривается как социально-экономический генотип с уникальным набором характеристик. • Экономическое поведение трактуется как результат действия привычек, рутин и социальных правил. • Приняты предпосылки ограниченной рациональности и гетерогенности экономических субъектов. • Несовершенство информации приводит к возникновению неопределенности. • Экономические системы и индивиды эволюционируют в соответствии с механизмами естественного отбора, наследственности, изменчивости
Радикальный субъективизм	<ul style="list-style-type: none"> • Поведение экономического субъекта обусловлено создаваемой им внутренней мысленной реальностью. • Незнание является предпосылкой активного выбора и целей, и средств. • Выбор человека принципиально непредсказуем по причине неустранимой неопределенности. • Человек выбирает не между вещами, а между намерениями их приобрести с целью достижения хорошего эмоционального состояния (активный творческий выбор в условиях неопределенности)
Социоэкономика	<ul style="list-style-type: none"> • Междисциплинарный подход позволяет осуществить синтез моделей человека из разных наук. • Движимое собственным интересом рациональное поведение происходит в контексте структуры личности и общества. Реальное хозяйственное поведение определяется тремя этими факторами. • Мотивы человека включают не только удовольствие, полезность, собственный интерес (это только частный случай), но и нравственный долг, эстетические и этические факторы, принадлежность к группе, поэтому предпочтения человека нередко противоречат друг другу. • Задача ученого – определить, при каких условиях те или иные интенции человека проявляются сильнее или слабее

Источник: составлено автором по [2, 4, 46, 62, 93, 134, 149, 232, 235, 263, 303, 320, 329].